РИК ЯНСИ

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АЛЬФРЕДА КРОППА

Книга 2. ПЕЧАТЬ СОЛОМОНА

Annotation

Альфред Кропп возвращается – чтобы немедленно пуститься в новые головокружительные приключения. Похищены знаменитые Печати, когда-то позволявшие царю Соломону держать в повиновении падших ангелов. Распахнулись врата ада, в мир хлынули орды нечисти, и только юному Кроппу под силу остановить их, хотя он пока не догадывается об этом.

Впервые на русском!

- Рик Янси
  -
  -
  - Часть I
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
  - Часть II
    -
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19

- 20
- 21
- 22
- 23
- 24

- Часть III
  -
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43
  - 44
  - 45
  - 46
  - 47
  - 48
- Часть IV
  - 49
  - 50
  - 51
  - 52
  - 53

        - 54
        - 55
    - Часть V
        - 56
        - 57
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31

- 32
- 33
- 34

Рик Янси
Необычайные приключения Альфреда Кроппа. Книга 2: Печать Соломона

Моим сыновьям-вдохновителям
И Сэнди за ее любовь

Целый летний день
Он будто бы летел, с утра до полдня
И с полдня до заката, как звезда
Падучая…

Джон Мильтон. Потерянный рай[1]

И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много.

Мк. 5:9

Rick Yancey
ALFRED KROPP: THE SEAL OF SOLOMON
Copyright © 2007 by Rick Yancey
All rights reserved
© И. Русакова, перевод, 2016
© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Интегральная система безопасности интерфейса
(ИСБИ)

Предупреждение для пользователя: данным интерфейсом могут пользоваться только сотрудники Компании с допуском А-17 и выше.

Любой несанкционированный вход в систему незамедлительно приведет к увольнению и лишению всех прав и привилегий, которые гарантированы сотрудникам Компании согласно Разделу 1.256 Устава АМПНЯ.

Протоколы безопасности, связанные с использованием ИСБИ, находятся в Разделе 4 Устава АМПНЯ.

Логин пользователя
«Чи Кабс» фан

Пароль:
*****

Добро пожаловать «Чи Кабс» фан!

Пожалуйста, выберите задачу:
Санкционированные интерфейсы:
«СБС»
Досье
Система САТКОМ[2]
Текущие операции
Архив операций
Директория Компании
Протоколы «Медикон»[3]
Локатор сервисов
Отдел специального оружия и тактики

ИСБИ
Система безопасности сообщений
(СБС)

Предупреждение для пользователя: Система безопасности сообщений (СБС) использует программное обеспечение для шифрования отправленной, сохраненной и восстановленной секретной информации Компании.

Любой несанкционированный вход в данную систему незамедлительно приведет к увольнению и лишению всех прав и

привилегий, которые гарантированы сотрудникам Конторы согласно Разделу 1.256 Устава АМПНА.

Все электронные сообщения и вложения СЭС снабжены программой самоуничтожения. Сообщения и приложения, не сохраненные в индивидуальном интерфейсе пользователя, автоматически уничтожаются через семьдесят два часа после отсылки. Пользователям рекомендуется создавать резервные копии нечувствительных ко времени данных.

Введите СБС пароль
(Внимание! ЭТОТ пароль не используется в ИСБИ)
******

Добро пожаловать в СБС,
«Чи Кабс» фан!

У вас одно новое сообщение!
Чтобы прочитать сообщение, нажмите **здесь**.

Кому: «Чи Кабс» фан
От кого: Водолей
Тема: Новый оперативный протокол касательно Сов. Секретно. Оп Утопия.

Оперативник номер девять запустил протокол извлечения особого субъекта: Альфред Кропп.

Обстоятельства требуют приостановить «Утопию» до нейтрализации ОС Кроппа.

Вследствие этого вы уполномочены использовать все необходимые средства для нейтрализации ОС А. К. до того момента, когда будет осуществлено его извлечение.

Понятие «все необходимые средства» включает в себя экстремальное извлечение упомянутого субъекта.

Водолей

Часть I
Извлечение

1

Мне казалось, что после смерти моя жизнь изменится. Как ни крути, я спас планету от полного уничтожения, а этим не многие могут похвастаться – то есть я даже не представляю, кто бы смог. Нет, я вовсе не ждал, что в мою честь устроят торжественный проезд по улицам города с забрасыванием конфетти и серпантином, или что президент лично наградит меня орденом, или еще что-нибудь в этом роде. Я говорю лишь об искренней вере в то, что заживу немного иначе.

Я ошибался.

Естественно, никто не знал о том, что я спас мир. Мне запретили об этом рассказывать, да и кто бы в это поверил? О том, что со мной случилось после исчезновения из школы, ходили самые разные кривотолки, но они большей частью основывались на всяких газетных заметках, в которых писали, будто я участвовал в заговоре с целью взорвать Стоунхендж.

Кто-то распускал слухи о том, что меня завербовали цэрэушники и заслали к террористам, чтобы я изнутри разрушил их ячейку. А кто-то – что я, наоборот, сам был террористом, но цэрэушники меня поймали, перепрограммировали и вернули к обычной жизни, как, например, умственно отсталых детишек помещают в класс к нормальным.

Но если верить самому популярному слуху, то я был просто сумасшедшим. Психованный Кропп – так меня иногда и называли. Ладно, не иногда. Часто. Не террористом, не наемником или каким-нибудь шпионом, а просто сумасшедшим, свихнувшимся, ненормальным, чокнутым.

И таким меня считали не только дети. Доктор Педдикот, школьный психолог, видимо, тоже так считала. Она направила меня к реальному мозгоправу, к психиатру Мори Бендерхоллу, а тот беседовал со мной целых три часа.

– Итак, Альфред, расскажи мне о школе, – попросил он.

– Ну, я не успеваю по большинству предметов. Со мной никто не хочет дружить, а с месяц назад кто-то придумал новую игру. Называется «кроппинг».

– Кроппинг?

– Именно, – кивнул я. – Такой новый вид спорта. Суть игры в том, чтобы унизить меня. Или подразнить. Унижение и дразнение. Только я не уверен, что есть такое слово – дразнение.

– Нет, такого слова нет.

– Тогда его следовало бы придумать. В общем, в распоряжении игрока в кроппинг масса приемов: от подножки в коридоре до веджи[4]. За веджи дают больше всего очков. При моих габаритах для этого нужен очень решительный настрой и немалая силища.

– Я уверен, что школа пресечет этот «кроппинг», если ты пожалуешься.

– Нет, я думаю, что будет только хуже.

Доктор перелистнул страничку в своем блокнотике.

– Давай поговорим о твоих страхах, Альфред.

– Зачем?

– Тебе трудно разговаривать о страхах?

– Обычно я о таком не распространяюсь.

– И почему же? – осведомился доктор Бендерхолл.

Я немного поразмыслил.

– Вообще-то, я об этом не думаю.

Доктор сидел и молча ждал. Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– Ну, например, клоунов боюсь, – начал я. – Но клоунов боятся почти все. Высоты боюсь. Лошадей. Грозы. Боюсь утонуть. Или сгореть заживо. Боюсь, что голову отрубят. Садовых гномов. Кариеса и воспаления десен. Насекомых боюсь. Ну, не всех. Божьи коровки очень даже ничего, да и бабочек было бы странно бояться. В основном я боюсь тех, которые кусаются и жалят, хотя от тараканов тоже не в восторге. Но их, по-моему, мало кто любит, поэтому у нас так много всяких спреев, дезинсектантов и прочего. Летучих мышей еще боюсь. Но не тех, которые фрукты едят. Я боюсь мышей-вампиров… И вообще всех животных с острыми зубами. То есть выходит, что всех, от акул до декоративных собачек. Но те, которые крупные, на первом месте. Еще уродств. Боюсь девчонок. То есть девчонки вообще в топе. Где-то сразу после грозы, но точно выше садовых гномов. Скука пугает. Понимаете, после возвращения из Англии мне так тоскливо,

что хоть помирай. Если не считать случая в молле на прошлой неделе, когда я увидел человека.

Доктор пристально посмотрел на меня:

– Человека?

– Ага. Такой маленький и лысый мужчина, щекастый, как ребенок, и в темном костюме. Первый раз я заметил его в ресторанном дворике. Он сидел через два столика и пялился на меня. А когда я взглянул прямо на него, он быстро отвернулся. Потом в «Блокбастере». Я увидел его в отделе комедий, которая была через два стенда от моей.

– Ты думаешь, он следил за тобой?

– Он не был похож на любителя комедий, но по внешнему виду тоже не всегда угадаешь.

Доктор подался вперед в своем кресле и сказал:

– Хорошо. А теперь давай поговорим о том, что беспокоит тебя всерьез.

Я обдумал его предложение.

– Вообще-то, меня ничего особенно не беспокоит.

– Альфред, – произнес доктор Бендерхолл, – все, что будет сказано в этой комнате, не выйдет за ее пределы. Мне запрещено делиться с кем бы то ни было полученной от пациентов информацией.

– А что, если я расскажу вам кое-что об одном преступлении?

– Ты совершил преступление?

– Ну, думаю, что формально – да.

– Хорошо.

– Значит, если я расскажу вам об этом… Разве вы не обязаны меня сдать?

– Отношения «врач – пациент» священны, Альфред.

– Это как? Как в церкви?

– Что-то вроде того. – Доктор Бендерхолл улыбался; зубы у него были желтые, как у тех, кто много курит или налегает на кофе. – Итак, что же это за формальное преступление?

– Я кое-кого обезглавил.

– Неужели?

– И кое-кого застрелил.

– То есть застрелил *и* обезглавил?

– Не одного и того же человека. О, еще я угнал машину. Даже две. Полицейскую патрульную и «ягуар». И еще «ламборджини». Так что

получается – три. Нет, еще был «бентли». Так что четыре. Вы точно никому не расскажете?

Доктор кивнул.

– Я после возвращения домой ни с кем об этом не говорил, – признался я.

Доктор Бендерхолл пообещал, что все, о чем я ему расскажу, будет считаться строго конфиденциальной информацией, и я ему все строго конфиденциально и рассказал.

Выслушав мою историю, доктор Бендерхолл отослал меня в приемную. Я услышал, как он снял трубку и позвонил моему социальному работнику. Доктор оставил дверь приоткрытой, так что до меня долетало почти каждое слово.

– Клиническая депрессия. Пограничный психотик с бредом величия и параноидальными фантазиями… мать умерла, когда ему было двенадцать… шесть месяцев назад убили его единственного родственника… Как следствие того, что отец оставил мать Альфреда еще до его рождения… Альфред верит, что является потомком рыцаря Ланселота… Да, *того самого* Ланселота… А еще он в составе международной шпионской организации участвовал в операции по спасению Экскалибура из рук неких агентов тьмы, так он их называет. Он также сообщает о встречах с ангелами, архангелом Михаилом в частности, который, по его мнению, забрал меч на небеса после смерти Альфреда и его воскресения в качестве Хозяина Меча. Кроме того, он верит, что был ранен этим мечом и в результате его кровь обрела магическую целебную силу… – А под конец доктор Бендерхолл сказал: – Интенсивная терапия поможет ему избавиться от ощущения того, что все его покинули, решит проблемы с чувством вины, с предательством… Чтобы исключить физиологические аномалии, рекомендую компьютерную томографию и МРТ… Да, повреждения мозга и тремор. И еще я бы рекомендовал торазин, эффективность этого препарата при параноидальной шизофрении уже доказана.

Я не верил ушам. Бендерхолл выложил социальному работнику все, о чем всего пять минут назад пообещал никому не рассказывать. И он был врачом! Если нельзя верить ему, то кому же можно? Я словно в вакуум угодил.

А когда появилась моя приемная мать, Бетти Таттл, доктор Бендерхолл пригласил ее в свой кабинет и закрыл за собой дверь.

Через полчаса она вышла, и вид у нее был такой, будто доктор врезал ей по голове бейсбольной битой.

– Я не сумасшедший, – сказал я Бетти, когда мы ехали в аптеку, чтобы купить выписанные доктором Бендерхоллом лекарства для психов.

– О нет, конечно же нет! – Голова у Бетти прыгала вверх-вниз. – Это просто ухабы, Альфред. Просто ухабы.

В тот вечер я подслушал, как препирались Таттлы. Хорас хотел от меня избавиться.

– Бетти, в один прекрасный день он окончательно слетит с катушек, – заявил Хорас. – Убьет нас, пока мы спим!

– Доктор говорит…

– Плевать мне на то, что говорит доктор!

– Может, нет у него ничего страшного, – сказала Бетти. – Обыкновенная опухоль мозга.

– Ты сама себя послушай! Обыкновенная опухоль мозга! Решено – мы вернем его соцслужбам. Я не подписывался быть приемным отцом психа!

Каждый день за ужином я незаметно сплевывал таблетку в ладонь и прятал ее в карман, а после ужина смывал в унитаз. И много об этом думал. О том, что я и впрямь могу быть сумасшедшим. Ведь если все вокруг считают, что ты сошел с ума, то и нормальный спятит.

Я мог бы доказать доктору Бендерхоллу, что мой рассказ не выдумка. Надо было только попросить его связаться с Абигейл Смит, оперативником АМПНА, которая дала мне свою визитку и предложила звонить в любое время.

И я действительно звонил ей примерно полгода назад, по возвращении из Англии. Абигейл поинтересовалась, как у меня дела в школе, и объяснила, что работа на АМПНА скорее призвание, чем служба. Я не совсем понял, что она имела в виду.

– Обычно мы не рассматриваем кандидатуры тех, кто не достиг двадцатилетнего возраста. И курс подготовки у нас довольно жесткий, – сказала Абигейл.

Я еще удивился: для чего же тогда она дала мне визитку?

– И что же мне делать? – спросил я.

– Альфред, я понимаю, что сейчас, после всего случившегося, тебе трудно вернуться к нормальной жизни. Я говорила, что мы

заинтересованы в твоем развитии, и это действительно так. Можешь не сомневаться.

А потом она посоветовала мне не бросать школу, работать над своими оценками, и, может быть, когда я выучусь, они со мной свяжутся.

Больше я ей не звонил, как и она мне. Так закончились мои рыцарские деньки, когда я спасал мир, и я не знал, жалеть о них или, наоборот, радоваться.

Я и в этом ошибся.

2

По пути домой я снова увидел того лысого мужчину с детским лицом, которого приметил еще в видеомагазине, только на этот раз я засек его, глянув в заднее окно школьного автобуса. В автобусе я всегда занимал место в последнем ряду. Сядь я в любом другом месте, кто-нибудь непременно запустил бы мне в затылок бумажным шариком или плюнул жеваным комком бумаги. Однажды какие-то ребята даже запустили в меня грязными спортивными шортами. Готов поспорить, что за такой кроппинг они заработали как минимум по четыре очка.

Мистер Детское Личико ехал в серебристом «лексусе» представительского класса. Автомобиль был так надраен, что в его капоте отражались кроны деревьев и облака.

Выйдя из автобуса, я немного постоял, чтобы посмотреть, что будет делать мистер Детское Личико. Он спокойно проехал мимо и даже не взглянул в мою сторону.

«У тебя сдают нервы, Кропп, – сказал я себе. – Может, доктор Бендерхолл был прав и ты бредишь».

От остановки до дому надо было пройти пару кварталов по Бродвею. Таттлы никогда не работали – можно сказать, они были профессиональными приемными родителями. В их маленьком старом доме всегда ютилось шесть-семь сирот.

На тот момент моим соседом по комнате был Кенни – тощий пацан с таким узким лицом, будто его сплющили в тисках. Глаза у Кенни были очень близко посажены, и он немного косил, а потому всегда казалось, что он злится, или растерян, или и то и другое. Я не знал, откуда и почему Кенни попал в этот дом, но, как и у большинства приемных детей Таттлов, его история вряд ли была веселой.

Кенни постоянно что-то бормотал, сопел и без конца повторял одни и те же слова. Если рядом был я, он твердил мое имя, ходил за мной по всему дому и бормотал: «Кропп, Кропп, Кропп, Альфред Кропп, Кропп, Кропп, Кропп».

По ночам становилось хуже.

«Кропп, Кропп, Альфред Кропп, тут темно, очень темно, я хочу пить, Кропп, мне очень хочется пить, Альфред Кропп, Кропп, Кропп».

И Кенни был почти всегда уверен, что за окном притаился и подглядывает за нами какой-то злодей. Он изводил меня своим нытьем, и я, чтобы его успокоить, вставал с кровати и лишний раз проверял щеколды.

Но вообще-то, бормотание Кенни меня не особенно донимало. Тихое и монотонное, как стук дождя в оконное стекло, оно порой убаюкивало.

А вот других ребят бубнеж Кенни раздражал, и они обращались с ним довольно круто. Пришлось пригрозить, что, если они не отстанут от Кенни, я поотрубаю им головы и затолкаю их обезглавленные трупы в погреб. После этого Кенни оставили в покое. Пусть я не настоящий рыцарь, зато потомок рыцаря, а в списке рыцарских добродетелей защита слабых стоит на одном из первых мест.

Я в нерешительности потоптался на пороге. Через тонкие стены было слышно, что в доме на полную катушку включен телевизор. Наверное, шел какой-то сериал. Бетти Таттл жить без них не могла.

Хорас обычно сидел развалившись на диване и, стараясь перекричать телевизор, орал на жену:

– И чего ты тратишь время на это «мыло»?! Кучка каких-то придурков и психов! То у них детей похищают, то кого-то убивают, то они влюбляются в собственных братьев!

А сам смотрел всю серию от начала до конца, пока Бетти суетилась и готовила что-нибудь перекусить для детей, которые скоро вернутся из школы, складывала выстиранное белье и подбирала разбросанные по полу игрушки.

Но когда я вошел, Хорас вовсе не пялился в телевизор. Он гарцевал по гостиной в фартуке и ловко орудовал метелкой из перьев. Его круглая физиономия блестела от пота. А Бетти тем временем выметала пыль из углов. При виде меня она тихо вскрикнула и выключила телевизор.

– Дорогой, Альфред дома, – шепотом сообщила Бетти Хорасу.

Тот перестал скакать по комнате, замер на месте и выпучил на меня глаза.

– Я знаю, что он дома, – прошипел Хорас. – У самого глаза есть.

После этого Хорас Таттл широко развел свои короткие ручки и пошел на меня. Я стоял на пороге и прямо обалдел, когда Хорас вдруг заключил меня в объятия. С метелки полетела пыль. Я чихнул.

– Как делишки, Эл? – Хорас уткнулся носом мне в грудь. – Боже милосердный, да ты с каждым днем становишься все больше и сильнее!

Он отступил на шаг и улыбнулся. Если раньше его улыбку можно было назвать гадливой, то теперь в ней появилось что-то раболепное.

– Что происходит? – спросил я.

– О, Альфред, происходит нечто невероятное… – начала Бетти, но Хорас не дал ей договорить.

– Ничего особенного! – воскликнул он, смущенно хихикнул, потом энергично хлопнул меня по плечу и понизил голос: – Просто затеяли весеннюю уборочку, Элли. Ты не против, если я буду называть тебя Элли?

– Нет, – ответил я. – И сейчас октябрь.

– Самое подходящее время! – возопил Хорас.

И тут в комнату вошел Кенни.

– О, Эл. Эл Кропп. Альфред Кропп, – по обыкновению бормотал он.

Хорас резко развернулся и заорал:

– Заткни хавальник, тупой недоделок!

– Хорас, у него из-за тебя возникнет комплекс неполноценности, – тихо заметила Бетти.

– И без меня уже возник! – огрызнулся Хорас.

– Отстань от Кенни, – сказал я, и Хорас заткнулся.

– Дорогой, может, нам все-таки следует рассказать Альфреду? – спросила Бетти и повернулась ко мне. – У нас сегодня гость.

– Кто?

– Ты его не знаешь, – сказал Хорас. – Слушай, Эл, дай-ка сюда свой рюкзак… Господи, какой тяжелый… Ты силен, как бык Поля Баньяна![5] Врубаешься? Вам рассказывали в школе про Поля Баньяна? Кенни, отнеси-ка рюкзак Эла в комнату.

Хорас швырнул мой рюкзак в сторону Кенни. Тот угодил Кенни в живот, и он шмякнулся на задницу.

– Все нормально, сам могу отнести, – сказал я и, подхватив рюкзак одной рукой, другой поставил Кенни на ноги.

– Спасибо, – еле выдавил он.

Тут в дверь позвонили. Хорас весь побелел, резко повернулся к Бетти и ткнул ей в нос коротким толстым пальцем:

– Отлично! Он уже здесь, а я еще не вытер пыль с камина!

– Кто уже здесь? – спросил я.

– Гость, – ответил Хорас, яростно дергая завязки фартука.

– Что за гость?

– Разве я еще не объяснил? Бетти, тащи сюда ножницы, мне не развязать этот чертов фартук…

Бетти стояла за спиной Хораса и, закусив нижнюю губу, трудилась над узлом.

– Я говорила – завяжи на бантик.

В дверь снова позвонили. Никто не сдвинулся с места. Хорас метелкой описывал в воздухе восьмерки. В этот момент он был похож на толстую низенькую мажоретку[6], хотя, конечно, мажореток такой комплекции редко встретишь. Пылинки разлетались и плясали в воздухе. Хорас рявкнул на Бетти, чтобы она прекратила суетиться и убрала куда-нибудь свой веник. В дверь позвонили в третий раз.

– Хотите, я открою? – предложил я.

– Нет! – хором завопили Таттлы.

– Эл, сядь на диван, только не посередине, – велел Хорас. – Бетти, свари кофе и сделай что-нибудь со своими волосами. Иначе ты похожа на Оззи Осборна. Подальше на край дивана, Эл, от тебя путом разит. Кенни, а ты чего тут рот разеваешь, как гуппи? Убирайся отсюда!

Хорас забрал у меня рюкзак и снова всучил его Кенни. Кенни вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул: мол, все нормально, хотя сам не был в этом уверен. Бетти исчезла в кухне. Хорас сорвал с себя фартук и прошипел:

– Садись, Эл, веди себя естественно! И сунь его под диван. – Он передал мне скомканный фартук.

Я затолкал этот ком под диван и сел.

Хорас распахнул парадную дверь. На пороге стоял мистер Детское Личико с тонким портфелем в руке и озадаченным выражением на лице.

– Здесь проживают Таттлы? – вежливо поинтересовался он.

– Здесь, можете не сомневаться! – заверил его Хорас. – Проходите. Располагайтесь. – В последнюю секунду он вспомнил о метелке,

спрятал ее за спину и взмахом свободной руки пригласил гостя пройти в гостиную. – Я – Хорас, моя жена Бетти варит в кухне.

– Варит?

– Кофе. Без кофеина. Не желаете?

– Нет, спасибо, но от стакана воды не откажусь. Довольно тепло для октября, вы не находите?

– Жара как в Африке, – согласился Хорас.

Лысый прошел в гостиную. Хорас засеменил следом.

– А вот и он. Наш Альфред Кропп.

– Я знаю Альфреда Кроппа, – отозвался лысый, посмотрел на меня и улыбнулся.

У него были очень мелкие зубы и острые резцы. Как у хорька. Хотя я никогда не заглядывал хорьку в пасть. Мужчина протянул мне руку, и я пожал ее, не вставая с дивана. Рука была влажной и мягкой.

– Альфред, меня зовут Альфонсо Нидлмайер, – представился он.

Хорас, который маячил у него за спиной, повернулся и завопил в сторону кухни:

– Бетти! Кофе отменяется. Принеси нам воду со льдом!

– Льда не надо, – возразил Нидлмайер.

– Безо льда!

– Но охлажденную, естественно.

– И охлади ее! – крикнул Хорас через плечо. – Присаживайтесь, мистер Нидлмен.

– Майер, – поправил его гость.

– Майер?

– Нидлмайер.

Мистер Нидлмайер сел в противоположном от меня конце дивана и положил портфель на колени. Хорас плюхнулся в кресло, а метелку бросил за спинку.

– Вы за мной следили, – сказал я мистеру Нидлмайеру.

– Следил.

– Почему?

– В основном чтобы удовлетворить собственное любопытство.

– От которого кошки дохнут, – вставил Хорас. – Но кого волнуют кошки? – Потом он заорал: «Бетти! Вода!» – и с извиняющимся видом улыбнулся гостю.

– Сходство очевидно, хотя и не бросается в глаза, – признал Нидлмайер.

– С чем сходство? – не понял я.

– С мистером Сэмсоном, конечно.

Тут в гостиную вошла Бетти с тремя стаканами воды на подносе. Она затянула волосы в узел, но несколько прядей над ушами все-таки выбились. Мистер Нидлмайер взял с подноса стакан и поблагодарил ее. Хорас зло сверкнул глазами:

– Кофе.

– Ты же сказал, кофе отменяется.

– Его кофе отменяется, не мой.

Бетти метнулась обратно в кухню. Мистер Нидлмайер отпил маленький глоток воды и поставил стакан на кофейный столик.

– Альфред, – сказал он, – я личный адвокат Бернарда Сэмсона и его душеприказчик.

Альфонсо Нидлмайер достал из кармана пиджака продолговатый белый конверт и протянул его мне.

На конверте было написано: «В случае моей смерти передать Альфреду Кроппу». И подпись: Бернард Сэмсон.

А ниже подписи – жирным шрифтом: «Лично в руки. Конфиденциально».

Конверт был запечатан старинным способом – красной восковой печатью с оттиском в виде всадника со знаменем.

– Мне следовало передать тебе это письмо раньше, Альфред, – сказал мистер Нидлмайер. – Но я обнаружил его только две недели назад, когда разбирал бумаги мистера Сэмсона. Мистер Сэмсон был скрытным человеком, и я, поверь, не знал о существовании этого письма.

– Ну, чего ты ждешь, Альфред? – дрожащим от возбуждения голосом спросил Хорас. – Открывай!

Я вскрыл конверт и вынул два листа с печатным текстом. Хорас подался вперед. Мистер Нидлмайер с грустным лицом внимательно за мной наблюдал.

– Ну? – не выдержал Хорас.

Вот что я прочел:

Мой дорогой Альфред,

если тебе передали это письмо, значит мое земное время закончилось. Невозможно выразить словами, как я сожалею, что не смог открыться тебе при жизни. Надеюсь, со временем ты найдешь в себе силы и простишь меня (и твою мать) за то, что мы держали в тайне правду о твоем происхождении. Я бы непременно открылся тебе, но путь мой оборвался внезапно… Таков удел потомков благороднейших из рыцарей.

Накануне моей последней встречи с Могаром я молился, чтобы ты нашел для себя хороший дом. Вот главный урок, который я усвоил за всю мою странную и скрытую от людских глаз жизнь: фортуна часто улыбается нам в самых мрачных обстоятельствах и мы, очутившись на грани между безумием и отчаянием, способны обрести надежду. Я очень хорошо понимаю, как сильно ты тоскуешь по маме и дяде… И молю Бога, чтобы ты понял – я делал все возможное, лишь бы ты был в безопасности и подальше от этого рискованного дела.

Мой дорогой сын, я бы никогда не покинул тебя, будь я уверен в том, что, оставшись, не подвергну смертельной опасности и тебя, и твою мать. Прости меня! Ты – мой сын, и даже после смерти я останусь твоим отцом.

Бернард Сэмсон.

Я дважды перечитал письмо, потом аккуратно его сложил и сунул в конверт, а конверт положил на край столика возле дивана.

Довольно долго все хранили молчание. Мистер Нидлмайер сочувствующе смотрел на меня. Хорас сверкал глазами, а потом не выдержал и громко, требовательно так спросил:

– Ну? Что там?

– Мистер Таттл, это не подлежащая разглашению информация, – заметил мистер Нидлмайер.

– Я его опекун. Практически родственник. Почти отец!

– Ничего подобного, – возразил я.

В комнату вернулась Бетти с чашкой кофе.

– О, Альфред! – воскликнула она. – Я совсем о тебе забыла! Что тебе принести, дорогой?

– Да ничего. Ну, если только стакан воды.

Бетти исчезла в кухне, а Хорас театрально закатил глаза и спросил мистера Нидлмайера:

– Вы женаты?

Мистер Нидлмайер продолжал смотреть на меня, а вопрос Хораса пропустил мимо ушей.

– Это хорошо! – сказал Хорас, его утверждение можно было отнести к любому варианту ответа.

Мистер Нидлмайер открыл свой портфель. Золотые застежки тихо щелкнули, и Хорас слегка подпрыгнул.

– Есть еще один вопрос, который нам следует обсудить, – сообщил мистер Нидлмайер. – Я, повторюсь, являюсь душеприказчиком мистера Сэмсона. – Он достал из портфеля обычного вида папку и постучал по ней пухлым пальцем. – Альфред, в его завещании ты указан как единственный наследник.

– Это что значит? – спросил я.

– Это значит, что ты наследуешь контроль над «Сэмсон индастриз» и все его состояние, которое составляет… – Мистер Нидлмайер сверился с бумагами в своей папке. – Да, четыреста миллионов долларов… плюс-минус миллион.

3

Тут раздался звон разбитого стекла, и мы все дружно вздрогнули. Это Бетти принесла мне стакан воды, но когда услышала слова мистера Нидлмайера: «Четыреста миллионов долларов», стакан выскользнул из ее руки и разбился вдребезги. Бетти сразу убежала в кухню за полотенцем, чтобы вытереть пол и собрать осколки.

У Хораса кровь отхлынула от лица. Он стал похож на Каспера Доброе Привидение лет сорока.

– Разумеется, как это принято в таких делах, ты сможешь контролировать свое состояние только по достижении восемнадцати лет, – продолжил мистер Нидлмайер. – А до той поры им будет управлять твой попечитель.

– Попечитель? – переспросил я.

– Попечитель, – шепотом повторил завороженный Хорас.

– А кто этот попечитель?

– Да. Кто он? Кто этот человек? – прошептал Хорас.

– Увы, но в завещании имя попечителя не указано. Таким образом, выбор должен сделать душеприказчик, то есть я.

– И кого же вы выберете? – осведомился Хорас.

Тут в гостиную вернулась Бетти с полотенцем и веником.

– О, я терпеть не могу битое стекло. Никогда не соберешь все осколки – хоть один да останется, и обязательно на него босая наступишь…

– Мистер Нидлмайер, хватит уже ходить вокруг да около, – сказал Хорас. – Кто этот попечитель?

Мистер Нидлмайер секунду молча смотрел ему в глаза, а потом ответил:

– Я еще не решил.

– Вы еще не решили?

Мистер Нидлмайер кивнул.

– Это одна из причин моего прихода. – Он снова повернулся ко мне. – Мне бы хотелось, чтобы Альфред высказал свои пожелания по этому вопросу.

– Пожелания Альфреда? – потрясенно переспросил Хорас. – Пожелания Альфреда! Вы хотите сказать, что позволите несовершеннолетнему и, прости меня, Альфред, не особо умному мальчишке решить, кто будет управлять состоянием в четыреста миллионов долларов?

– Вообще-то, – сказал мистер Нидлмайер, – если учитывать активы «Сэмсон индастриз», сумма ближе к миллиарду долларов.

Хорас открыл рот, но не смог издать ни звука, как будто слово «миллиард» выкачало из его легких весь воздух.

– Мне надо это обдумать, – сказал я.

– Конечно, – согласился мистер Нидлмайер. – Тут очень о многом надо подумать.

К Хорасу частично вернулась способность дышать, и он сдавленно просипел:

– Я ему помогу. Альфреду. Все обдумать. Элу понадобится моя помощь. Без меня он не сможет обдумать.

– В Альфреде вся наша жизнь! – крикнула Бетти с порога кухни.

– Я тут приберег кое-какие новости. Хотел сделать сюрприз, – сообщил Хорас Нидлмайеру. – Но кажется, сегодня и так день сюрпризов. Видите ли, мистер Нидлмайер, Бетти права, Альфред для нас – все, и вот что забавно: мы тут поговорили с нашим адвокатом и решили, что пора уже начинать.

– Что начинать? – не понял я.

– Процесс твоего усыновления, Альфред. Олух ты этакий, мы же тебя любим.

4

Мистер Нидлмайер дал мне свою визитку и пообещал связаться со мной через пару недель. Еще он выразил мне сочувствие в связи со смертью моего отца и дяди. Было ли ему известно о том, что мой отец являлся главой тайного ордена рыцарей – защитников Экскалибура, меча короля Артура, я не знал и не стал об этом упоминать. Впрочем, у меня и возможности такой не было – с того момента, как мистер Нидлмайер встал с дивана, Хорас терся возле него и не отошел ни на шаг, пока мы не попрощались на пороге дома.

После ухода мистера Нидлмайера Хорас наорал на Бетти, чтобы она кончила подметать, пылесосить и тереть пол мокрой тряпкой и занялась наконец ужином.

– Сегодня мы приготовили твое любимое, Эл. Стейк с картошкой! – объявил он.

– Вы не угадали, – сказал я.

– Что значит «не угадали»? – ехидно переспросил Хорас, но спохватился и предложил: – Ладно, Эл, тогда сам скажи, что тебе нравится. Что скажешь, то и приготовим!

– Я не голоден, – ответил я, поднялся в свою комнату и притворил за собой дверь.

Жалюзи были закрыты, Кенни лежал в полумраке на верхней койке и, по своему обыкновению, что-то бормотал себе под нос. Я растянулся на нижней и попытался осознать своим недалеким умом тот факт, что Альфред Кропп отныне – миллиардер.

– Ты что делаешь, Кропп? – шепотом спросил Кенни.

– Пытаюсь придумать, как не стать сыном Хораса Таттла. А ты?

– Ничего, Альфред Кропп.

Я перевернулся на живот и заглянул под кровать:

– Так, Кенни, верни то, что взял.

– Что вернуть?

– Сам знаешь.

Через пару секунд я увидел отблески тусклого света на черном металле. Это Кенни спустил со своей койки мой меч. Я знал, что клинок очень острый, поэтому принял его с большой осторожностью.

– Кенни, я же запретил его трогать, – сказал я и прижал меч к груди.

– Прости, Альфред Кропп. Пожалуйста, не злись на меня.

Я провел пальцем по гладкой стороне черного меча.

– Больше к нему не прикасайся, ладно?

– Ладно, Альфред Кропп.

Я положил меч обратно под кровать.

После возвращения из Лондона я поначалу ежедневно доставал из-под кровати меч Беннасио. На меня наваливалась такая тоска, что со временем я стал браться за него все реже и реже. В последний раз с этим мечом в руках Беннасио бился за спасение мира, а теперь он превратился в обычный подарок на память.

Я представил, как под старость буду показывать меч Беннасио соседским детишкам и говорить скрипучим голосом: «Посмотрите-ка, ребята! Знаете, что это за меч? Это меч последнего рыцаря на земле и самого храброго человека из всех, кого я знал». А мальчишки наверняка рассмеются и убегут от сумасшедшего старика Кроппа, который уже надоел своими бесконечными небылицами о волшебных мечах, пруклятых рыцарях и поющих ангелах.

– О чем ты думаешь, Кропп? – шепотом спросил Кенни со своей койки.

– Кенни, как бы ты поступил, если бы сию вот секунду узнал, что тебе оставили в наследство миллиард долларов, а Хорас Таттл собирается тебя усыновить, чтобы захапать эти деньги?

Кенни немного помолчал. Наверное, обдумывал ответ.

– Я бы сбежал, Альфред Кропп.

– В точку, – сказал я.

5

Я не сбежал в ту ночь. И в следующую. И через день. В последний раз я смылся из Ноксвилла в чем был и без всякого плана (то есть конкретно у меня его не было), поэтому теперь твердо решил, что не уеду без чистых носков и белья и заранее продумаю весь маршрут.

Спустя пару дней после визита мистера Нидлмайера Хорас сообщил, что назначено слушание по существу его ходатайства о моем усыновлении. Мне светило стать Хорасом Таттлом-младшим. Он начал заваливать меня подарками: купил айпод, новую одежду, сотовый. И еще стал называть меня «мой мальчик». Например, говорил: «Доброе утро, Альфред, мой мальчик!» А если не ходил за мной по пятам, как щенок, который отчаянно хочет заслужить внимание хозяина, то высматривал с Бетти новый дом в богатых кварталах Ноксвилла.

Я понимал, что надо как можно скорее бежать от Таттлов, но все никак не придумать, куда именно и чем я буду заниматься, когда доберусь до места. Англия – подходящий вариант, ведь мой отец приехал оттуда, и там вполне могли жить какие-нибудь мои родственники. Только я не представлял, как нарисуюсь у них на пороге и заявлю: «Привет! Я ваш кузен Кропп!»

Как-то днем по дороге к автобусу меня реально «откроппили». Четыре парня из футбольной команды набросились на меня, сбили с ног, сорвали рюкзак и пару раз двинули им по голове. Они слиняли, а я остался лежать на газоне, закрыв лицо руками.

– Эй, ты как? В порядке?

Я раздвинул пальцы и увидел, что надо мной стоит девушка. Светлые волосы. Голубые глаза. Загорелая.

– Ты ведь Альфред Кропп?

Я кивнул.

– А я – Эшли.

У нее было круглое лицо и голубые глаза, то есть очень голубые, я таких никогда не видел, и еще большие, как четвертаки.

Эшли присела рядом со мной. Автобус, изрыгая черный дым, отъехал от тротуара.

– Это был твой автобус?

Я кивнул.

– Тебя подвезти?

Я снова кивнул. После «кроппинга» даже кивать было больно.

– Идем. Я вон там припарковалась.

Я пошел за Эшли к ее машине. Это оказалась ярко-желтая «мазда-миата» с откидным верхом. Я закинул рюкзак на крохотное заднее сиденье и забрался в машину.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Кто-то сказал, не помню. Я только недавно приехала из Калифорнии. Отца сюда перевели.

– Ты из выпускного класса? – спросил я, хотя уже и сам догадался, потому что ее машина была припаркована на стоянке старшеклассников.

Эшли кивнула, а я подумал, что это отличный пример везения по-кроппски: меня решила подвезти роскошная девушка из выпускного класса и рядом нет никого, ни одного свидетеля.

– Почему те ребята тебя побили?

– Это такой «кроппинг».

– Кроппинг?

– Ты точно новенькая, раз не слышала о «кроппинге», – заметил я.

– А почему ты не дал им сдачи?

– Кодекс не позволяет.

Эшли удивленно посмотрела на меня:

– Какой кодекс?

– Ну, не знаю. Рыцарский, наверное.

– Рыцарский? Ты рыцарь, что ли?

– Нет, потомок рыцаря… – Я осекся. Эшли могла принять меня за фрика, что, вообще-то, недалеко от истины; короче говоря, я подумал, что лучше на эту тему не распространяться, и сказал: – Рыцарей больше не осталось. Ну, если не считать некоторых ребят в Англии, вроде Пола Маккартни. По-моему, он рыцарь, но это у него, скорее, почетный титул.

Тут вдруг моя левая щека стала горячей, а правая, которую не видела Эшли, похолодела, прямо ледяной стала. Это было жутковато.

Я сказал Эшли адрес Таттлов. Когда она остановилась, мы с минуту сидели и смотрели на покосившийся дом и заросший

сорняками газон с неухоженными кустами.

– Значит, здесь ты живешь? – спросила Эшли.

– Нет. Здесь я существую. – Я вышел из машины. – Спасибо, что подвезла.

– Без проблем. Еще увидимся.

– Обязательно. Пока.

Маленькая желтая «миата» рванула по шоссе, а я проводил ее взглядом и пошел в дом. Надо было приложить к голове лед.

6

Следующие две недели я постоянно натыкался в кампусе на эту высокую, загорелую, голубоглазую выпускницу. Однажды в столовой за ланчем я поднял голову, и – раз! – Эшли сидит напротив меня. Она улыбнулась. Я улыбнулся в ответ, но почему-то занервничал.

– Привет, Альфред, – сказала Эшли. – Как дела?

Я огляделся:

– Ты уверена, что хочешь, чтобы тебя видели вместе со мной?

– А почему нет?

– Это плохо отразится на твоей репутации.

Эшли рассмеялась и откинула волосы. Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что блондинки откидывают волосы гораздо чаще, чем брюнетки или рыжие.

– Я рискну.

– Я знаю, каково это. Быть новеньким в школе. Только когда я поступил сюда в прошлом году, я не был выпускником, у меня не было крутой тачки и на меня уж точно никто не заглядывался.

– Почему ты постоянно себя принижаешь?

– Ничего я себя не принижаю, а просто знаю, какой я.

Эшли почти не притрагивалась к еде, цепляла на кончик вилки маленький кусочек и покачивала им в воздухе.

– До тебя уже наверняка дошли все эти слухи. Что я террорист, агент ЦРУ или псих.

Эшли помотала головой:

– Все, что я слышала, – это то, что у тебя дядю прошлой весной убили.

– Да, это правда.

– Бедный Альфред, – довольно искренне сказала Эшли и сменила тему.

И только на шестом уроке, за минуту до звонка, до меня вдруг дошло, что было в этой встрече в столовой нечто странное. У выпускников ланч на полчаса позже, чем у моего класса.

В тот же день я увидел Эшли по пути к автобусу.

– Привет, Альфред, – сказала она.

– Привет, Эшли.

– Куда направляешься?

Я показал на автобус.

– Хочешь, подвезу? – предложила она.

– Ты серьезно? – Если бы она спросила, не хочу ли я отрастить вторую голову, я бы и то меньше удивился.

– Ну да, – сказала Эшли.

Я пошел за ней на стоянку для выпускников и забрался в желтую «миату». Эшли любила ездить на большой скорости и не соблюдала дистанцию, но верх «миаты» был поднят, день выдался солнечным, девушка она была загорелая, так что с ее манерой вести машину я готов был смириться.

– В Огайо, где я рос, у нас была соседка. – Из-за ветра пришлось повысить голос. – Так вот, та старая леди подбирала всех бродячих собак в нашем районе.

– Зачем?

– Жалела.

– Ты думаешь, что я тебя жалею?

Я пожал плечами.

– А тебе не кажется, что ты еще слишком молод, чтобы быть циником, Альфред?

– Такие, как ты, обычно не замечают таких, как я.

– А может, мне с тобой интересно. Слушай, я проголодалась, – заявила Эшли. – Хочешь, прокатимся к «Стейк-энд-Шейк»?

Ответа Эшли дожидаться не стала. Она вырулила на линию обслуживания «на ходу» и заказала два больших шоколадных коктейля, два двойных бургера и две порции картошки фри.

Забрав все это, Эшли заехала на стоянку и остановилась под брэдфордской грушей, крона которой напоминала застывший взрыв из красных листьев. От молочного коктейля меня бросило в дрожь и появилась эта острая боль в глазах. Эшли уплела свой бургер и картошку так, будто не ела несколько дней. Правда, я уже встречал стройных девушек, которые способны на такое.

– А ты реально загорела, – сказал я. – Не боишься заболеть раком кожи?

– Солнце – моя жизнь, – ответила Эшли, и это, как я понял, означало, что ей плевать на рак.

– Моя мама умерла от рака кожи, – сообщил я.

– У тебя и мама умерла?

Я кивнул:

– Мама. Папа. Дядя.

– Получается, моя жизнь была безоблачной, – сказала Эшли. – Со мной ничего подобного не случалось. Ну, как у тебя с мамой, папой и дядей.

– О, потерь у меня было намного больше. Я давно со счета сбился. То есть нет, это неправда. Я их все время пересчитываю. Я никому об этом не говорил, кроме моего психиатра. Он не в счет, а я вот тоже умер.

– Ты умер?

– Да, и потом вернулся, – кивнул я. – Но иногда у меня возникает чувство, будто я зомби, только пожирать людей нет никакого желания и одеваюсь я получше. Наверно, это цена того, чтобы еще покоптить тут небо. Знаешь, как пауки поедают своих жертв? Они высасывают из них все соки. Тело, то есть оболочка или там скорлупа, остается, а жизнь уходит. Вот и я так себя ощущаю. Ходячая оболочка Кроппа.

Эшли втянула через соломинку изрядную порцию коктейля, не отрывая от меня глаз.

– Альфред, все течет, все меняется, – сочувственно сказала она. – Тебе обязательно станет лучше.

– Откуда ты знаешь?

– Ты же рыцарь. Ты из хороших.

Мне очень хотелось ей верить. Рыцарей не осталось, но хорошие еще были.

Упоминание рыцарей заставило меня вспомнить последнего из них, Беннасио, и его дочь Наталию, самую красивую девушку, какую я встречал. Когда мы виделись в последний раз, она меня поцеловала. Я много думал о Наталии, о том, где она, и волновался, все ли с ней в порядке, – она ведь, как и я, была сиротой. Но если честно, то в основном я думал о ней из-за ее необыкновенной красоты.

Мы подъехали к дому Таттлов. Эшли положила руку мне на плечо.

– Постой, – сказала она и принялась рыться в сумочке. – Я дам тебе номер моего сотового.

– Зачем?

– Глупый, чтобы ты мог мне позвонить.

– Зачем?

– Затем, что ты мне нравишься.

– Я сам или то, что у нас общее?

– Ты сам.

У меня сдавило грудь, я вылез из машины, но потом повернулся и наклонился к Эшли:

– Слушай, я все понял. Я для тебя что-то вроде проекта. Бедняга Кропп, большой и глупый. Так вот, мне не нужны твои чувства… то есть сочувствие. Найди себе какого-нибудь другого лузера и жалей его сколько влезет.

Эшли даже не успела ничего ответить – я развернулся и потрусил через двор к дому. Прямо у тротуара из земли торчал корень старого дуба, я его не заметил и растянулся мордой вниз. Что может быть хуже?

Я ждал знака свыше и, когда поднял свою неуклюжую тушу с земли, понял, что это и есть знак.

Пора бежать.

7

Хорас встретил меня в коридоре, в руках он держал серый костюм на вешалке.

– Что это такое? – спросил я.

– Твой костюм, Альфред.

– Нет у меня никакого костюма.

– Теперь есть. Примерь – посмотрим, впору ли. Завтра идем на слушание. Ты должен понравиться судье, Эл, – сказал Хорас.

Я быстро прошел мимо него в ванную и сразу потянулся за зубной нитью. Через секунду в дверь тихо постучали.

– Эй, ты забыл костюм, Эл, – шепотом сказал Хорас. – Я повешу его тут на ручку. Сегодня на ужин жареный цыпленок. Это ведь твое любимое?

Я не стал отвечать, и Хорас удалился.

Потом я прошел в свою комнату и достал из шкафа рюкзак. Вещей у меня было не много, так что на сборы ушло не больше пяти минут. В комнату сунулся Кенни:

– Что ты делаешь, Альфред Кропп?

– Складываю вещи в рюкзак.

– Ты уезжаешь!

Я посмотрел Кенни в глаза, и он начал плакать.

– Не надо, Кенни. Я не хочу, чтобы Хорас с Бетти все поняли.

– Куда ты едешь?

– Не знаю. Пока не решил.

– Возьми меня с собой.

– Не могу.

– Почему?

– Просто не могу, и все, ясно? Слушай, Кенни, все будет хорошо. Я не могу здесь оставаться. Хорас задумал меня усыновить и прибрать к рукам все мои деньги. Я не могу это допустить.

Кенни забрался на верхнюю койку и отказался спуститься к ужину, но я, чтобы не вызвать подозрений, ел с аппетитом. К тому же я не знал, когда еще придется нормально поесть. Я планировал бежать через окно, как только Хорас и Бетти лягут спать.

Около одиннадцати я услышал, как они ушли в свою комнату.

– Альфред Кропп бежит и оставляет меня умирать, – бормотал на своей койке Кенни.

Я тяжело вздохнул:

– Послушай, как только я доберусь до места, я сразу тебе позвоню, чтобы убедиться, что ты жив и здоров. И если все будет в порядке, я вернусь и вызволю тебя. Устраивает?

– Ты вызволишь меня? Обещаешь?

– Обещаю.

Кенни притих, – очевидно, мое обещание его успокоило. Пора было уходить, но я не двигался с места. Чего я ждал? Я решил, что жалость Эшли – это тот самый знак, но мне вдруг напрочь расхотелось бежать.

Сейчас, оглядываясь назад, я задаюсь вопросом: что бы случилось, если бы я тогда дал себе пинка под зад и сбежал от Таттлов? Предотвратил бы я все те ужасы, которые готовы были обрушиться на наш мир, если бы ускользнул из дому на десять или пять минут раньше?

Этого я никогда не узнаю, потому что не сбежал в тот конкретный момент. Я прислушивался и ждал, когда дыхание Кенни станет ровным, а где-то около полуночи он вдруг закричал:

– Что? Что это? Альфред Кропп, я что-то слышал там, за окном!

– Я ничего не слышал.

– А я слышал. Я… – Кенни осекся и понизил голос до шепота: – Там кто-то есть.

– Слушай, Кенни, – сказал я, – успокойся, никого там нет.

Но Кенни все равно бы не успокоился, пока я не проверю, в чем дело, так что я подошел к окну, поднял жалюзи, оперся о подоконник и, прищурившись, посмотрел в темноту. Так ничего и не увидев, я отвернулся от окна и сказал:

– Видишь, Кенни? Никого там…

И тут вдруг окно распахнулось внутрь комнаты, прямо как в фильме ужасов, когда герой-тинейджер говорит: «Видишь, там никого нет». Большие руки в черных перчатках схватили меня за запястья и мигом выдернули наружу. Я даже пискнуть не успел.

8

Перед глазами мелькнуло ночное небо, раскачивающаяся ветка и газон, который полетел мне навстречу. Я упал лицом в траву, а в следующую секунду что-то твердое уперлось мне в поясницу. Кто-то закричал. Наверно, Кенни.

Я падал с открытым ртом и, приземлившись, сразу почувствовал вкус травы и земли.

– Не рыпайся, – произнес мужской голос.

Я повернулся на правый бок и левым локтем нанес скользящий удар в голову типу, который склонился надо мной. Он начал заваливаться, но очень быстро снова оседлал меня и выполнил удушающий захват. У меня потемнело в глазах.

Незнакомец потащил меня за угол дома, развернул кругом и прошипел:

– Успокойся! Не дергайся!

За домом он заломил мне руки и толкнул в сторону припаркованного у тротуара черного спортивного автомобиля с откидным верхом. Потом запихнул на пассажирское сиденье и нагнулся так низко, что мы оказались нос к носу. Я получил солидную дозу мятного запаха.

– Привет, Эл.

Я не поверил глазам – это был Майк Арнольд, тот самый агент АМПНА, который предал рыцарей и чуть не убил меня. Эбби Смит сказала, что Майка уволили, потому что он оказался двойным агентом. Значит, это была не их операция. А если не их, то чья?

Майк обежал «порше-бокстер» со стороны капота и запрыгнул на место водителя. «Порш» глухо зарычал. Майк так резко выжал газ, что я стукнулся затылком о подголовник. Он круто развернул машину на сто восемьдесят градусов, и завизжали шины, а из-под задних колес вырвались струйки дыма.

– В чем дело? – закричал я.

Майк вырулил на правую полосу и поехал к выезду на федеральную трассу.

– У нас это называется извлечением!

С тех пор как я видел Майка последний раз в пещере Мерлина, он мало изменился, подстригся под машинку, но по-прежнему одевался как старшеклассник из богатеньких – рубашка «лакоста», джинсы «докерсы» и кроссовки «нью баланс», а за поясом находился неизменный «глок» девятого калибра.

Движения в западном направлении по шоссе И-40 почти не было, Майк разогнался до девяноста миль в час и постоянно поглядывал в зеркало заднего вида. Я обернулся. Нас преследовал мотоциклист в черном комбинезоне.

– Кто это? – крикнул я сквозь ветер.

– Точно не лотерейщики с призом! – Рот Майка растянулся в улыбке, и я увидел большие белые зубы.

Чуть не запрыгнув на ползущий впереди «шеви-субурбан», Майк свернул на аварийную полосу и вдавил педаль газа.

– Извини, Эл. – С этими словами он вытащил из-за пояса «глок».

Я успел пригнуться, рука с пистолетом прошла у меня над головой, и Майк дважды выстрелил в преследующего нас мотоциклиста.

Стрелка спидометра подрагивала возле ста миль, наш «порш» подпрыгивал на неровном асфальте. Я снова посмотрел назад – мотоциклист исчез.

– Мы оторвались! – крикнул я.

Майк рассмеялся, но смех его больше напомнил собачий лай, и вынырнул на правой полосе прямо под носом у фуры с логотипом «Бест Бай». Впереди маячил выезд на шоссе Ноксвилл – Алкоа.

– Куда мы едем? – спросил я.

– В убежище.

– Убежище от чего?

Майк свернул на выезд с трассы, но скорость на повороте почти не сбавил, и мне пришлось вцепиться в дверную ручку, иначе я бы точно вылетел за борт. Машин на шоссе не было. Майк воспользовался этим и разогнался до ста двадцати миль в час. У меня было чувство, будто ресницы выдергивают.

– Сбавь скорость, Майк! – крикнул я.

Тут позади раздался какой-то рокот, очень похожий на далекие раскаты грома. В ночном небе появилось два боевых вертолета.

Большие и черные, они опускались прямо на нас, их гладкие корпуса поблескивали в свете фонарей.

– Нам от них не уйти! – закричал я.

Майк снова отрывисто хохотнул. По обе стороны шоссе поднимались высокие холмы. Мы мчались прямо на юг, в направлении Смоки-Маунтинс[7]. Где-то в миле впереди холмы разделились, пропуская между собой Теннесси-Ривер.

Перед самым мостом Майк резко затормозил. Нас занесло и крутило по часовой стрелке, пока мы не врезались бортом в бетонное заграждение три фута высотой. Если бы не оно, лететь нам вниз до реки футов сто.

– Давай! – Майк обежал машину и подскочил с моей стороны.

Боевые вертолеты навели прожекторы на мост, и ночь мгновенно вспыхнула, как рождественская елка. Им оставалось снизиться всего на сто футов – и вперед.

Майк распахнул дверь и выдернул меня из салона.

– О нет! – взмолился я. – Майк, я не умею плавать.

– Я, слава богу, умею!

И он потащил меня к бетонному заграждению.

– Эл, это просто, поверь! Или ты прыгаешь и жив-живехонек, или остаешься – и тебе конец!

Я вытаращился на Майка, завис на секунду, а потом согласился:

– Хорошо.

Мы забрались на бетонное заграждение, Майк дал мне пенделя, и мы полетели в темные воды Теннесси.

9

Я вошел в воду «солдатиком» и сразу начал тонуть. По пути на дно я крепко зажмурился, а в голове у меня крутилась только одна мысль: «Вот и хана Альфреду Кроппу». Конечно, я размахивал руками и ногами, но без толку – я тонул. Боль разлилась по легким, движения замедлились, а потом меня, как теплое одеяло, накрыло приятное чувство умиротворения. Все шло не так уж и плохо. Я словно погружался в дремоту: опустил подбородок на грудь и вспомнил, как холодными зимними ночами в Огайо – я там вырос – сворачивался калачиком и засыпал, пока мама в кухне, щелкая калькулятором, подводила баланс в бухгалтерских книгах.

Чья-то рука ухватила меня за шиворот, и я начал потихоньку подниматься на поверхность. Если во мне еще осталась слабая, но все-таки воля к жизни, она взяла верх, и я снова задрыгал ногами. Голова вынырнула, и я от души глотнул воздуха.

– Тсс… – прошипел мне на ухо Майк Арнольд. – Мы еще не выбрались из этой жопы.

После этого он аккуратно, как утопленника, перевернул меня на спину, подтянул к себе на грудь и, лежа на спине, погреб к южному берегу. Вертолеты барражировали над рекой. Я видел, как они шарят лучами прожекторов, и отчетливо слышал стук лопастей. Но у нас только нос торчал, а Майк греб очень медленно, и не было даже ряби.

– Чудесная ночка. Самое то в речке поплавать – да, Эл? – нашептывал мне на ухо Майк. – А теперь реально приткнись, мы почти на берегу. Сейчас я тебя очень нежно отпущу. Ярдов двадцать к югу – и хрен они нас заметят. Но это будут долгие ярды, Эл. Давай, парень, успокойся. Мы почти у цели.

Майк отпустил меня в свободное плавание. Уйдя под воду примерно на фут, я ткнулся задом в дно, потом немного приподнял голову и увидел вертолет. Он завис так низко, что вода пенилась и сверкала в лучах прожекторов. Куда делся второй, я так и не понял. До каменистого берега реки осталось футов пять. Берег был крутой, а дальше начинался заросший густым лесом склон холма.

– Отлично, – выдохнул Майк. – По моему сигналу. Три, два, один… вперед!

Я отставал от него всего на пару секунд. Бег – это вообще не мое. Обычно на физкультуре я только стартовал после свистка, а все уже были футов на шесть впереди. Я еще не коснулся берега, а Майк успел выпрыгнуть из реки и, касаясь земли костяшками пальцев, чуть ли не на четвереньках помчался вперед. Рванув от реки, я твердил себе, что стук вертолетных винтов за спиной не становится громче, но это, конечно, было не так.

Майк добежал до границы леса и яростно замахал руками, как будто мое спасение зависело только от умения бегать.

Где-то на полпути между рекой и лесом я встал как вкопанный. Второй вертолет поднялся над верхушками деревьев, и мне уже было некуда деться. Вертолеты пошли на снижение, потоки воздуха объяли меня, а я стоял, как пришпиленная к земле, да еще ослепленная прожекторами букашка. Все, что я слышал, – это неистовый зов Майка.

Из теннисок натекла лужа, а я стоял и ждал, когда мне уже прострелят голову. Не знаю, как долго это продолжалось, помню только, что через целую вечность или даже две Майк принял решение и пришел за мной. Он схватил меня за плечо и толкнул в сторону леса.

Я споткнулся, упал и разорвал о камень джинсы на колене. Майк рывком поставил меня на ноги и погнал то волоком, то пинками в густой подлесок. А там уронил ничком, положил руку на спину и шепнул мне в ухо:

– Замри!

Вертолеты медленно кружили над лесом. Иногда казалось, что лопасти стучат прямо над головой, а иногда – как из дальней дали. Лучи прожекторов прорывались сквозь кроны деревьев и были в тумане похожи на белые колонны южных особняков. Эти светящиеся столбы уплывали все дальше и дальше, а вскоре стих и рокот. Я не двигался, но потом не выдержал и сказал Майку, что хочу отлить.

– Ну, если приспичило – иди, – разрешил он.

В общем, я зашел за ближайшее дерево, а когда вернулся, Майк уже сидел на земле. Он развернул пластинку жвачки, аккуратно сложил ее и отправил в рот. Я присел рядом и осмотрел дыру на джинсах. Из ободранного колена текла кровь.

– Отдышись, Эл. У нас пять минут – может, десять, – сказал Майк, не переставая жевать. – Сейчас они ищут место для посадки.

– И что будет, когда они его найдут?

– Пойдут за нами пешим ходом. Эти мелкие говнюки очень упрямы.

– А кто они, эти мелкие упрямые говнюки?

Майк ответил не сразу. Он подобрал веточку и начал тыкать ею в каменистую землю.

– Контора.

– АМПНА?

– АМПНА, – кивнул Майк.

– Но почему АМПНА хочет нас убить, Майк?

– Я не думаю, что они хотят убить тебя, Эл. Им нужен я.

Эта новость меня не удивила, ведь Майк предал рыцарей и АМПНА. Но я никак не мог понять, зачем он меня похитил. Может, решил, что Экскалибур все еще у меня?

Майк встал и отряхнул зад от земли и прилипших листьев.

– Ты только полюбуйся! Совсем недавно их купил, – это он про свои «докерсы». – Грязь к ним не пристает! – Майк посмотрел на меня. – Извини, что вот так тебя выдернул, Эл. У меня сейчас трудные времена, а ты для меня, нравится тебе это или нет, единственный порт в разыгравшемся шторме.

– Что еще за шторм? О чем ты говоришь, Майк?

– Ну, можно было бы назвать это крупным недоразумением, но правильнее – тем случаем, когда левая рука не знает, что делает правая. Ты готов?

– К чему?

Майк обошел меня и, не оглядываясь, зашагал в глубину леса.

– Выбор за тобой, малыш. Пойдешь со мной – пятьдесят из ста, что отпразднуешь свой следующий день рождения. Останешься здесь – сто процентов, что твою башку выдернут прямо через жопу.

И я пошел за Майком. Казалось, шум наших шагов разбудит даже мертвых. Добравшись до вершины холма, я увидел примерно в миле слева от нас огни федеральной трассы. Справа находился аэропорт Ноксвилла, а прямо под нами – парковка какой-то компании авиаперевозок.

– Вот там я его и оставил, – выдохнул Майк. – Ладно, идем.

Я присел на корточки под деревьями на краю небольшой лужайки, а Майк трусцой побежал к серебристому «Ниссану-380Z» в дальнем конце стоянки. Я понятия не имел, что происходит, и совершенно не хотел этого знать, но обратного пути не было, и я решил, что Майку придется посвятить меня в детали своей операции.

Заурчал движок «ниссана», Майк выехал из угла стоянки и помахал мне в окно. Я выбежал из укрытия, Майк на секунду притормозил и, как только мой зад коснулся сиденья, выжал газ.

Майк покатил в сторону гор, по прямой выжимая восемьдесят миль в час, а на поворотах сбавляя, но совсем ненамного.

Мы проехали через пару городков в предгорье, а потом, прямо перед въездом в Национальный парк, Майк свернул на гравийную дорогу, которая, петляя, уходила вверх по горному склону. Дорога была узкая, с одной стороны – гора, а с другой – глубокое ущелье. Мне посчастливилось сидеть на той, где пропасть. Я закрыл глаза, надеясь, что сердце не выпрыгнет из горла.

Наконец гравий хрустнул и мы остановились. Я открыл глаза. Мы припарковались напротив одинокой бревенчатой хижины на вырубке посреди густого леса.

– Дом, милый дом, – пропел Майк и вышел из машины. – Здесь мы в полной безопасности, Эл. Об этом месте никто не знает. Даже в Конторе, а ей известно практически все.

Он обошел машину и встал с моей стороны, как будто ждал, когда и я выйду. Я не выходил.

– Вылезай, Эл, – сказал Майк.

– Не вылезу, пока не скажешь, что происходит.

– А я думал, что уже говорил. Ты был извлечен.

– Зачем?

Майк улыбнулся:

– Вылезай, и я все расскажу.

Я обдумал его предложение. В темноте кроны деревьев казались серыми, холодный ветер шелестел листвой, а в окнах хижины горел свет и словно приглашал зайти и согреться.

– А почему не сейчас?

– Ну, в основном из-за машины.

– Из-за машины?

– Она абсолютно новая. – С этими словами Майк вытащил из-за пояса пистолет и нацелил его мне в лоб. – Выходи. Живо!

Я вышел. Майк отступил на пару шагов и махнул своим «глоком» в сторону хижины:

– После тебя, Эл. Шагай.

Я медленно побрел к теплому яркому свету и тут вдруг понял, какую страшную допустил ошибку. У меня аж волосы на затылке зашевелились. Машина абсолютно новая. Так сказал Майк. Почему это было так важно? Потому что он хотел меня пристрелить, но не собирался пачкать салон новой машины.

– Ладно. Так сойдет, – сказал Майк сзади.

До крыльца хижины оставалось примерно десять футов. Я остановился. Майк тоже. Ветер был холодный. Я поежился.

– Не поворачивайся, Эл, – тихо и спокойно произнес Майк. – Так тебе же будет лучше. Может, даже удобнее встать на колени.

Слева от меня было глубокое ущелье, справа – виргинские сосны и густые заросли дикой ежевики.

– Знаешь, как это называют в Конторе, Эл?

– Извлечение?

– Правильно. Но дело в том, что существуют разные извлечения. Данное мы называем чрезвычайным.

– Могу я хоть узнать, зачем ты собираешься чрезвычайно меня извлечь?

– Ради спасения мира, Эл. Ради всего человечества.

Я услышал, как он дослал патрон в патронник. В кронах деревьев вздыхал ветер. Я видел пар собственного дыхания.

– Мне бы сказать тебе, что я совсем не хочу это делать, Эл… ну, ты знаешь – типа как ты всегда мне нравился, как я тебя уважаю и все такое, но дело в том, что это неправда. Честно говоря, ты всю дорогу бесил меня до чертиков.

10

Я стоял и ждал пули в затылок. Но выстрела не последовало. Вместо этого из леса справа от меня вылетел всадник на белом коне. Он был весь в черном, вплоть до лыжной маски, и мчался прямо на меня. Майк что-то закричал, потом я услышал два выстрела. Всадник протянул ко мне руку и на скаку оторвал от земли. То есть совсем на чуть-чуть оторвал, потому что был намного меньше меня. И вот конь уже несся к ущелью, а мои ноги волочились по земле. Я ухватился за заднюю луку седла и подтянулся за спину черного всадника. Конь развернулся кругом и устремился в лес.

Майк опустился на одно колено и выстрелил с двух рук. Пуля, чиркнув, разорвала рубашку у меня на спине.

А потом мы оказались в лесу. Мы скакали между сосен, дубов и кленов, продирались сквозь густой подлесок и свисающий плющ. Если всадник и направлял коня по какой-нибудь тропинке или, там, следу, я этого не видел, но и не мог много видеть, потому что почти все время держал глаза закрытыми, а когда открыл, узрел белый круп коня и летящую под его копытами землю. Склон с каждой секундой становился все круче. Я ждал, что жеребец споткнется и мы все кубарем покатимся вниз, а потом долбанемся о ствол какого-нибудь дерева.

Конь петлял между деревьями, а порой и взмывал, перепрыгивая через овраги и притоки Литтл-Пиджн-Ривер.

Где-то через полмили мы выскочили из леса на ровную поляну, и всадник резко остановил коня. Я не спешился, а скорее медленно сполз на землю.

Всадник тоже не спешивался, он упал рядом со мной. Так мы оба лежали и смотрели на ночное небо. Потом он застонал и прижал руку к левому боку:

– Он меня подстрелил.

Я перевернулся на бок. Знакомый голос.

– Эшли?

Она подняла маску и попыталась улыбнуться, но вместо улыбки получилась гримаса.

– Привет, Альфред.

– Значит, никакая ты не выпускница, переведенная из Калифорнии.

– Значит, так.

– Так я и знал! Выпускники не завтракают в столовой с младшими. Ты из АМПНА?

Эшли кивнула, глаза ее наполнились слезами – наверное, от боли.

– Куда он тебя ранил? – спросил я.

Эшли задрала черную водолазку. Пуля Майка попала ей в левую сторону грудной клетки. Рана сильно кровоточила.

– Вертолет уже в пути, – срывающимся голосом произнесла Эшли и закашлялась.

Было темно, но при свете звезд я увидел, как в уголке рта заблестела кровь.

– Легкое зацепил, – прошептала Эшли. – Альфред, у меня на левой лодыжке…

Глаза Эшли закатились. Я задрал штанину у нее на ноге и увидел длинный нож в черных кожаных ножнах.

Тогда я все понял, встал рядом с ней на одно колено и вытащил этот нож. У меня тряслись руки. Я приставил лезвие к левой ладони. Вообще-то, я ненавижу холодное оружие, но выбора не было. Конечно, в вертолете АМПНА мог быть медик, но Эшли могла и не дожить до его прибытия, рискуя просто-напросто истечь кровью.

Я надавил лезвием на ладонь, и сразу выступила выпуклая полоска крови. Отбросив нож в сторону, я прижал окровавленную руку к ране Эшли. Она судорожно вдохнула ртом воздух и открыла глаза:

– Альфред…

– Все хорошо, – сказал я. – С тобой все будет хорошо.

Дыхание Эшли выровнялось, а потом и булькающие звуки у нее в груди стали тише и постепенно совсем исчезли.

Она схватила меня за руку и пробормотала:

– Я в это не верю…

– Но ты об этом знала, – сказал я.

Эшли хотела что-то ответить, но в этот момент над деревьями поднялся черный «апач» и заслонил своим корпусом яркие звезды. В поляну вонзился луч прожектора.

Я вскочил на ноги и лихорадочно начал просчитывать все варианты. Можно было броситься наутек, но я не был уверен, что Эшли не сможет остановить меня. Но с другой стороны, она потратила столько сил на мое извлечение, что вполне могла предпринять такую попытку. Я мог бы пойти с ней, но мне еще не встречался агент, который не обманул бы меня хоть раз, все равно по какой причине. Опять же Эшли спасла мне жизнь, а бежать наугад по лесу было не самым мудрым решением, тем более что Майк все еще был в горах и наверняка искал меня.

В общем, когда вертолет приземлился, я взял Эшли на руки и побежал к нему. Меня встретил пилот в черном шлеме с темным визором.

– Что случилось? – прокричал он сквозь шум вращающихся над нами винтов.

– Ее подстрелили, но с ней все будет в порядке!

Пилот кивнул, и мы подняли Эшли на борт.

Я тщетно искал ремень безопасности на сиденье через проход от Эшли. Она к этому времени уже сидела самостоятельно, и глаза у нее были открыты, а пилот осматривал ее рану. Он что-то сказал ей, я не смог расслышать, что именно; она кивнула и махнула рукой в сторону кабины, а потом покрутила указательным пальцем, как бы говоря: «Вытаскивай нас отсюда!»

В открытый люк врывался такой холодный ветер, что у меня заклацали зубы. Потом мы наконец взлетели.

Эшли посмотрела на меня и улыбнулась. У всех агентов АМПНА, которых я знал, были превосходные дантисты. Мне даже стало интересно: может, это у них такое требование при наборе кадров? Может, люди с хорошими зубами надежнее других?

– Куда вы меня переправляете? – крикнул я.

– В аэропорт!

– Зачем?

Эшли прокричала в ответ что-то вроде «дискретная нация», но я понял, что ослышался и она, скорее всего, ответила «секретная информация».

– Почему Майк Арнольд пытается меня убить? – спросил я, надрывая горло от шума в вертолете.

Эшли в ответ только покачала головой, взглянула на светящийся циферблат своих часов и быстро подключила головной телефон. Улыбка слетела с ее лица, она нахмурилась, и было похоже, что она с кем-то серьезно спорит. Закончив разговор, Эшли сорвала с головы телефон и встала. Она широко, чтобы сохранить равновесие, расставила ноги, повернулась ко мне спиной и достала из верхнего отделения какую-то черную коробку. Потом бросила ее на сиденье и порылась в содержимом. Я подумал, что она ищет бинт, чтобы наложить себе повязку.

Эшли повернулась кругом, и в руке у нее была какая-то штука, по виду похожая на водяной пистолет или на тот, что стреляет присосками.

– Что это? – громко спросил я.

– Извини, Альфред, – ответила Эшли, – у меня приказ.

И после этого – я даже шевельнуться не успел – она приставила эту штуку к моему бедру и нажала на спуск. Я почувствовал укол, и в глазах у меня потемнело.

Часть II
Орды Преисподней

– Исходное сообщение –

Кому: Водолей
От кого: ЧиКабсФан
Тема: Сов. секретно. Оп. Утопия

Рапорт прилагается. Сов. сек. А. К. с данного момента под контролем Агентства.

Кому: ЧиКабсФан
От кого: Водолей
Тема: Сов. секретно. Оп. Утопия

Прискорбно, но не конец света.

Немедленно выдвигайтесь к нексусу и приступайте к третьей фазе оп. Утопия. Все третьи лица – расходный материал. Персонал Агентства – расходный материал.

Водолей

11

Когда я был маленьким, мама каждое лето закидывала меня в нашу старенькую «короллу», и мы ехали в Дестин, такой городок на побережье во Флорида-Панхандл[8]. Я любил эти поездки. Мы останавливались перекусить в придорожных ресторанчиках, гадюшниках с вертикальными кулерами, где были разложены пироги и пирожные, а ночевали в паре кварталов от пляжа в одноэтажных мотелях типа «Сибриз мотор корт» или «Кончшел конклав».

Моим любимым был «Сибриз» – в основном из-за кроватей со встроенным массажером: бросаешь в таймер четвертак и кровать вибрирует под тобой целых пять минут. Едва мы входили в номер, я сразу плюхался на такую кровать и начинал скармливать ей четвертаки. Правда, мама запрещала мне пользоваться этой виброфункцией по ночам. Она считала, что у меня разовьется вертиго, или ночные кошмары, или и то и другое.

Я очнулся с именем Дестин на губах и услышал тихий гул двигателей. Звук из тех, что доносятся отовсюду и ниоткуда конкретно.

Постепенно, как бы рывками приходя в себя, я начал осознавать и другие детали окружающей обстановки.

Белоснежные простыни. Запах лаванды. Серые стены с заклепками. Даже на полу были заклепки. Круглая дверь с подобием штурвала вместо ручки. В стене напротив – иллюминатор, за стеклом которого – сплошная чернота.

– Дестин, – снова прошептал я в полумраке маленькой каюты.

Мама в джинсовых шортах и топике. Солнцезащитные очки скрывают половину лица. На лбу выступили бусинки пота, а на животе лежит роман в мягкой обложке.

Я не умею плавать, и мама кричит мне: «Не заходи далеко, Альфред! Не заходи слишком далеко!» Она знает, что я и не стану. В океане полно опасных штук: медузы и острые шипы дохлых мечехвостов, разорванные алюминиевые банки из-под пива и, конечно, акулы. Если подумать, то желание поплавать в океане может возникнуть только у человека с приветом. Океан – это часть дикой

природы, как лес например. Кто, будучи в здравом уме, разденется до шортов и побежит по лесу?

Я вспомнил, что на мне тогда были старые плавки с морской звездой на заду – когда-то ярко-желтые, они вылиняли и стали грязно-белыми – и еще широкий солнцезащитный козырек. Прибой был слабым. Я бродил по колено в воде, пинал кучки песка на дне и никогда не волновался, где мама и чем она занята, потому что был уверен, что она не спускает с меня глаз.

Штурвал повернулся против часовой стрелки, и круглая дверь отворилась. В каюту вошел крупный мужчина в черном, с большущими ушами и лицом, очень похожим на морду ищейки. Он посмотрел на меня сверху вниз.

– Здрасте, – сказал я, подтянув повыше одеяло с ароматом лаванды. – Я – Альфред Кропп.

– Я знаю, кто ты, – отозвался мужчина.

– А я знаю, кто вы. Ну, не как зовут, но я вас помню. Вы приходили ко мне в больницу, в Лондоне. А где Абигейл… то есть доктор Смит?

И тут, как по сигналу, в каюту вошла и закрыла за собой дверь Абигейл Смит, главный агент отдела осуществления проектов на местах из Агентства Межпространственных Парадоксов и Неизученных Аномалий.

– Привет, Альфред, – поздоровалась Абигейл.

Она совсем не изменилась с нашей последней встречи – яркая блондинка с затянутыми в тугой узел на затылке волосами, – только вместо туфель на трехдюймовой шпильке на ней были высокие черные ботинки на шнуровке. Она вообще была с головы до ног в черном – черная водолазка и черные джинсы.

– Где я?

– На борту джетфойла[9] «Пандора». Где-то у берегов Омана.

– Ого! – произнес я, хотя понятия не имел, где находится Оман. – А почему?

– Произошли кое-какие… события, которые потребовали твоего изъятия из гражданского интерфейса, – сказал мужчина с собачьим лицом.

– Чего? – не понял я.

– Оперативник номер девять имеет в виду, что тебя похитили ради твоего же блага, Альфред, – пояснила Абигейл.

– Оперативник номер девять?

– Да, – сказала Абигейл и кивнула в сторону мистера Собачья Морда. – Или короче – Оп-девять.

– А как его по-настоящему зовут?

– В зависимости от обстоятельств, – ответил за Абигейл Оп-девять.

– Почему?

– Характер работы.

– Это какой?

– Секретный, – сказал Оп-девять.

– По-моему, это как-то длинно – Оперативник номер девять. Почему вы просто не выбрали кодовое имя типа Боб?

– Боб скорее кличка, чем кодовое имя. Тебе так не кажется? – с улыбкой спросила Абигейл.

– Что вообще происходит? – Я попытался сесть, но у меня сразу сдавило виски, каюта поплыла перед глазами, и я решил, что садиться пока рановато.

– Ответ на этот вопрос нам неизвестен, – сказала Абигейл.

– Исходя из того, что мы знаем о планах Майка Арнольда, это можно назвать неожиданным поворотом событий.

– Тогда, – заметил я, – вам лучше, наверно, поделиться со мной хоть какой-то информацией об этих его планах.

– После увольнения Майкл Арнольд украл из хранилища АМПНА два очень ценных предмета. В данный момент наша цель – перехватить его до того, как он их использует.

– А что он украл? – спросил я и приготовился услышать знакомое: «секретная информация».

Оп-девять посмотрел на Абигейл, а та в ответ коротко кивнула. Он перевел взгляд на меня. Глаза у него были темные, почти черные.

– Печать Соломона, – произнес Оп-девять замогильным голосом.

Если он ждал от меня знака, что я его понял, то напрасно. Я просто вылупился на него, и все.

– Ты же слышал о царе Соломоне?

– О том, про которого в Библии написано?

– Да. Во времена своего царствования Соломон обладал двумя предметами колоссальной силы, истинными дарами небес. Великая Печать и Малая Печать, также известная как Святая Чаша. Соломон ревностно охранял их до самой своей смерти три тысячи лет назад. Большая Печать была утеряна в античные времена, но тайник с Малой был обнаружен в Вавилоне при археологических раскопках в тысяча девятьсот двадцать четвертом году…

Эбби решила прервать эту лекцию:

– Великая Печать, или Печать Соломона, – это кольцо, Альфред. В пятидесятых Агентство изъяло его у приверженцев апокалиптического культа смерти в Судане…

– Погодите-ка минутку, – не выдержал я. – Вы хотите сказать, что Печать Соломона – это кольцо? Вроде тех, что носят на пальце?

– Именно.

– Вы, часом, не про Элайджу Вуда рассказываете? Кажется, я уже видел это кино.

Абигейл улыбнулась:

– Кольцо, о котором ты говоришь, – продукт искусства, выдумка. Великая Печать Соломона – исторический артефакт, и он принадлежит нашему миру, а не миру фантазий. Важнее всего то, что кольцо Соломона – не творение сил зла. Конечно, если оно попадет не в те руки, его смогут использовать во зло, и вот поэтому мы его вернули и хранили последние пятьдесят пять лет…

– Пока Майк его не украл.

– В связи с чем мы полностью пересмотрели все наши протоколы безопасности.

– Да ну? Это утешает. Значит, Майк украл у вас эти две штуки… а потом приехал в Ноксвилл, чтобы убить меня. Зачем?

Абигейл переглянулась с Оп-девять и сказала:

– Это нам неизвестно. Мы надеялись, что ты сможешь это прояснить.

– Я? АМПНА разыскивает меня, желая получить ответы на вопросы? В таком случае у нас проблемы посложнее, чем я думал. А что насчет Эшли?

– А что насчет нее? – нахмурился Оп-девять.

– Почему она за мной шпионила?

Они снова переглянулись.

– Агентство часто командирует своих оперативников, чтобы они следили за особыми объектами.

– Особыми объектами? Я – особый объект?

– Как же последнему сыну Ланселота не быть им? – ласково поинтересовалась Абигейл. – Вторжение Майка в твой личный интерфейс застало нас врасплох. К счастью, когда он сделал первый ход, Эшли уже наблюдала за твоим домом.

– После чего вы меня вырубили и переправили на этот корабль у берегов Омана – где это, в Африке? – чтобы что?

– Чтобы перехватить Майкла Арнольда до того, как он с помощью кольца откроет Малую Печать.

– Малую Печать… – эхом повторил я.

– Священную Чашу, – пояснил Оп-девять.

– А почему вы не хотите, чтобы Священная Чаша была открыта?

Тут они переглянулись в третий раз.

Я чувствовал себя ребенком, которому родители пытаются в доходчивой, но щадящей форме объяснить кое-какие реалии взрослой жизни.

– Кольцо – это Великая Печать, – медленно, чуть ли не по слогам, проговорил Оп-девять. – Это ключ. Без кольца его обладатель не может контролировать… агентов, заключенных в Чаше. На самом деле без этого кольца Малую Печать и вскрыть невозможно. Одно без другого не имеет силы. Но соедини их вместе, и… – Тут он глубоко вздохнул. – Катастрофа.

Дверь распахнулась, и к нам присоединился парень в черном, как у Эшли, комбинезоне. В руках он держал поднос с апельсиновым соком и двумя тостами.

– А вот и еда, – объявил Оп-девять.

Мне показалось, что он испытал некоторое облегчение.

– Вообще-то, не так-то ее и много, – заметил я и снова попытался сесть.

Оп-девять подался ко мне, чтобы помочь. Каюта закружилась у меня перед глазами. Все это было очень странно. Я не понимал, откуда это головокружение и слабость. Из-за укола, который мне сделала в вертолете Эшли? Если да, то зачем она вообще меня уколола?

Я в три глотка осушил высокий стакан с соком. Тост был разрезан на четвертинки. Так я его и съел: закидывал по одной в рот и глотал не

жуя.

– Ладно, давайте посмотрим, правильно ли я все уяснил, – предложил я. – После того как вы, ребята, уволили Майка за попытку завладеть Экскалибуром, он вломился в ваше хранилище и украл две печати Соломона. Я пока еще не очень понимаю, что это за печати такие и какие у них возможности, но вы зачем-то приставили ко мне агента Эшли, потому что теперь я представляю для вас особый интерес. Тут появляется Майк, похищает меня и увозит в горы, чтобы там прикончить… Одному ему известно зачем… В последний миг Эшли спасает мне жизнь. А теперь мы на корабле и плывем… Куда?

– К нексусу[10], – сказал Оп-девять.

– Еще раз?

– Нексус – это центр, портал, вход.

– Ладно, понял тебя. И ваш план заключается в том, чтобы остановить Майка до того, как он откроет этот портал.

– Именно так.

– Иначе?..

– Катастрофа.

Зазвонил судовой колокол. И опять показалось, что этот звук, как гул двигателей, идет отовсюду и ниоткуда конкретно. Оп-девять сверился с часами и посмотрел на Абигейл:

– Время брифинга.

Абигейл кивнула, повернулась ко мне и похлопала по плечу:

– Нам надо идти, Альфред.

– А когда вы вернете меня домой?

Они дружно отвели глаза в сторону.

– Значит, не собираетесь возвращать?

– Здесь ты будешь в безопасности, Альфред, – сказала Эбби.

– Я бы все-таки рискнул вернуться домой.

Эбби взглянула на Оп-девять и скривила губы. Они у нее были красные и пухлые. У меня сразу возникли ассоциации с окунями из прудов у японских ресторанов.

– Может быть, – сказал он, – мы еще это обсудим. Когда Печати будут возвращены.

Они ушли. Большая круглая дверь закрылась. Ручка-штурвал повернулась, и я услышал лязгающий звук, как будто задвинули засов. До меня дошло, что я поменял одного похитителя на других.

Возможно, в отличие от Майка АМПНА и не собиралась меня убивать, но моя жизнь, как ни крути, была в их руках.

12

Не знаю, сколько я пролежал в каюте, дожидаясь возвращения Эбби и Оп-девять. Мне казалось, что очень долго. Заняться было нечем – ни журналов, ни книжек, ни телевизора; вдобавок у меня еще слегка кружилась голова, и чувствовал я себя как выпотрошенная тыква. Потом я заснул. Я, когда нечего делать, всегда засыпаю. В этом смысле я как собака.

И мне приснился жуткий сон. Сначала я плыл, что не было так уж страшно, раз я не умею плавать в реальной жизни. Высоко в небе ярко светило солнце, волны мягко перекатывали через голую спину, теплая вода поддерживала меня на поверхности, и плыть было легко. Я находился в открытом океане без малейшего намека на берег на горизонте; вода была темно-зеленого цвета, как листва в густом лесу, и пахла она насыщенным таким запахом, как плодородная почва. Потом я нырнул, и тут началась всякая жуть. Я превратился в рыбу без чешуи, у меня была большая голова, серая кожа, белое, как у сома, брюхо и беззубая пасть. Превратившись в эту рыбину, я начал увеличиваться в размерах. И рос, пока не стал величиной с китовую акулу.

Я, то есть серо-белое морское чудище, заглатывал беззубой пастью и выбрасывал через жабры сотни галлонов воды. Потом я почувствовал, как что-то покалывает мою рыбью кожу. Сотни серебристых рыбок с присосками вместо рта липли ко мне, пока я плыл под водой. Они стаями появлялись из глубины и цеплялись к рыбе-Кроппу. Их были тысячи, и в итоге они покрыли меня сплошь. Я чувствовал, как они высасывают из меня жизненные соки. По мере того как силы покидали меня, я погружался все глубже и глубже, а вода стала черной и очень холодной.

Меня бросило в дрожь. Не знаю, умеют ли рыбы дрожать, но в этом сне все казалось возможным, даже рыба-Кропп с белым брюхом.

Я проснулся, но все равно продолжал дрожать.

В иллюминаторе плясали отраженные морской водой солнечные зайчики. А рядом с ним, привалившись к переборке, стоял Оп-девять.

– Который час? – спросил я.

– Два часа до точки ввода.

– Нравится мне этот ваш профессиональный жаргон в духе Тома Клэнси[11], – сказал я. – Экстренное извлечение. Особый субъект. Точка ввода. И что будет, когда мы войдем в эту точку?

Я сел, и каюта снова закружилась у меня перед глазами. Кто-то – вероятно, Оп-девять, коль скоро его, как я понял, ко мне приставили, – принес еще один стакан с апельсиновым соком. Я выпил его залпом.

– Тогда у нас будет часов шесть, – ответил Оп-девять.

– Шесть часов на что?

– На то, чтобы остановить Гиену до того, как он откроет Малую Печать.

– Гиену?

– Майка Арнольда, – уточнил Оп-девять.

– Гиена – это его кодовое имя?

– Тебе не нравится? Мы сочли его наиболее подходящим.

– Нет, все нормально, просто я никак не могу понять, зачем нужно кодовое имя, если все знают, как его зовут на самом деле?

– Затем, что в противном случае он рискует оскорбить наши чувства, а мы, суперсекретные агенты в духе Тома Клэнси, очень чувствительны, – объяснил Оп-девять и указал на изножье кровати. – Не желаешь одеться, пока мы не прибыли в Марса-Алам?

– Что?

До этого я и не думал, что не одет. Оказалось, что на мне только больничная ночнушка. Зачем агенты АМПНА напялили на меня больничную ночнушку?

Я выскользнул из-под одеяла и схватил стопку одежды. Оп-девять не двигался с места и смотрел на меня этими своими темными глазами. Оставалось надеяться, что он не собирается стоять так, пока я одеваюсь.

– Где тут умыться и почистить зубы? – спросил я и провел языком по зубам – ощущение было такое, будто я лизнул ковер, причем не тонкий, как в доме Таттлов, а толстый и с густым ворсом.

– Иди налево, последняя дверь справа в конечной точке коридора, – сказал Оп-девять.

Конечная точка коридора. Я не заметил у Оп-девять акцента, но выражался он так, будто английский не был его родным языком. Кто так говорит – «конечная точка коридора»?

Оп-девять отворил мне круглую дверь. Я прижал одежду к груди, другой рукой стянул на спине ночнушку и побрел по коридору, куда сказано. Может, вы не в курсе – больничные ночнушки завязываются на спине тоненькими тесемками, так что по пути к конечной точке я сверкал голым задом. В коридоре было полно агентов, они сновали туда-сюда, а некоторые останавливались и таращили на меня глаза.

Мне показалось, что кто-то пару раз хихикнул, а однажды сказали «салага». Хотя, возможно, я ослышался и это было «бедолага», что тоже звучало подходяще.

Дойдя до конечной точки коридора, я вошел в последнюю дверь справа и оказался в крохотной ванной комнате. Три или два туалета в самолете – вот такая по площади была эта ванная. Я еле втиснулся в душевую кабину, но зато там была съемная лейка на гибком шланге с регулируемой насадкой.

В кабинке салага-бедолага прислонился спиной к стене, долго стоял под струями воды и пытался понять причину своей слабости и головокружения. Может, это все от смены часовых поясов?

А еще, стоя под душем, я обнаружил под левой мышкой неприятно болезненную точку. Это меня напрягло. Под мышками у нас лимфоузлы. А моя мама умерла от рака. Рак передается по наследству. Хотя у мамы он не с подмышек начался.

Сдернув с крючка полотенце, я вытерся насухо, и, честно скажу, когда вытирал ноги, голова у меня снова закружилась. Потом я обмотал полотенцем бедра и уселся на унитаз.

Я ни разу не плакал с Ноксвилла, с того момента, как началась вся эта история, и вот теперь у меня появилась возможность хоть на чуть-чуть уединиться и дать себе волю. В общем, я заплакал.

Где-то в другом полушарии мальчишки и девчонки забирались в школьный автобус.

Спросил ли кто-нибудь: «Эй, а куда подевался этот увалень Кропп?»

Или учителя. Хоть один из них нахмурился, глядя на мою пустующую парту?

А Хорас? Торчал ли он всю ночь под окнами полицейского участка в ожидании новостей обо мне или спокойно спал себе дома?

Или Кенни? Он, наверное, лежал в темноте на своей верхней койке и шепотом повторял: «Куда подевался Альфред Кропп? Куда

подевался Альфред Кропп?»

А днем в парках и на стадионах команды потных качков будут биться за победу в футбол или соккер. Компьютерные фрики будут играть в последнюю версию «Doom» и слать друг другу подсказки через «мгновенные сообщения». Гаражные рок-группы будут рвать струны электрогитар на рейвах, мамаши отправят цыплят в духовку, по соседним улицам разнесутся крики играющих в опавшей листве детишек, и скоро наступит День благодарения…

Я старался не думать обо всем этом, но чем больше старался, тем хуже у меня получалось. Еще недавно обычная жизнь казалась мне скучной, я ее ненавидел, а теперь отдал бы все, что угодно, лишь бы вернуться домой.

Воспоминание о Дне благодарения натолкнуло меня на мысли о еде, а они заставили вспомнить о нечищеных зубах, и я вернулся в реальность. Мысль о том, что надо почистить зубы, меня успокоила. Наверное, потому, что это обыденное дело не имеет ничего общего с библейскими царями, экстремальными извлечениями и секретными организациями с хранилищами, набитыми разными смертоносными артефактами, контакт с которыми неминуемо приведет к катастрофе мирового масштаба.

Зубную щетку в упаковке и тюбик пасты «Крест» дорожного размера я обнаружил в шкафчике возле зеркала. Зубной нити там, правда, не было, но, как говорится, нельзя иметь все. Я так надраил зубы, что закровоточили десны, а потом стоял и смотрел, как розовая слюна стекает в раковину.

Мне выдали стандартный черный комбинезон от АМПНА. И боксеры. Вообще-то, я ношу обычные белые трусы, но боксеры были новые, так что я решил смириться и на всякий случай отметил для себя, какое белье носят агенты АМПНА. Этот незначительный факт мог мне как-нибудь пригодиться, но, если честно, я в этом сомневался. От таких мелочей редко бывает польза.

Одевшись, я решил не возвращаться в каюту. Возможно, мне и следовало вернуться, но слезы принесли облегчение, высвободили что-то внутри меня, как это всегда и бывает, когда от души поплачешь.

Я вернулся по коридору к винтовому трапу, поднялся на два пролета и вышел на залитую ярким солнечным светом палубу.

Холодный ветер с кормы ударил в лицо, мокрые волосы отлетели со лба, и я подумал: есть ли у них на «Пандоре» парикмахер?

Я пошел к носу корабля. Слева по борту было открытое море, но вдалеке виднелась темная полоска земли. На острых гребешках волн плясали такие яркие блики, что было больно смотреть. Одетые как туристы, мужчины и женщины с фотоаппаратами на шее и солнцезащитными козырьками на носу сидели в шезлонгах или стояли, навалившись на перила. Я посмотрел направо и увидел по верхней части судна надпись крупным красным шрифтом: «Приключения на Красном море». А рядом еще одну – как я понял, на арабском, с этими смешными завитушками и жирными точками. Вот таким, значит, было прикрытие АМПНА: довольные жизнью представители западной цивилизации путешествуют по морю на пути к пирамидам.

На носу «Пандоры» я остановился и взялся за перила. Ни одного судна в пределах видимости. Я посмотрел вниз и только тогда осознал, на какой скорости мы шли. Когда Абигейл назвала «Пандору» джетфойлом, я не совсем понял, что она имела в виду, а теперь, перевесившись через перила, уразумел. «Пандора» рассекала по морю на двух огромных плавниках, а днище при этом было примерно футах в шести над водой. С такой осадкой она легко могла посоревноваться с быстроходными катерами мирового класса.

Рядом со мной возник Оп-девять. Застукал с поличным. Чтобы как-то его отвлечь, я показал на темную полоску на горизонте и спросил:

– Что это там?

– Египет, – ответил Оп-девять.

– Так мы в Средиземном море?

– Нет. Это Красное море.

Всего пять минут назад я прочитал на борту «Пандоры»: «Путешествия по Красному морю».

– Мне нужна какая-нибудь обувь, – сказал я.

Вообще-то, я довольно высокий парень, но Оп-девять был выше настолько, что я, глядя на него снизу вверх, видел черные волосы у него в носу.

Он никак не отреагировал, и я спросил:

– А что будет, когда мы доберемся до точки ввода?

– Будем ждать захода солнца. А с наступлением темноты совершим бросок к нексусу.

– Нексус… Это где-то в Египте?

– Это не название места, Кропп. Это нексус, ядро, суть. Нуклеус.

– Ага, понятно. А нуклеус чего?

– Повторного входа.

– Ух ты! Вряд ли ты поделишься информацией об этих Печатях. Давай сделаем так: ты ничего не говоришь и только киваешь или ртом дергаешь – короче, подаешь знак, что я на верном пути.

– Кольцо Соломона контролирует что-то находящееся внутри Святой Чаши. Судя по названию нашего корабля, с ним лучше не связываться. Майк стащил эти Печати и удрал с ними в египетскую пустыню, потому что не может просто взять и открыть Святую Чашу. У нас есть часов пять на то, чтобы добраться до нужного места, а это значит, что он не может открыть ее, когда ему вздумается. Возможно, для этого надо, чтобы правильно выстроились звезды, или Марс, например, оказался в созвездии Стрельца, или еще что-нибудь в этом роде.

Оп-девять ни разу ни кивнул и не дернул ртом, у него вообще не дрогнул ни один мускул на лице. Он просто стоял и смотрел на меня. Обутым я был бы немного повыше и не видел бы густой поросли у него в носу.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Оперативник-девять.

– Нет, как тебя по-настоящему зовут?

– По ситуации.

– Обещаю, я никому не скажу.

Оп-девять улыбнулся. Улыбка у него была не очень-то естественная, как будто ему было больно улыбаться.

– Я могу тебе сказать. Но тогда мне придется тебя убить.

– Это старая шутка.

– Я не шучу. – Оп-девять отступил на шаг и махнул в сторону носа корабля. – Идем, Кропп. Нам не следует тут светиться. И у моря есть глаза.

13

Мы вернулись в мою каюту. Я сказал, что у меня мерзнут ноги, а Оп-девять посмотрел на меня так, будто я говорю на суахили, то есть скорее было похоже, что это он говорит на суахили, а я – нет.

– У меня есть дела, – сказал Оп-девять и ушел.

А мне осталось надеяться, что одно из них решит мою проблему с обувью и носками. Я сел на кровать и глянул на свои ноги. Ногти пора и подстричь. У меня появился соблазн пообкусывать их, но я не делал этого с десяти лет, а некоторые привычки следует оставлять в прошлом.

Я принялся думать о том, что стало с Эшли после нашего спасения в Теннесси. Поправилась? Я испытывал к ней двойственные чувства. Эшли спасла мне жизнь, но в то же время обманывала – не рассказала, кто она такая и почему ее ко мне приставили. Откуда эти смешанные чувства? Какой она мне кажется – хорошей или хорошенькой?

Я делил агентов АМПНА на две категории: преппи, похожих на выпускников частных колледжей, образчиком которых был Майк Арнольд, и более грозных – стоиков, представленных Оперативником-девять. Этот тип был начисто лишен эмоций. Я даже подумывал, не является ли он живым воплощением «официально не признанных технологий», о которых еще в Лондоне упомянула Абигейл?

Может, он киборг? Нет, это было бы слишком. Но с другой стороны, я участвовал в охоте за волшебным кольцом, которое когда-то принадлежало библейскому царю Соломону, и верил во все это без особых проблем.

Дверь распахнулась, и в каюту вошла высокая загорелая блондинка с большими голубыми глазами, одетая в стандартный комбинезон АМПНА. Я встал, и первые секунды мы не могли произнести ни слова. Потом она шагнула вперед и обняла меня. Эшли приятно пахла. Сиренью. Правда, я точно не знал, как пахнет сирень, просто это было первое слово, пришедшее мне в голову. Она обняла меня, и я сразу подумал: сирень.

– Я хотела тебя поблагодарить, – сказала Эшли. – За то, что спас мне жизнь.

– Ладно, – сказал я, потому что понятия не имел, что еще сказать.

– И еще извиниться.

– За что?

– За то, что обманывала тебя там, в Ноксвилле.

– Ну, это у тебя такая работа.

– Да, такая работа, – кивнула Эшли.

– А что хранится в Святой Чаше? – Я решил, что если кто-то и может ответить на этот вопрос, то это Эшли.

– Я не могу тебе сказать.

– А ты знаешь, почему Майк пытался убить меня?

Эшли отвела взгляд.

– Ты можешь объяснить, зачем он украл эти Печати?

– Я не знаю.

У меня снова закружилась голова, и я сел на кровать.

– На борту есть доктор?

– А что, ты болен?

– У меня постоянно кружится голова. А еще я обнаружил болезненное место под… – Мне почему-то показалось неудобным употребить слово «подмышка», и я выкрутился: – На коже. Понимаешь, я бы не волновался, я очень даже крепкий парень, играл в футбол и все такое. А в прошлом году вообще участвовал в серьезных разборках. Меня даже один раз убили. Но у моей мамы рак начался с одной болезненной точки. Ты же знаешь, что это передается по наследству. Не болезненные точки. Рак. То есть я думаю, что и болезненные точки тоже могут передаваться…

– Да, на «Пандоре» есть доктор, – сказала Эшли и почему-то улыбнулась. – Привести?

– Ну, может, попозже. Мне лучше, когда я сижу.

Эшли присела рядом, будто ей тоже надо было прийти в себя. Она скрестила длинные ноги и наклонилась вперед. Волосы упали ей на щеку.

– В последнее время я много думаю о маме, – признался я. – После ее смерти все пошло наперекосяк.

Эшли кивнула, потом заправила прядь за ухо и украдкой посмотрела в мою сторону.

– Ты, наверное, уже знаешь о ней, – сказал я. – Могу поспорить, у АМПНА есть досье на меня и ты его прочла, когда тебя… прикрепили ко мне. Оттуда и узнала, что моя кровь способна заживлять раны.

– А ты сообразительный.

– Значит, досье существует.

– В Агентстве есть досье на многих людей.

– На многих – это на скольких?

– Практически на всех.

– Зачем заводить досье на всех?

– Затем, что практически каждый может оказаться важным для Агентства.

– Да? Никогда о себе так не думал. То есть знаю, что я последний потомок Ланселота и мой отец был очень богатым и влиятельным человеком, но то, что я спас мир, – это просто слепое везение.

Эшли накрыла мою руку ладонью:

– Ты особенный, Альфред. У тебя уникальный дар, не забывай об этом.

– Нет у меня никакого дара.

Это было такое завуалированное предложение перечислить все мои таланты, но Эшли не повелась. Секунду я колебался, не положить ли и мне ладонь на ее руку. Но момент был упущен. Эшли убрала свою.

– Мне надо идти.

– Тебя зачислили в команду?

Эшли кивнула. Судя по выражению ее лица, она не была от этого в восторге.

– А можно мне с вами?

Эшли посмотрела на меня в упор:

– Тебе не сказали? У тебя нет выбора.

14

Тут дверь в каюту распахнулась, и появился Оп-девять. Он принес пару армейских ботинок и толстые носки. Эшли соскочила с кровати. Я тоже. Как будто он застукал нас за чем-то предосудительным. Лицо у него было как раз такое.

Оп-девять посмотрел на Эшли:

– Вся команда уже в сборе на верхней палубе.

– Я как раз туда и шла.

– Верхняя палуба на два этажа выше, – процедил Оп-девять.

И она без лишних слов вышла из каюты.

– Не наказывайте ее, – попросил я. – Она ничего не сказала, мы говорили только о том, что я и так уже знаю.

– Это хорошо, иначе все закончилось бы весьма печально. Особенно для нее. – Оп-девять поставил ботинки с носками рядом с кроватью и отошел назад.

– Ладно, – уступил я. – Кое-что она сообщила. Вы берете меня с собой к нексусу.

– Это неизбежно.

– Почему же?

Оп-девять просто смотрел на меня и молчал.

– Мне тут пришло в голову, что вы киборг, – сказал я.

– Ты шутишь.

– Только наполовину.

– Как можно шутить наполовину?

– Никогда об этом не думал. А если я откажусь идти с вами?

– Мне придется тебя заставить.

– А я буду драться. – (Тут Оп-девять приподнял одну бровь.) – Я кусаюсь и царапаюсь.

– Тогда я тебя свяжу, закину на плечо и отнесу к нексусу, как мешок с картошкой.

– Шутите, да?

– Наполовину.

Оп-девять указал на ботинки. Затем молча наблюдал, как я их натягиваю.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Голова еще немного кружится.

– Это пройдет.

– Откуда вы знаете?

– Я не только киборг, я еще и прошел медицинскую подготовку. – Он открыл дверь и кивнул в сторону коридора. – После тебя, Альфред Кропп.

Тут меня осенило, и, вместо того чтобы молчать в тряпочку, что было бы самым мудрым решением, я брякнул:

– Я наживка, да?

– Наживка? – переспросил Оп-девять.

– Или выкуп, или что-нибудь вроде этого. Майк хочет, чтобы вы привели меня к нему.

– Это вряд ли.

– Тогда почему я должен идти с вами?

– Потому что мы так велим, – спокойно ответил Оп-девять.

«Тупой Кропп. Тупой, тупой, тупой», – повторил я себе и вышел из каюты в коридор.

15

Мы поднялись по винтовой лестнице на два пролета, потом повернули за угол и сразу вдруг оказались под открытым небом. Снаружи было холоднее, чем я ожидал, но я где-то читал, что ночи в пустыне очень даже морозные. «Пандора» стояла на якоре примерно в двухстах ярдах от берега. Я видел мерцающие огни. Марса-Алам.

На палубе нас ждали агенты АМПНА. Я насчитал десять. Если прибавить Оп-девять и Эбби, то я был тринадцатым, и это показалось правильным и зловещим одновременно.

Все повернулись в нашу сторону и уставились на меня.

– Я Альфред Кропп, – представился я.

– Они знают, кто ты, – сказал Оп-девять.

Я находился в восьми тысячах миль от дома, но, как бы далеко ни уехать, от себя не уйдешь. Я чувствовал себя неуклюжим олухом, который приперся на выпускной без девушки.

Группа была молодая. Если не считать Оп-девять, все остальные были не старше тридцати. Парни как на подбор: толстые шеи, квадратные челюсти и бицепсы, распирающие рукава комбинезонов. И две девушки, обе блондинки, как Эбби, с внешностью фотомоделей: слишком пухлые губы, маленькие подбородки и мальчишеские бедра.

А потом я увидел Эшли. Она едва заметно мне улыбнулась. Оп-девять кашлянул, и Эшли отвела взгляд.

Слово взяла Абигейл Смит:

– Что ж, ребята, мы у цели. Наверно, мне не надо напоминать, что произойдет, если Гиене удастся открыть Малую Печать. Случится величайшее вторжение за сотни поколений человечества, и в связи с этим директор принял решение запустить Первый протокол.

Эбби выдержала паузу, чтобы этот факт отложился в мозгу каждого оперативника. Кроме меня, естественно, потому что я понятия не имел, о чем она говорит. Атмосфера стала гнетущей.

– Вам известно, что это означает. Вас больше нет – в оперативном смысле, конечно. – Эбби глубоко вздохнула. – И у каждого еще есть время выйти из игры.

Никто не произнес ни слова. Эбби кивнула. Мне показалось, что она осталась довольна. Потом она спросила, есть ли вопросы. У меня их было штук сто. Например, что такое «вторжение» и «Первый протокол»? Остальные девяносто восемь были похожи в том, что я не желал знать ответы на них. Но больше всего я хотел выяснить, почему всем разрешается выйти из игры, а мне – нет?

Через поручни были переброшены веревочные лестницы, и мы спустились по ним к быстроходным катерам, которые, покачиваясь на волнах, скреблись о борт «Пандоры». Как только мой зад опустился на сиденье, наш катер прыгнул вперед и резко повернул влево, взяв курс на Марса-Алам.

«Пандора» растворилась во мраке, в кромешнейшей тьме под безлунным небом, хотя звезды светили очень ярко – гораздо ярче, чем в Штатах.

На пристани нас ожидали два «лендровера». Оп-девять помог мне вылезти из катера и сел за руль, а я устроился рядом.

Дороги в Марса-Алам недотягивали до наших стандартов, и нас трясло так, что я целиком сосредоточился на языке – как бы не откусить. Но Оп-девять вел «лендровер» не в город; огни Марса-Алам остались слева от нас, потускнели, и нас поглотила черная ночь. Лучи от фар, нацеленные в пустыню, – вот все, что я видел.

Минут через пятнадцать на усеянном звездами черном занавесе неба замигал красный огонек, а внизу, на земле, зажглись еще два – синий и желтый.

– О, вот это здорово, – сказал я. – Просто отлично. Где мы?

Но я и сам понял где.

– На взлетно-посадочной полосе, – ответил Оп-девять и затормозил.

Когда мы высадились из «роверов», из темноты вышли люди в черной форме и черных беретах. Все были вооружены автоматическими винтовками. Среди них оказался смуглый мужчина в отличном шелковом костюме. Он вышел вперед и поклонился Оп-девять:

– Доктор Смит, для меня большая честь познакомиться с вами.

– Это я доктор Смит, – сказала Абигейл и протянула смуглому мужчине руку.

Тот вытаращился на нее. Наверно, не ожидал, что доктором Смит окажется женщина. Мужчина откашлялся и с очень важным видом достал из кармана пиджака какую-то бумагу.

– У меня для вас сообщение от его превосходительства президента Египта.

Мужчина еще раз откашлялся. Читал он очень медленно, словно переводил с египетского на английский, – возможно, так оно и было.

– Как сторона, подписавшая Устав АМПНА от девятнадцатого ноября одна тысяча девятьсот тридцать второго года в Копенгагене, правительство Египта заявляет о полной готовности к сотрудничеству в данной сверхважной операции. Как президент Египта и уполномоченное лицо, подписавшее вышеуказанный документ, я гарантирую заявленным оперативникам Агентства Межпространственных Парадоксов и Неизученных Аномалий безоговорочное разрешение на полеты в нашем воздушном пространстве и любую материально-техническую поддержку, какая им понадобится для успешного завершения вышеупомянутой операции. Мы с готовностью вверяем вам судьбу мира и наших потомков. Да пребудет с вами Бог.

Смуглый мужчина еще раз откашлялся, аккуратно сложил послание и передал его Эбби.

– Благодарю, посол, – сказала Эбби. – От имени Агентства я хочу выразить признательность и заверить вас в нашем неизменно дружественном отношении к вашему правительству и всем подписавшим Устав сторонам.

Эбби поклонилась послу, посол поклонился Эбби, а потом они поклонились друг другу одновременно.

Посол поочередно взглянул на всех, а когда дошел до меня, округлил глаза.

– Привет, – сказал я. – Меня зовут Альфред Кропп.

– Я знаю, кто ты, – отозвался посол, развернулся на каблуках и зашагал к припаркованному рядом с «лендроверами» «линкольн-таун-кару».

Оп-девять сказал солдатам что-то по-арабски. Мне показалось, что он владеет им довольно свободно. В какой-то момент солдаты рассмеялись, и один даже похлопал Оп-девять по плечу, как будто тот удачно пошутил. Я попытался представить, как Оп-девять шутит хоть

на каком-нибудь языке, и не сумел. За его плечом виднелся черный силуэт большого самолета. Он был очень похож на тот грузовой, в котором нас с Беннасио переправили через Атлантический океан прошлой весной, в мою первую кругосветную секретную миссию.

Мы всей командой пошли к самолету. Солдаты сопровождали нас с флангов. Оп-девять шагал впереди. Я глянул направо – рядом шла Эшли. Она стянула волосы в узел точь-в-точь как Эбби Смит. Наверно, у них в Конторе было такое требование к женским прическам, типа дресс-кода. Три солдата-египтянина держались в дюжине ярдов позади нас.

– А что это за вторжение такое? – шепотом спросил я Эшли.

Она тряхнула головой:

– Тебе лучше не знать.

Тут я впервые заметил, насколько изменился ее голос с нашего знакомства в Ноксвилле. Очевидно, смены тембра требовала ее легенда о студентке, переведенной из другого штата. Настоящий голос Эшли был гораздо ниже и с легкой такой хрипотцой, как у курящих женщин или преподавательниц физкультуры. Только она, по-моему, не относилась ни к тем ни к другим. К тому же я не замечал, чтобы от нее пахло табаком, да и в АМПНА вряд ли набирали в штат оперативников учителей физкультуры из колледжей.

Я мотнул головой в сторону Оп-девять:

– Он меня немного пугает. Я даже начал думать, не киборг ли он?

Эшли тихо рассмеялась:

– Кто?

– Ну, это что-то вроде кибернетического робота или типа того.

– Насколько я знаю, он – человек.

– Ну да, только ведет себя странно и совсем не похож на обычного человека.

– Оп-девять – живая легенда Конторы. – Эшли понизила голос, и он зазвучал еще глубже. – В восемьдесят третьем он был в Абхазии. Единственный, кто тогда вернулся.

Мы подошли к самолету. Иллюминаторов в его корпусе не было, и меня это очень даже устраивало. Внутри вдоль бортов установлены сиденья. Мы расселись по местам, заревели двигатели, а я все не мог найти ремень безопасности. Эшли села слева от меня, Оп-девять – справа. Прямо напротив сидела Абигейл Смит, и в полумраке

грузового отсека казалось, что она улыбается, но, может быть, она просто стиснула от напряжения зубы. А между нами – дюжина деревянных ящиков. Все прикованы к полу цепями.

Самолет пошел на взлет, и я по инерции привалился к плечу Эшли. Желудок у меня сжался и прыгнул к горлу, но, когда самолет выровнялся, стало немного получше. Оп-девять наклонился и достал из-под сиденья большую книгу в кожаном переплете, с замысловатым узором из треугольников на обложке, а название было написано крупными буквами цвета крови: ARS GOETIA.

– А что это? – спросил я.

Оп-девять глянул на меня и приподнял одну бровь.

– Арс гоетия, что это значит?

– В переводе с латыни это значит «Искусство вытья», – ответил Оп-девять и забыл о моем существовании.

Он уткнулся в книгу и принялся читать, беззвучно шевеля губами. Книга была старая, от нее пахло плесенью, а страницы, похоже, были из пергаментной бумаги. Я начал прикидывать, что бы такое веселое или умное сказать Эшли, но все, что смог придумать, показалось бы ей занудством или тупостью. Естественно, обычно я не заморачиваюсь этим, иначе бы вообще все время молчал.

– Ты знаешь, что там, внутри Малой Печати? – спросил я.

Эшли кивнула, зрачки у нее расширились, а глаза стали влажными, и я подумал, уж не боится ли она так же, как я.

– Ну, – поднажал я, – и что же это такое?

– Худшее, – шепотом ответила Эшли. – Самое плохое на свете.

Тут Оп-девять резко захлопнул книгу и встал.

– Пятнадцать тридцать до точки «Т»[12], – объявил он. – Точка ввода находится приблизительно в ста километрах от нексуса. Гиена наверняка ждет нападения с воздуха, так что отправимся туда на сэндфойлах. «Сэткон интел» обнаружила племя бедуинов, завербованное нашим объектом.

– Сколько их? – спросил один агент.

Это был парень с отличным загаром, и я еще подумал, что он, наверное, из тех, кто на палубе «Пандоры» изображал туристов.

– Около пятидесяти – может, больше. Ведут наблюдение вдоль возможных маршрутов, в число которых с большой долей вероятности входит и наш.

Оп-девять открыл верхнее багажное отделение и достал оттуда нечто среднее между ружьем для охоты на слона и противотанковой реактивной винтовкой с оптическим прицелом и с черным ремнем, чтобы вешать на плечо.

– Внимание! – Оп-девять поднял эту штуку над головой. – На случай полномасштабного вторжения это модель CW3XD. Понятное дело, она не проходила полевых испытаний.

– Вот и пришло время испытать, – пробормотал себе под нос загорелый агент.

Оп-девять пропустил это мимо ушей и продолжил:

– В обойме пятьдесят патронов. – Он достал из того же верхнего отделения здоровущую обойму, вынул один патрон и положил его на ладонь. Патрон как патрон, только пуля размером с оливку. – Соблюдайте предельную осторожность. Если потеряете хоть один и он попадет в недружественные руки, это может привести к полному мисфейлу.

– Провал миссии, – тихо пояснила мне Эшли, но я уже и сам догадался.

– CW3XD предназначена исключительно для агентов вторжения, – сказал Оп-девять, и голос его зазвучал жестче. – Ни при каких обстоятельствах не стрелять из нее в Гиену и его приспешников.

– Почему? – спросил самый крупный парень с невероятно накачанными ногами и бицепсами величиной с мою голову (а я не раз слышал, что она у меня слишком большая). – Один выстрел из этой штуки – и от них только мокрое место останется.

– Боеприпасов мало, – ответил Оп-девять.

– Крайне мало, – добавила Абигейл Смит и почему-то посмотрела на меня.

– И они разработаны специально для операций против агентов вторжения, – продолжил Оп-девять.

– Значит, эта штука может их убить? – спросил качок.

Оп-девять наградил его ледяным взглядом:

– Нельзя убить то, что никогда не жило. Теоретически CW3XD способна сдерживать агентов вторжения и даст нам время на изъятие у объекта Печатей.

Оп-девять кивнул Абигейл. Та глубоко вздохнула и встала, будто придавленная ответственностью за судьбу мира.

– Приступаем к подготовке, – скомандовала она, и мне показалось, что у нее дрогнул голос.

А когда старший агент АМПНА боится, это ничуть не бодрит.

16

Агенты встали со своих мест и начали доставать из верхних отделений желто-оранжевые ранцы с белыми ремнями и серебристыми пряжками. Секунда – и я все понял. Они не собирались сажать самолет. Они хотели прыгать. У меня начал медленно сжиматься желудок.

Эшли тронула меня за локоть:

– Помощь нужна?

– Да.

– Развернись.

Я повернулся к Эшли спиной, она накинула лямки ранца мне на плечи. Я снова повернулся к ней лицом, а она принялась застегивать серебристые пряжки. Когда Эшли крепила их у меня на поясе, ее макушка оказалась под моим подбородком. Светлые волосы блестели в тусклом свете, и я уловил запах сирени. Эшли как следует подтянула ремни и только после этого отступила на шаг.

– Парашют раскроется автоматически через семь секунд, – сообщила она и прикоснулась к шнуру, который болтался у меня на левом плече. – Если нет – потяни за это, и сработает запасной.

– А если и запасной откажет?

– Не откажет.

– А если все-таки?

– Тогда ты врежешься в землю на скорости пятьсот миль в час, – сказала Эшли и потянулась за своим ранцем.

Четыре агента суетились вокруг больших ящиков в центре отсека. Они отстегивали от пола тяжелые цепи и проверяли привязанные к ящикам ранцы, больше похожие на матрасы.

– Ты говоришь «семь секунд» – это надо считать: «Миссисипи раз, Миссисипи два» или «одна тысяча один, одна тысяча два»? – спросил я.

Эшли повернулась ко мне, держа в руках пистолет и кобуру на ремне:

– Все будет в порядке, Альфред. – Она надела ремень с кобурой и затянула его потуже на узкой талии. – Только расслабься, когда будешь

приземляться. Перед посадкой не забудь согнуть колени, и ничего с тобой не случится.

Раздался звонок, и над дверью отсека замигала желтая лампочка. Все, кроме двух агентов, выстроились в очередь, чтобы прыгать, а те двое заняли позицию возле массивной двери в хвосте самолета. Я понял, что они отвечают за сброс ящиков, и мне стало интересно, кто отвечает за сброс Альфреда Кроппа.

По борту всего отсека тянулся тонкий трос. Выстроившиеся в очередь к мигающей желтой лампочке агенты зацепили за него карабины парашютов. Я подумал: зачем? Но тут дверь под лампочкой распахнулась, и в отсек ворвался страшной силы ветер, который буквально сбил меня с ног. Пара крепких рук спасла мой зад от жесткой посадки на металлический пол.

– Осторожнее, Альфред Кропп! – прокричал мне в ухо Оп-девять. – Не всегда рядом найдется тот, кто поймает!

И он пристегнул меня к тросу. Температура в отсеке упала градусов на десять. Я съежился от холода.

Агенты АМПНА один за другим исчезали за дверью. Одна секунда – агент в самолете, другая – его уже нет. Их будто проглатывала какая-то изголодавшаяся воющая тварь. Пришла и моя очередь. Оп-девять положил руку мне на плечо. Колени у меня подогнулись, а в горле пересохло, но выбора не было – я не мог передумать и дать задний ход. Порой так даже лучше.

Я вцепился в косяк. Передо мной была черная арабская ночь, а я не мог не то что пальцы оторвать от холодного металла, я смотреть по сторонам не мог.

– Давай! – гаркнул мне в ухо Оп-девять. – Отпускай, Альфред!

То-то и оно. У меня были серьезные проблемы с фишкой «отпусти». Мама. Правда об отце. Потеря всех близких. И вдруг я понял, что иногда наилучший выход – все отпустить и пойти своей дорогой. И я отпустил.

17

В прыжке меня крутило, вертело и подбрасывало. Я орал как резаный. Самолет, казалось, взмыл к звездам, а мир распался на куски и отказывался привести себя хотя бы в подобие порядка: звезды, земля, земля, звезды, звезды, земля, земля… И мой мозг тоже как будто рассыпался. Я забыл про отсчет, а когда вспомнил, не сообразил, с какой секунды начать. Может, уже пора дергать за шнур запасного парашюта? Или тогда собьется тайминг и парашют запутается? А если парашют запутается, песок смягчит удар от падения? Но если песок смягчает удар от падения, то зачем в пустыне прыгать с парашютом?

Я не считал, но прикинул, что семь секунд уже прошло, и решил дернуть за шнур запасного парашюта. Без толку. Звезды, земля, звезды, земля… и ничего не происходит. Я дернул снова. Не надо было выпрыгивать из самолета. С моим послужным списком мне и дорогу-то переходить нельзя в неположенном месте. Я дернул в третий раз.

Ничего. Ну, то есть кое-что все-таки произошло: шнур оборвался.

А спустя еще несколько секунд меня рвануло вверх футов на пятьдесят – парашют раскрылся, скорость падения замедлилась, хотя и недостаточно. Но я хоть перестал кувыркаться и падал ногами вперед. На фоне звездного неба я увидел силуэты пары бойцов АМПНА. Они были похожи на игрушечных зеленых солдатиков, которых я в детстве подкидывал в воздух на полиэтиленовых парашютах. В половине случаев шнур плохо распутывался, и солдатик разбивался или повисал, зацепившись за ветку.

Я посмотрел под ноги и увидел стремительно приближающуюся пустыню. «Согни колени, Кропп, расслабься», – твердил я себе, но все равно приземлился, как те солдатики, с напряженными и негнущимися ногами. У меня подвернулась правая, я полетел головой вперед, и парашют плавно накрыл мое скрюченное от боли тело. Я покатился по песку, все туже обматываясь шелковой тканью.

Потом кто-то сорвал парашют и перевернул меня на спину. Надо мной склонилась Эшли. При свете звезд ее красная помада казалась фиолетовой.

– Кажется, у меня сломана правая лодыжка, – сказал я.

– Дай посмотрю. – Эшли пробежалась пальцами вдоль моей ноги, потом взялась за ступню и аккуратно ее повернула.

– Ой!.

– Похоже на растяжение. Посмотрим, как она выдержит нагрузку.

Эшли расстегнула мою сбрую, сняла с меня ранец и поставила на ноги.

– Ступи-ка ногой, Альфред.

– Ой!.

Футах в ста от нас агенты возились с деревянными ящиками – вернее, с тем, что от них осталось. Они разбились, и доски разлетелись во все стороны.

К нам подошел Оп-девять.

– Кропп ранен? – хмуро спросил он.

– Не серьезно, – ответила Эшли. – Думаю, растяжение.

– Кропп едет с тобой, – отозвался Оп-девять и пошел к агентам, которые собрались вокруг ящиков.

Мы побрели следом. Я обхватил Эшли за шею, моя правая нога волочилась по песку. Вокруг до самого горизонта, словно волны океана, тянулись барханы. Я думал, что звезды выглядят яркими с берега Красного моря, но здесь, в пустыне, они буквально прожигали черное небо.

– А где мы вообще? – спросил я у Эшли.

– В Сахаре.

Агенты извлекли из разбитых ящиков двенадцать мотосаней и занялись проверкой их состояния. Сдается мне, правда, что в пустыне не приходится рассчитывать на метель. Один агент роздал остальным винтовки CW3XD и ремни с подсумками. Они перебросили патронташи через плечо и сразу стали похожи на мексиканских бандитов. Эбби Смит, с каким-то электронным устройством в руке, стояла особняком, в нескольких футах от компании агентов. Голубоватый свет от ЖК-экрана подсвечивал ее сосредоточенное лицо.

– А мотосани-то нам зачем? – спросил я.

– Это не мотосани, – возразила Эшли. – То есть раньше были мотосанями, но их модифицировали. Мы называем их сэндфойлами[13].

И правда, вместо лыж у этих саней были такие тонкие металлические, направленные вертикально вниз плавники. Кто-то из

агентов передал Эшли шлем, а она вручила его мне.

– Надень, Альфред. Сэндфойлы разгоняются до ста пятидесяти миль в час. Представляешь, как приятно получить пусть даже одну песчинку на такой скорости?

– Нет. Но в меня однажды врезался бейсбольный мяч на скорости сорок миль в час. Это было чертовски больно.

Я надел шлем, который, как я и предчувствовал, оказался мне мал. Одно ухо даже свернулось в трубочку.

Эби захлопнула крышку своего прибора и, тяжело ступая по песку, подошла к нам с Эшли.

– Мы приблизительно в ста кликах к востоку от цели, – отрывисто, командным тоном сообщила она, но я был в шлеме, и ее голос долетал как бы издалека. – Повторяю: никакого вейксерфинга и без приказа из CW3XD не стрелять. Оп-девять и я – впереди. Вопросы есть?

Вопросов у агентов не возникло, а если они и были, никто не собирался тратить на них время. Все закинули винтовки за спину. Кроме Эшли. Я взгромоздился на сэндфойл у нее за спиной, и ей пришлось кое-как пристроить винтовку на груди. В ушах у меня затрещали помехи, а потом бархатный голос Эшли вдруг проник мне в голову и прочно угнездился в самой середке. Шлемы были оснащены беспроводной связью.

– Как самочувствие?

– Вроде нормальное.

Эшли нажала на какую-то кнопку, и на приборной консоли замигали световые индикаторы. Я приготовился услышать рев двигателя, но ничего подобного не произошло, и эта штуковина просто завибрировала подо мной.

– Держись крепче! – скомандовала Эшли.

Я обхватил ее за талию. Сэндфойл прыгнул вперед, и плавники, пока он набирал скорость, поднялись из песка. Это средство передвижения явно не было рассчитано на двоих ездоков – моя задница наполовину свисала с кожаного сиденья, и я боялся, что шальная песчинка вопьется в самую мягкую часть моего тела.

Глянув через плечо Эшли, я увидел, что стрелка спидометра зависла на делении «сто».

Абигейл сказала, что мы находимся к востоку от цели, и нам следовало ехать на запад, но барханы тянулись с севера на юг, и половину нашего заезда через Сахару мы провели в воздухе. Мы стремительно поднимались на гребни песчаных волн, взлетали, плюхались вниз и снова начинали подъем.

Эта поездка смахивала на «русские горки». На таких аттракционах время всегда тянется дольше, чем в реальности. Я поднял голову и посмотрел через плечо Эшли.

Все другие агенты уже остановились. Горизонт окрасился ярко-желтым светом и немного искрил, словно барханы отражали лучи оранжевого солнца.

Немного повозившись с ремешком, я стянул с головы шлем и чуть не ободрал уши. Оп-девять стоял на несколько ярдов впереди нашей группы и пристально рассматривал горизонт. Будто рассвета никогда не видел.

– Что случилось? – спросил я.

Эшли только покачала головой. Тогда я, приволакивая ушибленную ногу, поплелся к Оп-девять. Свечение над горизонтом стало оранжево-красным. Но было в этом рассвете что-то неправильное. Что именно – до меня дошло, только когда я доковылял до Оп-девять. Мы смотрели на запад, а не на восток.

Это был не рассвет.

Эбби Смит опередила меня на несколько шагов. Оп-девять, видно, услышал, как она подходит, потому что заговорил с ней, даже не повернув головы.

А свет на горизонте тем временем стал похож на ползущую к нам стену огня.

– Мы опоздали.

18

– Сколько их? – спросила Эбби.

– Трудно определить… – Оп-девять прикрыл глаза ладонью и, сощурившись, всмотрелся в искрящийся свет. – Тридцать – может, сорок легионов.

– Легионов? – встрял я. – Что за легионы?

– Значит, не все, – сказала Эбби, обращаясь к Оп-девять.

Он покачал головой:

– Поисковый отряд.

– Что за поиски? – не унимался я.

– Мы можем от них уйти? – спросила Эбби.

– Их лошади быстрее леопардов и свирепее ночных волков, – тихо произнес Оп-девять. – А всадники еще круче, они будут мчаться за нами, как голодные орлы за своей жертвой.

– Насколько я понимаю, ответ отрицательный. Тогда мы примем бой. – Эбби отвернулась, чтобы уйти, но Оп-девять схватил ее за руку и притянул к себе.

– Нет! Наша задача – добраться до цели, – отрывисто прошептал он. – Время еще есть.

– Время для чего? – спросил я, хотя уже и не рассчитывал на ответ.

Оранжевый свет на горизонте потемнел и стал огненно-красным с примесью ослепительно-белых искр. Он приближался, и звезды постепенно гасли, а легкий бриз, который дул нам в лицо, стал заметно теплее холодного воздуха ночной пустыни.

– Всем укрыться! – скомандовал Оп-девять. – Немедленно!

Эбби развернулась и зашагала к агентам. На ходу она не очень понятными мне жестами отдавала приказы, и агенты сразу пооткрывали багажники фойлов, вынимая из них что-то похожее на свертки коричневого брезента.

Оп-девять велел нам немедленно укрыться, а сам стоял как вкопанный и смотрел на сверкающие золотом далекие огни. Ветер окреп и с каждой секундой становился все горячее. Земля начала дрожать.

– Эй, Оп-девять, не вы ли приказывали укрыться?

Он тряхнул головой, словно я его разбудил:

– Да. Идем, Кропп.

Оп-девять закинул мою руку себе на плечо и помог вернуться к остальным. Агенты уже расправили брезент над фойлами и начали под него забираться. Эшли сидела на корточках у одного из фойлов. Она махнула нам, чтобы мы подошли.

– Альфред, – сказал Оп-девять, – это важно. Не смотри им в глаза. Иначе они узнают о твоих страхах.

Он опустил меня на песок. Я полез под брезент, но тут он схватил меня за руку и притянул к себе:

– И о том, что ты любишь.

К этому времени ветер уже выл как бешеный, а песок жалил, как пчелы, так что Оп-девять пришлось перейти на крик. Он накрыл меня брезентовым пологом, а в следующую секунду кто-то вцепился в мое запястье и потянул от края.

– Не двигайся, – шепнула Эшли. – И молчи.

Темнота под брезентом начала рассеиваться – или у меня успели привыкнуть глаза, но через минуту я уже различил бегающие ярко-голубые глаза Эшли. На коленях у нее лежала CW3XD. Эшли вцепилась в нее так, что побелели костяшки, а указательный палец держала на спусковом крючке. Она боялась.

Брезент у нас над головой пошел рябью и захлопал. Ветер усилился, а песок шипел как-то странно, словно газ, выходящий из приоткрытой бутылки. И был еще какой-то звук. Будто ветер был занавесом, который от него колышется. Голоса, а может, и не голоса вовсе, а эхо голосов. Брезент покраснел от жара, и меня затрясло.

Что бы это ни было, теперь оно находилось совсем близко. И чем ближе оно подступало, тем сильнее меня трясло. Под брезентом было жарко и душно, я обливался путом и одновременно дрожал как в лихорадке. А в голове моей все повторялось предупреждение Оп-девять: «Не смотри им в глаза! Не смотри им в глаза!» Мое сознание превратилось в подобие швейцарского сыра, став похожим на его тонкий ломтик с большущими черными дырками, которые были заполнены страхом.

Сквозь вой ветра я услышал чей-то крик.

«Она должна сидеть тихо, – подумал я. – Эшли, замолчи!»

Но это, конечно, была не Эшли. Кричал я.

А потом ко мне в темноте, словно через одну из тех дыр в сознании, протянулась чья-то мягкая теплая рука, и я, не раздумывая, привлек Эшли к себе и крепко обнял.

19

– Альфред, все кончилось.

Эшли толкнула меня в грудь, и я расцепил руки. У меня болело все тело. В полумраке под брезентом я видел, как Эшли откинула со лба прядь волос.

– Что это было? – хрипло прошептал я. Горло у меня саднило от крика. – Что за чертовщина это была?

«С меня хватит», – подумал я и, не спрашивая разрешения, откинул брезентовый полог.

Я очень разозлился и хотел получить ответы. Похоже, все знали, во что мы вляпались. Все, кроме ключевого человека.

Песок посыпался с брезента и образовал маленькую горку. Нас занесло, как в метель, только не снегом. Я встал, у меня подогнулись колени. Там, где раньше стояли фойлы, теперь высились песчаные холмики. Двенадцать штук. И эти двенадцать холмиков были единственным рельефом Сахары. Пустыня стала плоской, как огромный обеденный стол, волнистые дюны исчезли без следа.

Но зато вернулась ночь, а с нею звезды и прохладный воздух.

К этому времени все агенты уже повылезали из укрытий и собрались вокруг Оп-девять. Он заметил меня и жестом подозвал к себе. Я подождал Эшли. Когда она выбралась из-под брезента, лицо у нее было мокрое, а глаза красные.

Я взял ее за руку.

– Все нормально, – сказала она и высвободилась.

– А у меня – нет. – И я снова взял ее за руку, и на этот раз она не стала вырываться.

Мы присоединились к агентам. Все, включая Эбби, почему-то стояли на коленях. Они потупили глаза, лица у всех были скорбными, а я подумал: «С чего бы нам устраивать молебен?» На ногах был только Оп-девять. Скрестив руки на груди, он стоял в центре круга, и вид у него был очень мрачный. Даже этот суперагент, неизменно самоуверенный и крутой, типа «сейчас мы всех замочим», выглядел так, будто ему врезали под дых.

Агенты посторонились, уступая место нам с Эшли. Оп-девять жестом приказал нам опуститься на колени. Сам не знаю почему, но я сразу подчинился. И Эшли тоже. Она высвободила свою руку из моей, а я не стал возражать.

– Случилось худшее, – сказал Оп-девять. – Гиена открыл Печать. Но фортуна нам еще благоволит – его приспешники нас не заметили. Можно предположить, что он с целью найти нас разделил легионы и этим выдал свое местоположение. Последнее, чего он ожидает, – лобовая атака. – Оп-девять тяжело вздохнул. – Следовательно, именно это он от нас и получит.

Оп-девять достал из кармана комбинезона небольшую металлическую фляжку. Откупорил, подошел к Абигейл, смочил содержимым подушечку большого пальца и нарисовал на лбу Эбби крест. При этом он что-то бормотал, но я не разбирал слов. Так он по кругу обошел всех агентов: мочил палец, приговаривал и чертил кресты.

Наконец настала и моя очередь. Оп-девять посмотрел на меня сверху вниз. Его глаза при свете звезд казались еще темнее, чем были обычно.

– Что? – спросил я.

– Domini, exaudi orationem meam, – пробормотал Оп-девять, переворачивая фляжку. – Et clamor meus ad te veniat. – Он прижал палец к моему лбу. Я ощутил влагу там, где он нарисовал крест. – In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen[14].

Оп-девять перешел к Эшли. Я наблюдал, как он ее благословляет, а у меня между тем катилась по носу одинокая капелька. Я решил, что это святая вода. А что еще, как не она?

Потом Оп-девять закрыл фляжку и спрятал ее в карман. И больше никто ничего не сказал. Все стали молча снимать с фойлов брезент. Эшли то и дело останавливалась и убирала за уши выбившиеся из пучка пряди волос. Пальцы у нее дрожали. Я помог ей свернуть брезент.

– Ладно, – сказал я, – так что же это все-таки было?

Эшли раздраженно тряхнула головой, как будто мой вопрос граничил с бестактностью.

– Мы опоздали, – ответила она. – Майк открыл Малую Печать. Они вырвались на свободу.

– Кто вырвался? Эшли, кого Соломон держал в Малой Печати? Почему Оп-девять нас благословил? Он что, священник? – Мне было трудно представить священника в роли агента АМПНА. – Чем он вообще занимается?

Эшли затолкала свернутый брезент в багажник фойла. Мне показалось, что она злится и боится одновременно.

– Ладно, я тебе расскажу. Раз тебя сюда доставили, ты имеешь право знать. Пусть хоть уволят меня за это. Плевать… А занимается Оп-девять демонами, Альфред.

– Демонами?

– Он демонолог.

И я наконец узнал, что было заточено на три тысячи лет в Святой Чаше Вавилона, в Малой Печати Соломона.

– Демоны? – переспросил я. – Демоны. Что ж, чудесно. Просто великолепно.

20

Мы снова забрались на сэндфойл, и очень скоро стрелка спидометра зависла на ста десяти. Теперь, когда барханы исчезли и Сахара вполне могла сойти за Долину Смерти, ехать было гораздо комфортнее.

В динамиках шлема потрескивали голоса агентов. Говорила в основном Эбби. Она по пунктам разъясняла АТПРО. Я так понял, что это означает «процедура атаки». А может быть, и «проблемы аттракциона», хотя это вряд ли, учитывая обстоятельства.

– Две группы! – объявила Эбби. – Первая проводит ложную атаку на фланг Гиены и отвлекает на себя агентов вторжения. Вторая наносит удар по объекту и возвращает Печать!

Еще она дала понять, что Майка Оп-девять оставил за собой. Наверно, именно он был специалистом по демонам. Лично мне казалось, что им и правда нужен специалист, способный разобраться с Майком Арнольдом.

Потом Эбби поименно перечислила состав обеих групп. В АТОТ-1 (я хоть и не сразу, но догадался, что это «Атакующий отряд номер один») вошли: Сэм, Бэтти, Тодд, Билл, Карл и Агнес. В АМПНА у всех были такие имена. У парней – односложные, у девушек – в два или даже три слога, если агент важный – как, например, Абигейл Смит.

Остальные – Берт, Кен, Эшли, Абигейл и Оп-девять – вошли в АТОТ-2. А раз уж я мотался с ними на заднем сиденье сэндфойла Эшли, то было несложно догадаться, что меня зачислили в эту вторую группу.

Вскоре горизонт окрасился мерзким оранжевым искрящимся светом, и разговоры в динамиках прекратились. Мое сознание снова начало превращаться в дырявый швейцарский сыр. Я не понимал, как кто-то, пусть даже и тренированный агент АМПНА, может воевать в таких условиях – когда абсолютный ужас рассекает тебя, как циркулярная пила.

Эшли и все агенты второй группы сбавили скорость. Первая помчалась дальше, прямо к горизонту, который искрил не хуже

рождественских огней. Винтовки агенты пристроили себе на бедро и держали их под углом сорок пять градусов стволами вверх.

– Ждем, пока они не откроют огонь, – скомандовал у меня в ухе Оп-девять.

Мы остановились. Оп-девять оказался рядом со мной. Он поднял визор шлема, и я хорошо видел его лицо в свете дьявольских огней.

– А где моя? – спросил я и кивнул на его винтовку. – И кстати, чем она стреляет? Святой водой?

– Надеюсь, кое-чем посильнее, – ответил Оп-девять, а потом ни с того ни с сего добавил: – Началось!

И опустил визор.

Я посмотрел на оранжевое свечение на горизонте и увидел, как от нашей второй группы к нему по дуге устремились трассирующие пули. Когда они попадали в свечение, в нем появлялась черная дыра, которая держалась всего несколько секунд, а потом затягивалась. Правда, наблюдал я за этим недолго – мы вдруг так резко рванули вперед, что у меня чуть не отлетела голова. Эшли круто свернула влево и выжала сто тридцать миль в час. Мы мчались в сторону боя. Через плечо Эшли я увидел, что на южном рубеже свечение вроде как заострилось.

Оранжевый свет потемнел до красного, и Эбби Смит что-то закричала в шлемофон. Мы остановились. Ярдах в тридцати я увидел завалившийся набок сэндфойл, от которого к нам полз один из агентов АМПНА. В правой руке он сжимал CW3XD.

Эшли схватила сумку с красным крестом, сорвала с головы шлем и побежала к нему.

– Эшли! – крикнула Абигейл. – Время уходит!

Агент был без шлема. Я его узнал. Это был Карл, самый крупный из всех – тот, который предлагал в самолете пристрелить Майка из CW3XD. Он плакал, захлебывался соплями и проклинал все на свете. Его лицо было залеплено мокрым песком. Эшли тронула Карла за плечо, а он закричал и съежился, как забитый пес. Мы подошли ближе, и я увидел, что у Карла нет глаз. То есть буквально пустые глазницы.

Наверно, Эшли заметила это только теперь – она вскрикнула и отпрянула от Карла.

– Я не… я не могу… Они идут, они идут! Они идут! – вопил Карл.

Он свернулся в клубок и потянулся к пустым глазницам. Вот тогда я понял, что произошло. Сначала я решил, что это демоны вырвали его

глаза, но тут до меня дошло: Карл сам их выцарапал.

Рядом со мной стоял Оп-девять.

– Теперь ты видишь, почему я велел тебе не смотреть им в глаза, – тихо произнес он.

21

Оп-девять вырвал аптечку у Эшли и достал оттуда какой-то блестящий инструмент. Точно таким Эшли вырубила меня в вертолете.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Сейчас мы его успокоим, – ответил Оп-девять. – Иначе он разорвет себя в клочья.

Оп-девять вонзил иглу в руку Карла. Через две секунды тот перевернулся на спину и отключился.

Оп-девять вернул аптечку Эшли.

– Быстро перевяжи его, – приказал он, подобрал винтовку и протянул ее мне.

Секунду я колебался, но потом все-таки взял. Винтовка оказалась легче, чем я ожидал. Не тяжелее швабры.

Оп-девять опустился рядом с Карлом на колени, снял с него ремень с подсумками и тоже передал мне.

– Не забывай, Альфред, что боезапас ограничен.

«Это нормально, – подумал я. – Я тоже».

Повесив патронташ на плечо, закинув винтовку за спину и приволакивая правую ногу, я побрел к сэндфойлу. Через минуту вернулась Эшли. Аптечку она держала под мышкой, а медицинские перчатки стянула еще на бегу.

Мы взяли курс на юго-запад. Теперь командовал Оп-девять. Его голос звучал у меня в динамиках словно издалека:

– Если поле боя покинет кто-нибудь еще, мы не остановимся.

А бой тем временем стихал. В самом начале следы трассирующих пуль напоминали разгар салюта на День независимости, но промежутки между выстрелами постепенно увеличились, и черные дыры в дьявольском огне появлялись все реже. АТОТ-1 либо истощал боезапас, либо терпел потери.

Смотреть в ту сторону было трудно; я щурился и часто моргал, потому что песок отражал небесные огни, словно битва происходила не в пустыне, а на огромном озере.

Вдруг от основного пламени отделился и покатился к нам огненный шар. Мы гнали на скорости сто тридцать миль в час, а эта

штука неслась нам навстречу в три раза быстрее.

– К бою! К бою! К бою! – истошно закричал кто-то в динамиках.

Агенты затормозили с заносом, выстроили фойлы в круг, спрыгнули в него и навели винтовки на небо.

Я бухнулся на песок рядом с Эшли и тоже прицелился вверх, но чувствовал себя, если честно, глуповато. Я пару раз побывал на ярмарке, где можно пострелять в пластиковых уточек, пока они ползут по треку. И ни разу не выбил ни одной. Но может быть, стремление спасти свою шкуру от дьявольского огня послужит для меня лучшим стимулом, чем приз в виде дурацкой плюшевой обезьяны с непропорционально большой головой.

– По моему сигналу, – сказал Оп-девять.

Я прижал указательный палец к холодному спусковому крючку. Пот стекал по лбу и щипал глаза, но в шлеме невозможно было утереться, а снимать его я не собирался – слишком свежи были воспоминания о корчащемся на песке Карле.

– Огонь! – скомандовал Оп-девять.

– Стрелять одиночными! Стрелять одиночными! – закричал кто-то еще.

В ту же секунду вокруг меня заработали винтовки CW3XD, и ночь окрасилась убийственно-красным светом. Мой палец нажал на спуск, после чего приклад винтовки так ударил меня в плечо, что я чуть не завалился на задницу. Это было неким подобием ярмарочной стрельбы, только в состоянии истерики – я даже не целился и просто водил стволом туда-сюда, паля во все, что мелькало над головой. С неба волнами катился жар, как из печки.

Теперь я их увидел. Это зрелище едва не заставило меня бросить винтовку и в ужасе побежать, куда понесут ноги.

Тысячи демонов – может, десятки тысяч – кружили над нами, пикировали, замирали на месте и уносились прочь раньше, чем я успевал моргнуть. Демоны сидели верхом на крылатых тварях. Крылья этих созданий сверкали золотым огнем и были огромными, не меньше десяти футов в размахе, а пасти с невероятным количеством клыков были разинуты, как в диком вопле. Я различал среди них львов, тигров, медведей и разных других, вроде бы знакомых зверей. Но они напоминали животных, сбитых автомобилем: ты знаешь, что когда-то

они были живы, а теперь превратились в изувеченные, растерзанные, уродливые подобия себя прежних.

Их вопли сливались с ревом ветра и шепотом проклятых.

Но эти демоны не были похожи на тех, которых мы привыкли видеть в комиксах или в кино, – никаких горбатых горгулий или мелких улыбчивых ребят с вилами и рожками на лысой башке. Каждый был как минимум семи футов ростом. И вооружены они были огненными мечами, копьями или штуками, которые горели с концов, но не сгорали. Увидев их вблизи, я понял, что источником оранжевого и красного свечения были сами демоны – оно исходило из их глаз и разинутых ртов.

На некоторых были пылающие короны, и свет, струившийся из их глаз, был особенно резким, гораздо чище и ярче, чем у демонов без корон, – у тех он был с черными вкраплениями. Лиц из-за этого света было не разглядеть, но я и не жаждал их увидеть.

Сквозь треск в динамиках пробился голос Эшли, и я услышал в нем нотки плохо сдерживаемой паники:

– База-один, База-один, вызывает команда вторжения Дельта. У нас вторжение уровня «альфа». Повторяю: подтверждение уровня «альфа»! Нужна срочная поддержка с воздуха по нашим координатам!

Я нажимал и нажимал на спусковой крючок, винтовка палила без остановки, и от отдачи разболелось плечо. Расстреляв одну обойму, я на ощупь вытащил из подсумка вторую, но не сразу разобрался, как вынуть пустую, и потерял на этом несколько драгоценных секунд.

Шум стоял жуткий: вопли парящих страшилищ, завывание ветра, крики и статические помехи в динамиках, грохот CW3XD. Когда я попал в одного из демонов, тот превратился в сноп искр на черном фоне. Но всего на несколько секунд. Я с ужасом смотрел, как эта тварь снова собирается в одно целое, и вспоминал слова Оп-девять: «Нельзя убить то, что никогда не жило».

Удерживать их на расстоянии – вот все, на что мы могли рассчитывать. Но боезапас ограничен… И что же дальше?

Наконец я нашел нужную кнопку, и пустая обойма с шипением упала в песок, а я вставил новую и нажал на спуск. Почти в ту же секунду демон взмыл вверх и растворился в черном небе пустыни.

Кто-то закричал мне в ухо:

– Прекратить огонь! Прекратить огонь!

Шум стих, я слышал только свое прерывистое дыхание. Даже дьявольское нашептывание исчезло, оставив по себе память, похожую на далекое эхо. Мы смотрели на силуэты демонов, а те, вращаясь вокруг своей оси, концентрическими огненными кругами уходили в небо.

Эту зловещую тишину разорвал жуткий грохот. У меня чуть сердце не выпрыгнуло. Но тут Эшли потянула меня за рукав и показала в сторону основного корпуса демонов примерно в трех футбольных полях от нас. Что-то с ревом медленно двигалось в нашу сторону.

– «Узри Девятого духа, Пеймона, Великого Короля, второго после Люцифера, в образе человека восседающего на дромадере», – пробормотал рядом Оп-девять.

Я не понял, о чем он, и уж точно не знал, что это за дромадер такой, но о ком бы ни шла речь, мне это не понравилось. Оп-девять выпрямился в полный рост. Мы тоже встали и принялись ждать, когда это рычащее нечто подойдет ближе.

Оно оказалось огромным – десять футов от копыт до приплюснутой головы. Выпученные красные глаза, шея мощная и бугристая, как ствол дерева, а из открытого рта свисают гроздья слюны.

– Это не дромадер, – сказал я. – Это верблюд.

Верблюд-дромадер остановился в дюжине ярдов от нашего круга обороны. Сам-то остановился, но рычать не перестал. Это извращенное подобие животного явно хворало.

На горбу дромадера балансировало некое подобие человека с сияющим, как у кружащих над нами демонов, лицом. Только оно было тонкое, почти девчоночье, глаза большие, нос аккуратненький, а губы полные и чувственные. На голове у него сверкала корона: красные, золотые, голубые и зеленые лучи расходились от нее, что ваши лазерные лучи.

Со второго горба этого верблюда-монстра спрыгнула на песок темная фигура, которая неторопливо направилась к нам.

– Спокойно, спокойно, – тихо сказал Оп-девять.

Он снял шлем, и мы последовали его примеру.

А тип, который зашагал к нам, оказался вполне обычных размеров. И у него в руках не было ни огненного меча, ни какой-либо

другой пылающей штуки. Он был в белом плаще, и когда тот распахнулся, я увидел брюки хаки и белую рубашку лакоста-поло.

И он, конечно, жевал жвачку.

– Салют, ребятки. Как дела? – приветствовал нас Майк Арнольд.

22

– Майкл, – сказала Абигейл.

– Привет, Эбби Смит! Несказанно рад тебя видеть! Плевать, что говорят в штабе, ты самый крутой агент в моем списке. И кстати, просто чума в этом комбинезоне. – Майк перевел взгляд на Оп-девять. – Я ждал вас, падре. Хм, это вроде как пик вашей карьеры! Не благодарите.

Потом он увидел и меня.

– Эл Кропп! Бог мой, ты ли это? Господи, парень, да ты прямо Форест Гамп сверхъестественных бедствий! Тут как тут!

Майк хлопнул в ладоши:

– Итак! Это все? Все, что вы приготовили к величайшему за три тысячелетия вторжению? Признаться, я немного разочарован.

– Не ты один, Майкл, – сказала Эбби Смит.

– Что ж, как гласит старинная пословица, не разбив яйца, омлет не приготовишь, – развел руками Майк.

И вот тогда я увидел на его правой руке кольцо – Великую Печать Соломона. Оно было красноватого, медного цвета и раза в два шире обычного обручального кольца.

– Чего ты хочешь, Майк? – спросила Абигейл.

– Дело не в том, чего я хочу, Эбби. Оно вообще не в желаниях. Дело в наших потребностях.

Эбби и Оп-девять удивленно переглянулись.

– Послушайте, я не собираюсь вас опускать, – продолжил Майк. – Дьявольски подло, но иногда без этого не обойтись. Примерно как с этими демонами. Вот мой новый лучший друг – Пеймон, у его верблюда проблемы с щитовидкой. Я освободил всех демонов до единого, и они злы как черти, извините за выражение. Последние три тысячи лет они просидели в камере размером с птичью клетку. Как вы и сами догадываетесь, им там было несладко.

– Хватит! – оборвал Майка Оп-девять тоном родителя, которому надоело слушать болтовню обнаглевшего ребенка. – Чего тебе нужно, Арнольд?

– Все не так просто, падре. Я только ничтожная точка на радаре истории.

– Майкл, мы готовы к переговорам, – вмешалась Эбби. – А ты все усложняешь.

– Это не переговоры, Эбби. Это тревожный звоночек. Ну знаете, как первый русский спутник. Нравится, не нравится, но мир перекует мечи на орала. А иначе…

Майк вернулся к жуткому верблюду со слюнявыми клыками шести дюймов длиной, взглянул на короля Пеймона и мотнул головой в нашу сторону:

– Убей их, Пеймон. Всех убей!

23

Один из агентов – кажется, это был Берт – поднял винтовку. А Пеймон воздел правую руку, и его растопыренные пальцы простерлись к Берту. Я думал, что из ладони Пеймона выстрелит какой-нибудь луч смерти, или молния, или язык адского пламени, но вместо этого он сжал кулак, и Берт разлетелся на куски. То есть его тело начало корчиться, затем пошло буграми, как пластилин «плей-до», а потом Берт взорвался.

Агенты открыли огонь. Пули попадали в этого Пеймона, и теперь настал его черед корчиться. Он тоже разлетелся на куски, но в считаные секунды собрался заново.

Я ощутил макушкой волну горячего воздуха и запрокинул голову. На нас опускалась вся демонская рать.

Потом я посмотрел вниз и увидел, что Майк запрыгнул на спину верблюда и направился в сторону миража или оазиса – короче, туда, откуда приехал. Я, сам не зная почему, оседлал ближайший сэндфойл и помчался за ним.

Верблюд был громадный, но бегать умел. Я выжал газ, и вскоре сэндфойл набрал сто сорок миль в час, задрожав так, будто вот-вот развалится. Я даже подумал, что отлетят плавники и меня швырнет через руль.

Сэндфойл наткнулся на что-то твердое, и я на высоте двух футов над землей полетел вперед, но уже не на песок, а на гладкую блестящую поверхность, больше похожую на лед.

Я приземлился и, прежде чем остановиться, проехался на животе еще четыре или пять футов. Потом кое-как поднялся на ноги и огляделся.

Майк стоял на чем-то вроде платформы или алтаря. Вокруг него собрались мужчины в плащах. Человек двенадцать. Наверно, они были из племени бедуинов, о которых говорил Оп-девять. Чертов верблюд исчез.

Напротив алтаря была установлена еще одна платформа, с каким-то медным кувшином без крышки. Это могла быть только Святая Чаша – та самая, в которой три тысячи лет были заключены демоны.

Прижав CW3XD к груди, я пошел к Майку. Ботинки то и дело разъезжались, и я с трудом удерживал равновесие на этой полированной земле. Майк увидел меня и рассмеялся.

– Знаешь, что это такое? – прокричал он мне. – Стекло! Жар освобождения демонов расплавил песок. Представляешь?

Отвечать я не стал. Мне нечего было сказать Майку Арнольду, который буквально втащил меня в эту передрягу и по вине которого погибло столько людей.

Я твердо решил забрать у него кольцо или умереть.

Как только я поднял винтовку – экономить патроны я точно не собирался, – из-под плащей бедуинов тут же появилась дюжина стволов «узи».

– К счастью, старая добрая Печать защищает своего владельца от всех напастей, – сказал Майк.

Он шепнул что-то одному бедуину, я увидел вспышку и почти сразу почувствовал удар в бедро. Я грохнулся прямо на копчик, и это было почти так же больно, как получить пулю в ногу.

Я оттолкнулся от глади и заставил себя встать. По ноге текла теплая кровь. Стиснув зубы, я шагнул в сторону Майка и снова поднял винтовку.

Следующая пуля попала мне в правое плечо. Рука отлетела в сторону, винтовка со стуком упала на землю. Я опустился на колени и зажал рану ладонью.

– Не вставай, Эл, – спокойно посоветовал Майк. – Обещаю, это будет быстро.

Я часто-часто заморгал, потому что слезы застилали глаза, а Майк спустился с платформы и подошел ко мне. Он вынул из-за пояса свой девятимиллиметровый «глок» и приставил ствол к моему лбу:

– Прощай, Эл.

24

Указательный палец Майка вдруг замер на спусковом крючке. Что-то у меня за спиной привлекло его внимание. Майк вытаращил глаза и выдохнул:

– Вот черт!

Я обернулся и увидел: первое – восход солнца, и второе – что-то вырисовывалось на его фоне. Вернее, не что-то, а штук пятьдесят каких-то силуэтов. Они сомкнутым строем летели прямо на нас. У каждого под крыльями по четыре орудийные башни. Из них вырывались ярко-оранжевые шары.

Ударные вертолеты «апач». Воздушная поддержка, которую запрашивала Абигейл во время стычки в пустыне.

Я рванулся вперед, всей своей массой врезался в колени Майка и опрокинул его на спину. Он даже вскрикнул, когда грохнулся на стеклянную землю.

Я взгромоздился на него и впечатал кулак в его улыбчивый, глумливый, вечно жующий рот. Потом вырвал у него пистолет и ткнул ствол под челюсть. Из уголка рта заструилась кровь.

– Ну давай же, – прошептал он.

Но я не стал стрелять. Свободной рукой вцепился в кольцо и одним резким движением сорвал его с пальца Майка.

К нам уже подоспели бедуины. Они что-то растерянно кричали, и кто-то обращался к Майку, а кто-то ко мне, но это уже не имело значения. Кольцо было у меня.

Я отвалился от Майка, но даже не попытался встать – земля была скользкой, а я потерял много крови, и у меня слегка кружилась голова. На пульсирующей от боли заднице я отъехал чуть подальше от бедуинов.

«Апачи» пикировали на осиное гнездо демонов и яростно палили из всех орудий. Солнечные лучи лупили в клубящуюся дымку, пронзая ее красными и золотистыми стрелами.

Демоны выбрали тактику камикадзе – они превращались в огненные шары и шли на таран. Сначала казалось, что «апачи» поглощают удары, но они увеличивались в размерах, как раздутые до

предела воздушные шарики, и взрывались. В небе цвета индиго вспыхивали маленькие сверхновые звезды.

Я надел кольцо на палец и крикнул бедуинам:

– Бросьте оружие!

Хотя на самом деле я сомневался, что Печать Соломона способна властвовать над кем-то, кроме демонов. Однако это сработало. Бедуины безропотно выпустили из рук автоматы. Возможно, я и не мог их контролировать, но они знали, кого я контролировать мог.

Я повернулся лицом к небесной битве, наставил кулак с кольцом на пальце на полчища демонов и заорал во все горло:

– Остановитесь! Прекратите! Теперь я хозяин! Убирайтесь отсюда!

Без толку. Бой продолжался. Может, я надел кольцо не на ту руку?

Я стянул его, и тут на меня прыгнул Майк.

Он врезал мне в спину коленом. Я упал ничком, а кольцо вылетело у меня из руки и покатилось по гладкому стеклу. Майк оседлал меня и ударил лицом о землю.

– О боже, – выдохнул он мне в ухо.

Я сбросил Майка со спины и пополз за кольцом. И опередил его… но только потому, что он не сдвинулся с места. Майк увидел то, что я заметил, когда уже было поздно.

Кольцо замерло у ноги рослого короля демонов по имени Пеймон. Он поднял его, как раз когда я за ним потянулся.

А потом я совершил непростительную глупость: посмотрел ему прямо в глаза.

Часть III
Охота на Гиену

– Исходное сообщение –

Кому: Водолею
От кого: ЧиКабсФан
Тема: Сов. секретно. Оп. Утопия

Вводная записка прилагается. Из-за этого пацана мы чуть все не потеряли! ПС у меня. Направляюсь поездом в Барселону.

Запрос на незамедлительный отзыв.

Помогите.

ЧиКабсФан.

Приложение (СОВСОВСЕКОП.DOC)

Кому: ЧиКабсФан
От кого: Водолей
Тема: Сов. сов. сек. Оп. Утопия

Немедленно залягте на дно и ждите. Ситуация крайне нестабильна. Намерения АВ неясны. Сделаю все от меня зависящее, чтобы наладить связь с подписантами договора. Ожидайте дальнейших инструкций и ни при каких обстоятельствах не выходите ни с кем на контакт.

Чтобы обойти девятый раздел протокола, рекомендую изолировать близких.

Водолей.

25

– Альфред? Альфред Кропп, ты меня слышишь?

– Да.

– Альфред, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Открой глаза. Только очень медленно. Можешь?

– Я попробую.

– Ну вот. Свет не слишком яркий? Мы можем его приглушить.

– Глаза оставить открытыми?

– Только на несколько минут. Если можешь.

– Ладно.

– Ты видишь меня, Альфред? Мое лицо?

– Вижу.

– Ты меня узнаешь?

– Да.

– Ты помнишь мое имя?

– Я… я не уверен.

– Это ничего. Ты в полной безопасности. Альфред, я – доктор Абигейл Смит. Теперь ты вспомнил?

– Нет. Не совсем. Но я вас, по-моему, где-то видел. А почему я не могу пошевелить руками?

– Нам пришлось привязать тебя к кровати. Ради твоей же безопасности.

– А если мне захочется почесать нос?

– У тебя чешется нос?

– Нет, но вдруг… Я не уверен, что помню ваше имя, мэм, но лицо мне знакомо. Только я вижу вас как-то смутно. Где я?

– Ты в штаб-квартире Агентства, Альфред.

– Какого агентства?

– АМПНА. Ты помнишь АМПНА?

– А должен?

– Должен, хотя, возможно, и не захочешь вспомнить.

– Ну, тогда я лучше не буду вспоминать то, чего не захочу. А кто тот дылда у вас за спиной?

– Его зовут Оп-девять.

– Странное имя. А почему я лежу в постели? Я заболел?

– Ты пострадал… во время нападения.

– Что-то вроде приступа или припадка?

– Что-то вроде.

Леди по имени Абигейл Смит улыбнулась. У нее были очень белые зубы. Мама всегда говорила, что о человеке можно многое узнать по его зубам.

– Где моя мама?

Леди взглянула на странного парня, которого назвала Оп-девять.

– Альфред, твоя мама умерла четыре года назад.

– Правда?

– Боюсь, что да.

– Но я ведь должен об этом знать?

– Мы надеемся, что со временем ты все вспомнишь.

– А откуда мне знать, что вы меня не обманываете?

Детина шагнул вперед.

– В жизни не видел такого урода, – сказал я. – Что у тебя с ушами? Почему мочки такие длинные?

Оп-девять ничего не ответил. Он только улыбнулся, и все.

– И зубы у тебя не такие клевые, как у этого доктора из АМПНА. Вы оба в черном, потому что умерла моя мама?

– Альфред, – обратился ко мне Оп-девять, – сейчас я назову тебе одно имя, а ты ответишь, знакомо оно тебе или нет.

– Мне кажется, еще не время, – возразила Абигейл Смит.

Оп-девять не обратил на нее внимания. Он наклонился ко мне и прошептал:

– Альфред, это имя – Пеймон.

У меня дернулись стянутые ремнями руки. Пальцы вцепились в металлические прутья кровати. Я пытался дотянуться до глаз. Рот у меня открылся, но я не издал ни звука – вопль застрял где-то в голове. Комок подкатил к горлу, и меня вырвало прямо на белоснежную наволочку.

Абигейл Смит вздохнула.

– Я же сказала – еще не время. Приведи кого-нибудь, пусть приберут.

Оп-девять вышел.

Абигейл Смит склонилась надо мной, взяла мое лицо в ладони и заставила посмотреть ей в глаза. Ее дыхание пахло чем-то сладким, как лакрицей.

– Альфред, Альфред, все хорошо. Все образуется. Оставайся со мной, Альфред. Обещаю – я тебя не отпущу. Я не отпущу тебя. Смотри на меня, Альфред. Смотри мне в глаза. Он тебя не найдет. Ты меня понимаешь? Ты понимаешь меня, Альфред?

Я кивнул и постепенно расслабился. Хотя рвотный запах все-таки напрягал. Абигейл отпустила мое лицо, но только на секунду, чтобы схватить невесть откуда взявшееся полотенце. Потом она подняла мою голову, вытерла с наволочки зеленовато-коричневую блевотину и перевернула подушку испачканной стороной вниз. И снова опустила меня на нее.

– Теперь ты в безопасности, Альфред. Тебе ничто не угрожает. Его здесь нет.

Я помотал головой:

– Вы ошибаетесь. Он здесь. Он всегда будет здесь.

26

Детина вернулся с новой подушкой, а следом за ним в комнату вошел мужчина в белом халате.

– Еще один доктор, – сказал я. – Просто отлично. Насколько серьезно я болен?

Абигейл Смит вытащила из-под моей головы заблеванную подушку, а Оп-девять быстро заменил ее новой.

Доктор проверил мой пульс, потыкал пальцем в живот и посветил фонариком в виде авторучки в рот, нос и глаза. Еще он измерил мне давление и взял кровь на анализ. И все это время избегал смотреть мне в глаза. Один только раз взглянул, когда светил в них фонариком. Потом он кивнул Оп-девять и, не сказав ни слова, ушел.

Абигейл Смит снова склонилась надо мной, а я посмотрел через ее плечо на Оп-девять с его вытянутыми ушами и спросил:

– Кто он такой?

– Оп-девять – демонолог, знаток истории, разбирается в свойствах демонов, их видах и одержимости ими. Лучший в своем деле.

– Так вот почему я здесь! Я одержимый?

– Не совсем, – ответил Оп-девять. – Ты был вскрыт. Ты заглянул в самый настоящий ад, Альфред. Ты видел не какие-то выдуманные, поэтичные картинки с огнем, серой и обреченными на вечные муки душами, а настоящий ад: абсолютную и безнадежную противоположность рая. Я не знаю, на что это было похоже, и надеюсь, что и ты никогда не вспомнишь.

– Альфред говорит, что он все еще с ним, – сообщила ему Абигейл Смит.

– Возможно, так и есть. Тени жертв атомной бомбардировки Хиросимы навсегда остались в этом городе.

– Плохи мои дела, – отозвался я.

– Наоборот, – возразил Оп-девять. – Все очень даже хорошо. Ты выжил, твое тело и сознание функционируют нормально. Чего не скажешь о большинстве из нашей команды.

– Ну, каждый трактует по-своему, – заметил я. – Память у меня стерта, я с головы до ног в бинтах, привязан к больничной койке и

преспокойно беседую о демонах, словно они – заурядное явление в нашем мире, как те же бабочки или «хонда-прелюд». Не уверен, что это нормально.

– Я думаю, что память со временем вернется и физическое здоровье тоже. Кроме тебя, был еще один человек, который заглянул в глаза Падшему. Он мертв. Очнулся в пустыне и вырвал себе сердце.

– И что это значит? Я до конца жизни буду прикован к постели?

Оп-девять и доктор Смит промолчали, из чего я сделал вывод, что вероятность такого исхода очень даже велика.

– Пока они на воле, никто из посмотревших им в глаза не будет полностью свободен, – ответил Оп-девять, тщательно подбирая слова.

– Как это понимать: «пока они на воле»?

– Они завладели Великой Печатью Соломона… и исчезли.

– Но это же хорошо?

– Печать – единственное, что имеет над ними власть, Альфред. – Печальные глаза Оп-девять потускнели, он уставился куда-то в пустоту. – Еще до появления людей, зеленых полей и бурных морей, когда и время еще не существовало, произошла страшная война. И в той войне проиграли существа, которых ты видел. Мечом, который смертные назовут Экскалибуром, архангел Михаил покарал их за грехи перед небесным престолом. А когда пришел срок, их запечатали в Святой Чаше. Они оказались под властью кольца, а кольцо это было передано царю Соломону.

После смерти Соломона они, если можно так выразиться, проспали в Святой Чаше три тысячи лет, не причиняя вреда. Однако, прежде чем лишить их свободы, Соломон правил ими с помощью Великой Печати. Их было семьдесят два властелина, у каждого в подчинении легионы приспешников, и все делились мудростью и силой с владельцем Печати.

И вот они на свободе. Они впервые никому не подчиняются. Так что сам понимаешь – та первая война еще не окончена. Более того, она может оказаться последней.

27

Оп-девять тяжело вздохнул. Он собирался продолжить рассказ, но дверь распахнулась, и в комнату вошел невысокий мужчина в твидовом пиджаке. У него было круглое лицо и пухлые губы, а на кончике острого носа сидели овальные очки в тонкой металлической оправе. Но больше всего поражали волосы – белоснежные и пушистые, как венок из одуванчиков. Он смахивал и на Альберта Эйнштейна, и на изобретателя из фильма «Назад в будущее».

Мужчина говорил на ходу. Сначала я решил, что он сам с собой разговаривает, а потом заметил в ухе гарнитуру, а возле рта – микрофон на черном проводке.

– Да, конечно, господин премьер-министр. Но не мне вам указывать, что говорить журналистам. Может, вам лучше посоветоваться с нашими ребятами из Медкона… Да, из Медиаконтроля. Простите, вы позволите поставить вас на удержание? У меня звонок по другой линии…

– Здравствуйте, господин президент. Как сыграли в гольф? Да, событие просто из ряда вон… Что ж, очень любезно с вашей стороны, господин президент, но я не думаю, что нам понадобится помощь вооруженных сил США. Не на данном этапе. Вы не подождете секунду? У меня британский премьер на линии… Спасибо.

– Вы слышите меня, господин премьер-министр? Я бы сказал журналистам, что нынешняя погода – это аномалия, вызванная глобальным потеплением. Вы же знаете, как они обожают глобальное потепление… Что вы говорите? Что с баскетбольный мяч? Град? Что ж, я бы посоветовал людям не выходить из дому. Простите, вы не могли бы еще немного подождать?

– Нет, господин президент, боюсь, что бомбардировщики «стелс» тут совершенно бесполезны… Ну, это зависит от того, что вы подразумеваете под «сдержанный». «Сатком»[15] обнаружил их в районе Гималаев… Да, конечно, мы будем держать вас в курсе… Благодарю вас, господин президент, я буду… Да, у нас есть план… Простите, не подождете минутку?

Во время всего разговора этот тип не сводил с меня глаз, нервно притопывал ногой и постоянно запускал пятерню в волосы. Наверное, из-за этой привычки у него и была такая странная прическа.

– Господин премьер-министр, вы еще здесь? Я не собираюсь с вами спорить… О да, я уверен, что общественность примет версию глобального потепления. Да, даже если величиной с «фольксваген». Простите, вы сказали – величиной с «фольксваген»? О боже. Что ж, это уже похоже на «Лондонский блиц», не находите? Алло, алло? Черт, связь оборвалась. Господин президент, вы меня слышите?

Мужчина расстроенно тряхнул головой, и его волосы на секунду превратились в белый торнадо.

Он избавился от наушника и передал его Абигейл:

– Забери эту чертову штуку, Смит. Я до смерти устал от политиков!

Потом он подошел к моей койке и улыбнулся, глядя на меня сверху вниз. Тут ему было далеко до Абигейл Смит. Зубы у него не были ни белыми, ни ровными.

– Альфред, это Франсуа Меривезер, – сказала она. – Директор АМПНА.

– Я – Альфред Кропп.

– Я знаю, кто ты. И рад, что и ты это знаешь. Прямо от сердца отлегло.

– Это практически все, что мне известно.

– По одному шажочку, Альфред! По одному шажочку! Как съесть слона? По кусочку!

– А что там случилось с погодой? – поинтересовался я.

– Они накрыли землю саваном, – ответил Оп-девять.

– Девятый, тебе обязательно постоянно быть таким мрачным? Накрыли саваном! У меня сердце сжимается, когда я с тобой общаюсь. Столько меланхолии!

– Постараюсь повеселеть, директор.

– Одним старанием веселее не станешь, Девятый. Ты только взгляни на этих клоунов из преисподней. Итак, Альфред, вот мы и познакомились. Ты в безопасности, но пока еще не совсем в форме. Однако доктор заверил меня, что мы можем рассчитывать на твое полное выздоровление. Если тебе что-нибудь нужно – не стесняйся,

сразу скажи. Все, что душа пожелает. Вот сейчас ты чего-нибудь хочешь?

– Да, я хочу маму. Я хочу мою маму.

Меривезер посмотрел на Абигейл Смит, и та лишь пожала плечами.

– Вы же сказали – все, что душа пожелает, – напомнил я.

– Боюсь, мамы у нас только что закончились. Но может, ты хочешь чего-нибудь вкусного? Ты что больше всего любишь? Пиццу? Гамбургеры? Может, тако? Или мороженое? Ты какое любишь?

– Не хочу я вашего дурацкого мороженого! Я домой хочу!

Я снова был близок к истерике.

– Альфред… – обратилась ко мне доктор Смит, но громкий зуммер не дал ей договорить.

Из невидимого динамика раздался мужской голос:

– Директор Меривезер, я думаю, вам лучше спуститься сюда.

– Куда – сюда? – переспросил Меривезер.

– В морг.

Меривезер переглянулся с Абигейл Смит и Оп-девять.

– А это не может подождать?

– Вряд ли. И хорошо бы привести с собой Кроппа.

– Привести Кроппа?

– Обязательно приведите Кроппа.

– Я не уверен, что готов к посещению морга, – признался я.

– Жду вас внизу, – сказал как отрезал Меривезер и спешно вышел из комнаты.

Оп-девять и Абигейл Смит отвязали меня от койки и помогли встать. Острая боль пронзила ногу, у меня подогнулось колено. Не подхвати меня Оп-девять, я бы точно грохнулся на пол.

– Что у меня с ногой?

– Тебя подстрелили.

– Подстрелили? А с рукой? С рукой что?

– То же самое.

– Два раза ранили?

Оп-девять кивнул. Мы поспешили по коридору к лифту в конце холла. Стены из шлакоблоков были желто-зеленого цвета, а пол – серый. Абигейл Смит поддерживала меня с одного бока, Оп-девять – с другого.

– А из чего стреляют демоны?

– Тебя подстрелили не демоны, а бедуины.

Абигейл нажала кнопку «вниз».

– Бедуины! А они-то что против меня имеют?

– Ничего.

– Значит, ни за что ни про что?

Двери лифта открылись, меня завели внутрь, я прислонился к стене и перевел дух. Абигейл нажала на кнопку «LL-24»[16]. Лифт пошел вниз.

– Они стреляли в тебя, потому что так им приказал их хозяин, – объяснил Оп-девять.

– Хозяин? То есть демон?

– Гиена.

– Какая-то гиена приказала бедуинам стрелять в меня?

– Все гораздо сложнее.

– Куда больше-то?

Абигейл кашлянула.

Двери лифта открылись, и мы сразу очутились в просторном помещении. Пол был металлический, а вдоль одной из стен тянулся ряд камер, похожих на морозильные.

Директор Меривезер был уже там, и с ним стоял парень в белом халате – тот, который меня осматривал. Меривезер подозвал нас взмахом руки и прижал к губам палец, а потом указал им же на камеры.

Одна из камер была открыта, и кто-то уже выкатил из нее полку с трупом в мешке. Мешок наполовину лежал, а наполовину стоял торчком, как будто тот, кто в нем находился, вдруг взял и сел.

– Что это? – шепотом спросила Абигейл, явно не понимая, как такое возможно.

– Слушайте! – тоже шепотом ответил ей доктор в белом халате.

Сперва я ничего не услышал, но через секунду до меня долетело какое-то шипение. А еще через две оно стало отчетливее, и я разобрал одно слово.

Не слово – имя.

Кропп.

– Я пришел подготовить тело ко вскрытию, и вот пожалуйста, – дрожащим голосом произнес доктор.

И снова, только теперь уже громче:

– Кропп!

– Откройте мешок! – приказал Оп-девять.

– Вы шутите? – хором спросили доктор и Меривезер.

– Откройте мешок!

– Послушайте, – сказал доктор, – я человек штатский, работаю по контракту… Я не оперативник. У меня семья, жена, дети…

– Откройте мешок!

– Делайте, как он говорит, – сказал Меривезер.

Доктор закусил губу, но подчинился. Он подошел к выдвинутой из морозильной камеры полке и медленно, снизу вверх расстегнул застежку-молнию. Мешок упал, сложившись у трупа на поясе. Доктор отскочил.

Первым, на что я обратил внимание, была мускулатура покойника. Он был накачан, как Шварценеггер. Вторым стала дыра, зияющая в груди. А третьим то, что у него не было глаз.

Губы мертвеца едва шевелились, но говорил точно он. Он снова прошипел:

– Кропп.

– Да, – громко произнес Оп-девять. – Он пришел. Кропп здесь.

– Альфред Кропп, – прошипел покойник.

Парень был волосат, его мертвенно-бледная кожа резко контрастировала с жесткими черными волосами.

Оп-девять легонько подтолкнул меня, и я брякнул:

– Да, я здесь.

– Мы тебя знаем.

У меня подогнулись колени, но вовсе не потому, почему отказывали в моей уютной, надежной комнатке. Я крепко вцепился в руку Оп-девять.

– А ты теперь знаешь нас.

Я узнал этот голос. Я слышал его, казалось, тысячи лет назад, и вот теперь, когда он зазвучал, ко мне вернулось все, что я забыл. Тесная спальня в доме Таттлов; Майк тащит меня через разбитое окно; Эшли верхом на белом коне спасает меня от Майка; «Пандора»; мы мчимся через пустыню, чтобы найти Майка до того, как он освободит адские орды… Я вспомнил все, что было до того самого момента, когда я заглянул в глаза демона. А дальше – бездонная яма, черная

дыра; я прыгаю через нее и оказываюсь в этом морге в недрах штаб-квартиры АМПНА, и демон говорит со мной устами покойника.

– Чего ты хочешь, о Великий и Всемогущий Король? – осведомился Оп-девять.

Покойник пошевелил губами, но я не услышал ни звука. Тогда директор Меривезер наклонился ко мне и шепнул на ухо:

– Может, ты его спросишь, Альфред?

– Я?

Меривезер кивнул Оп-девять, и тот, тоже мне на ухо, повторил свой вопрос.

– Чего ты хочешь, о Великий и Всемогущий Король? – дрожащим голосом спросил я.

– Печать.

– Но разве Печать не у тебя? – шепотом подсказал мне Оп-девять.

– Но разве Печать не у тебя? – повторил я.

– Мне нужна Малая Печать, Альфред Кропп. Чаша нашего заточения. Принеси ее нам, последний сын Ланселота.

– О Мудрейший и Прекраснейший… – шепнул Оп-девять.

– О Мудрейший и Прекраснейший, – эхом отозвался я.

– …мы не владеем Святой Чашей.

– Не владеем? – переспросил я, испытав шок, а Оп-девять мотнул головой в сторону покойника, как бы приказывая: «Не со мной, с мертвецом говори!»

Я откашлялся и обратился к покойнику:

– Мы… э-э… у нас ее нет.

И тут помещение морга затопил жуткий визг, как будто кто-то на полной скорости ударил по тормозам. Труп на выдвинутой полке резко вытянул шею. Из пустых глазниц метнулись черные тени.

Потом он запрокинул голову, и дикий вопль перешел в тихое шипение.

Я заглянул в его пустые глазницы, и тьма накрыла меня, как прибой – маленького ребенка. Она была тяжелой, я слышал детский плач и вопли миллионов людей, стенающих от страха и голода. Я увидел трупы. Сваленные в кучи, как высушенные кукурузные стебли, тела бесконечными рядами уходили вдаль под густыми осенними тучами. Еще я узрел руины городов. Люди сновали между

дымящимися домами, их одежда затвердела от грязи и пепла, стекла из разбитых окон хрустели у них под ногами.

Земля лишилась зеленого покрова и всех красок жизни, а там, где когда-то текли реки, копошились в густой жиже бледные безымянные существа. И над всем этим повис насыщенный, сладковатый запах смерти.

– Альфред! – позвал меня Оп-девять откуда-то издалека. – Альфред, что ты видишь?

Я открыл рот, но издал только лишь слабое эхо шипения, которое срывалось с посиневших губ Карла.

– Принеси Печать, Альфред Кропп, – снова прошептал покойник.

После этого он перевалился через край, шмякнулся с тошнотворным звуком на пол и замер.

Оп-девять шагнул к трупу, нагнулся и всмотрелся в его лицо. Рука Карла вдруг резко поднялась и схватила Оп-девять за горло. Тот пытался высвободиться, но хватка у покойника была крепкой. Эбби с доктором бросились на помощь. Они разгибали пальцы мертвеца, пока те вдруг не расслабились.

Оп-девять отпрянул от покойника и, задыхаясь, потер горло.

Доктор вытаращился на труп.

– Это невозможно! – выдохнул он.

– Да все мы по самое не могу увязли в невозможном, – заметил Меривезер и повернулся ко мне. – Что ты увидел?

– Конец… Конец всему.

Меривезер посмотрел на Оп-девять:

– Из вашего рапорта следует, что АВ скрылись с Малой Печатью.

– Это было логичное оперативное предположение, – ответил тот. – Очевидно, нам следует рассмотреть альтернативную версию.

И тут подала голос Эбби.

– Гиена, – сказала она. – Это он забрал Печать.

– Майк улизнул? – спросил я.

– Исчез после боя, и мы недосчитались одного сэндфойла, – пояснил Оп-девять. – Логично предположить, что он не погиб после того, как Пеймон завладел кольцом.

– Снова догадки! – раскипятился Меривезер. – Если добавить к ним пару баксов, то хватит на большой кофе в «Старбаксе»!

Оп-девять потупился, поджал губы, но ничего не ответил.

– И что теперь делать? – спросил я.

– Альфред, – веско произнес Меривезер, – АМПНА – это единственная в мире организация, которая обладает практически неограниченными ресурсами. Наша агентурная сеть охватывает всю планету. Мы сделаем то же, что и любая мощная транснациональная бюрократия, – устроим собрание!

28

Собрание состоялось в большом конференц-зале на сорок девятом нижнем уровне штаб-квартиры АМПНА. Этот уровень ничем не отличался от двадцать четвертого – стены казенного зеленого цвета, окон нет, пол серый. В центре зала стоял круглый деревянный стол, а вокруг него – двенадцать кожаных кресел.

Я, Эбби, Оп-девять и еще девять сотрудников АМПНА – пять женщин и четверо мужчин – заняли места за столом и несколько минут ждали Меривезера. У всех сотрудников были типичные для АМПНА имена: Джейк, Джессика, Уэс и Келли.

Все мужчины были в деловых костюмах и белых накрахмаленных рубашках с безупречно завязанными галстуками. Женщины тоже были в костюмах: три – в темно-синих, а две – в тонкую полоску, и все они были блондинки, как Абигейл и Эшли. А вот Эшли в зале не было, и я начал гадать, где она и сумела ли уцелеть во время вторжения. Я хорошо помнил, как мы укрылись под брезентом и как я прижимал ее к себе, пока над нами летали демоны. Я помнил запах ее волос и то, как слезы, когда все кончилось, сделали ее голубые глаза ярче и странным образом прекраснее.

Дверь распахнулась, и в конференц-зал бодро вошел Франсуа Меривезер с пачкой папок под мышкой. Грива волос так и развевалась (я бы на его месте либо подстригся покороче, либо завязал их в хвост).

Меривезер свалил папки на полированный стол и обратился к присутствующим:

– Итак, ребята, мы пересекли черту, согласны? Со времени подписания Устава еще не случалось вторжения такого масштаба, а это значит, что день, который оправдает наше существование, наконец настал.

Меривезер умолк, будто ждал, что кто-нибудь возьмет слово. Никто не захотел, и он продолжил:

– Какое бы решение мы сегодня ни приняли, реализовать его надо быстро. Соединенные Штаты перешли на ДЕФКОН второго уровня[17]. Европейский союз активировал свои резервы. Я только что получил сообщение от наших агентов в Китае. Половина их армии

сосредоточена на границе с Тибетом. У всех чешутся руки спустить курок, а это грозит не меньшей катастрофой, чем само вторжение. – Меривезер посмотрел в потолок и распорядился: – Убавьте, пожалуйста, свет. Давайте посмотрим, что нам покажет «Сатком И-41».

Свет приглушили, и в центре стола возникла трехмерная картинка: над горной грядой проносились черные тучи, сверкали молнии, снежные вершины отливали красным. Самую высокую окружало знакомое оранжевое свечение со вкраплениями ярко-белых искр.

– Леди и джентльмены, перед вами Эверест, – объявил Меривезер. – Неприступный с земли и почти недосягаемый с воздуха. Для некоторых присутствующих добавлю, что это самое близкое к небесам место на земле.

Картинка исчезла, снова стало светло. Кресло подо мной издало тот неприятный звук, который издают все кожаные кресла, если поерзать. Я огляделся по сторонам – вдруг решили, что я порчу воздух, – и задался вопросом: «Почему Альфред Кропп – бугай, от которого одни неприятности, – сидит на этом заседании и боится пукнуть?»

– Оп-девять.

Директор кивнул агенту, тот встал.

– Хозяину Великой Печати подчиняются семьдесят два отверженных разного ранга, – сказал Оп-девять. – Президенты, герцоги, принцы, князья, короли… Но это все для смертных. Их истинные титулы и тайные имена прозвучали лишь раз, и произнес их Господь. Каждому из них, в свою очередь, подчиняются легионы младших по рангу. Кому-то больше, кому-то меньше, в зависимости от положения в их адской иерархии. Например, Пеймон, король, которому досталось кольцо, командует двумя сотнями легионов.

– А сколько всего легионов? – поинтересовался агент по имени Джейк.

– Две тысячи шестьдесят один.

Кто-то присвистнул. А кто-то еще спросил:

– И сколько АВ в одном легионе?

– Шесть тысяч.

В конференц-зале повисла гробовая тишина.

– Боже милостивый, это же больше пятнадцати миллионов, – прошептал Джейк.

– Шестнадцать миллионов пятьсот шестьдесят шесть тысяч, если быть точным, – откликнулся Оп-девять.

– В два раза больше, чем население Нью-Йорка.

– Да, именно так, – раздраженно сказал Меривезер. – Или семьдесят четыре процента от численности всех вооруженных сил мира. Или в шестнадцать раз больше, чем личный состав армии США. Или все население Новой Зеландии, включая женщин, детей и овец. Продолжай, Девятый.

Меривезер заходил по залу, время от времени потирая лоб. Когда он прошел мимо меня, я уловил запах «Читос». У «Читос» он особенный, и я был уверен, что не ошибся. Хрустящие такие сухарики.

– Каждый Падший Властелин обладает определенными силами и способностями, которыми может поделиться с магом. Кое-какие из них… неприятнее, чем другие, – продолжил свой доклад Оп-девять. – Одни обладают целительским даром, есть среди них и созидатели… Но большинство тяготеет к разрушению. Они даруют мудрость и убивают разум. Одним подвластна погода, другим – иные земные элементы. Они метаморфируют, читают мысли, изменяют сознание. И все их бесчисленные таланты служат тому, кто владеет Печатью Соломона.

– А ею теперь владеет король Пеймон, – вставил Меривезер. – Кто такой этот Пеймон?

– Один из Первенцев Небес. Второй после Люцифера и первый, кто вступил в заговор с целью завладеть небесным престолом. В литературе Пеймон представлен в образе человека, восседающего на дромадере. Но есть и другие источники, согласно которым он может явиться верхом на огромном крылатом чудовище. Обычно его сопровождают младшие короли Бебал и Абалам, которым подчиняются другие адские сущности, легионов двадцать пять или больше. А Пеймон командует двумя сотнями легионов. Он учитель, он делится тайными знаниями с владельцем Печати и может обучить всем тайным искусствам и наукам неба и земли. Пеймон повелевает ветром и водой, он способен подчинить магу человеческий разум. Одним словом, Печать попала в руки самого могущественного и ужасного из всех семидесяти двух демонов.

– Другими словами, – сухо заметил директор, – узники похитили ключи от тюрьмы и впервые с начала времен никому не подчиняются.

Запах «Читос» навел меня на мысль, что я забыл, когда последний раз ел. Желудок мигом заурчал и не унялся до конца собрания. А еще я не знал, который был час, какой был день и какой месяц… Хотя еще помнил год. Кроме еды, я нуждался в чем-нибудь заурядном, чтобы не провалиться в ужасную кроличью нору, где на безумное чаепитие собралось шестнадцать миллионов гостей и каждый способен заставить меня вырвать собственные глаза.

– А теперь дайте-ка нам «Сатком И-27С», – скомандовал в потолок Меривезер.

Свет снова притушили, и посреди стола возник гигантский стеклянный диск из оплавленного в пустыне песка. В отличие от первой картинки это был стоп-кадр. Меривезер направил луч лазерной указки на черную точку на самом краю блестящего диска.

– Это, как мы считаем, Гиена через несколько минут после потери Печати. Это, – (красное пятнышко перешло к другой точке), – алтарь. Увеличьте, пожалуйста. – (Картинка чуть искривилась, но мы различили алтарь, хотя и немного размытый.) – Чаша исчезла. Мы предполагали, – тут Меривезер недобро взглянул на Оп-девять, – что АВ бежали, прихватив с собой и Малую Печать. Как выяснилось – нет. С этого момента ключевая оперативная версия такова: Гиена воспользовался суматохой после потери кольца и похитил Чашу.

– Зачем? – спросила агент по имени Сэнди.

– Что – зачем?

– Зачем ему Чаша?

– Во-первых, для защиты, – ответил ей Оп-девять. – Чаша – козырь на случай, если они найдут его раньше нас. К тому же он может попробовать заключить с нами сделку.

– Не понимаю, – подал голос Джейк. – Зачем им Чаша? Мы же не можем загнать их обратно без кольца.

– Дело не в том, что им нужно или не нужно, – возразил Оп-девять. – Пока у них нет Чаши, всегда останется риск, пусть и ничтожный, что они снова в нее угодят. Завладев тюрьмой, они получат гарантию свободы.

– Свободы для чего? – спросил агент по имени Грэг.

– Не знаю, – ответил Оп-девять.

– Погодите, разве не вы у нас демонолог? Если не знаете вы, то…

– Нам незачем знать, что они будут делать со своей свободой, – перебила его Эбби. – Все, что нам надо выяснить, – это что они сделают, если не получат Чашу.

Повисло молчание. Джек шумно выдохнул. Кто-то кашлянул. Оп-девять смотрел на стол.

Тишину нарушила Сэнди:

– Ладно, сдаюсь. И что они сделают?

Эбби посмотрела в мою сторону. И Меривезер тоже. Я отвел взгляд. Мне не хотелось рассказывать им о том, что я увидел в пустых глазницах Карла. Мне не хотелось рассказывать об этом, потому что я не хотел об этом думать.

– Поймите, масштабы их ненависти непостижимы для человеческого сознания. Они ненавидят Творца и, соответственно, ненавидят Его творение. Им ненавистно все, что приносит радость и умиротворение; все, что искупает грехи или избавляет от ночных страхов. Я не знаю точно, что они намерены делать, но подозреваю, что это превосходит все наши детские и жалкие представления о зле как противоположности рая. Мы должны исходить из того, что их цель от начала времен осталась неизменной. Что они сделают? *Поглотят* нас.

29

– Я так и не понял, – сказал Джейк, – какой смысл преследовать Гиену? Предположим, мы его найдем и вернем Чашу, и что дальше? Мы не сможем ее использовать, ведь у нас нет кольца. Нам надо идти за кольцом, а не за Чашей.

– Да, хорошо, это мы тебе и поручим, – кивнул директор. – Организуем группу, и ты поведешь ее на штурм Эвереста, против миллионов врагов рода человеческого.

Джейк не отреагировал на сарказм.

– Может, это и правильно. Врежем им как следует!

– Мы еще работаем над модификацией 3XD, – сказал Оп-девять. – А также над содержащимися в боеприпасах активными веществами.

– Я говорю о небольшой группе. Два-три агента и парочка шерпов[18]. Мы выманим этого, как его, Пеймона, а там – один выстрел в руку, и дело сделано.

Оп-девять отрицательно покачал головой:

– Увы, но Гиена правильно сделал, что прислушался к своим инстинктам и захватил Чашу. Если она окажется у нас, это усилит наши позиции. По крайней мере, им придется взять паузу.

– Это почему?

– По той же причине, по которой они стремятся ею завладеть. Пока Чаша недосягаема, они не могут быть уверены в собственной свободе.

– А может, и нет, – парировал Джейк. – Они все же свободны, а мы не знаем, как запихать джинна обратно в бутылку. Кстати, ты так и не ответил на мой вопрос, поэтому я задам его в третий раз. Допустим, мы вернем Чашу. Что дальше?

Все промолчали, и я пришел к выводу, что ответа не знает никто.

– Ну и ну, – тихо сказал Джейк. – Пусть берегутся, мы разрешаем *взять паузу*.

– У тебя есть другие предложения? – ледяным тоном осведомился Оп-девять.

Нетрудно было догадаться, что ему не нравится этот агент.

– По-моему, я уже предложил.

– Мы пойдем за Чашей, потому что других вариантов у нас нет. Твое предложение – пустая затея, она обречена на провал, а мы не можем отказаться от единственного, что отделяет нас от Падших.

– Что же это? – спросил Джейк.

– Надежда.

Директор Меривезер вдруг хлопнул в ладоши, и все вздрогнули.

– Итак! Мы знаем, где они и чего хотят. А также нам известно, как они поступят, если не получат желаемого. Надо найти Гиену и вернуть Чашу, иначе сами-знаете-кто сорвется с цепи. Остался один вопрос: где он?

Все молчали. Директор посмотрел на Эбби.

– Компьютерные модели дружно выдали десять возможных точек, – решительно ответила она. – Данные основаны на былых посещениях, их длительности и уровне комфорта.

Эбби передала стопку распечаток сидящему справа от нее агенту, и тот взял одну себе, а остальные пустил по кругу. Агент слева от меня забрал последнюю, и я так и не узнал, что там было.

– В каждую точку отправляется группа из двух агентов…

– Почему только двух? – спросил Джейк.

– Чем меньше группа, тем ниже вероятность провала.

– И меньше шансов найти Гиену. Надо привлечь как можно больше агентов.

– Все подписавшие, за исключением Швейцарии, да хранит их Господь, готовы к сотрудничеству и обязались оказывать логистическую поддержку, – сказал директор Меривезер. – Местные подключатся, если понадобится.

– Простите, директор, – подал голос Оп-девять, изучавший распечатку, – но я предлагаю направить один отряд в последнее известное нам убежище Гиены.

Я не был уверен, но подумал, что он имеет в виду горную хижину.

– Даже Арнольд не настолько глуп, – заметил Меривезер. – Это слишком очевидно.

Оп-девять хотел возразить, но передумал.

Эбби откашлялась и продолжила инструктаж:

– Убедитесь, что все ваши люди понимают – миссия сугубо добровольческая. По правилам Первого протокола к ней допускаются только те, у кого нет близких родственников. Цель миссии диктуется

категорическим императивом. Чашу Соломона необходимо вернуть. Поэтому Гиена определяется как «мишень» в трактовке раздела номер сто восемьдесят девять, пункт двадцать три Устава.

– Отлично, – сказал Джейк. – Надеюсь, моя команда его достанет. Я с превеликим удовольствием прострелю этому уроду башку.

30

Собравшиеся разделились на маленькие группки. Директор, Эбби и Оп-девять шептались в углу. Они то и дело поглядывали в мою сторону и, как я понял, решали, что делать со мной. Рассчитывать на то, что они вернут меня в Ноксвилл, не приходилось: я слишком много знал, а после общения в морге с рупором демона оказался единственным, с кем эти демоны готовы беседовать. Скорее всего, меня запрут в штаб-квартире АМПНА, где я не натворю новых бед.

Никто не обмолвился о том, что я-то и был причиной собрания. Кольцо оказалось у меня. Оставалось передать его Оп-девять, а я вместо этого вообразил себя повелителем демонов. Конечно, трудно сохранить спокойствие перед шестнадцатью миллионами злобных духов.

Через несколько минут директору Меривезеру пришлось принять участие в видеоконференции с президентом Китая и далай-ламой. Оп-девять и Абигейл отвели меня обратно. Нога у меня из-за долгого сидения за столом затекла, и я всю дорогу наваливался на Оп-девять, а в комнате сразу плюхнулся на кровать и постарался отдышаться. Эбби с Оп-девять принялись о чем-то шептаться. Наверное, это было продолжение спора, который начался еще в конференц-зале.

– Я хочу есть, – выдохнул я.

Меня не услышали, пришлось повторить громче:

– Я хочу есть!

Они умолкли и уставились на меня. Наконец Эбби спросила:

– А чего ты хочешь?

– Митлофа[19], пюре, зеленого горошка и роллов. – Я старался выбрать еду попроще, которую едят обычные люди в обычной жизни. – И кусок пиццы.

– Пиццы?

– Пепперони. Пусть будет два куска. И еще мороженое. Шоколадное.

Теперь Эбби улыбалась.

– Что-нибудь еще?

– Нет. Да. Арахисовое масло и сэндвич с джемом. И огурчики. «Клауссен».

– «Клауссен»?

– Любые, но лучше «Клауссен».

– Это все?

– А что, мало?

Эбби пошла к выходу.

– О, еще пакетик «Читос», – сказал я вдогонку. – Хрустящих.

Эбби ушла. Оп-девять внимательно смотрел на меня темными глазами. Он не улыбался.

– В чем дело? – спросил я. – «Читос» – это уже перебор?

– К тебе вернулся аппетит, Альфред. Это хороший знак.

– Не очень-то их много в последнее время. Я имею в виду хорошие знаки. Оп-девять, а что случилось в той битве, после того как я…

Я не сумел договорить, но Оп-девять и так все понял.

– Завладев кольцом, Пеймон сразу созвал легионы, и они покинули поле боя. Улетели в мгновение ока, Альфред.

– И Майк тоже?

– Увы.

– Откуда нам знать, что Чаша у него?

– После столкновения всю местность тщательно прочесали. Малая Печать исчезла, Майк исчез, и теперь Пеймон требует, чтобы мы ее вернули. Я не сомневаюсь, что Чаша у Майка. – Оп-девять тяжело вздохнул и взялся за переносицу. – Мы потеряли сорок три вертолета, а из группы вторжения в живых осталось только четверо.

– Эшли? – спросил я.

– К счастью, она отделалась царапинами.

Мне полегчало, но потом стало хуже, потому что нельзя радоваться тому, что она выжила, а почти все остальные погибли.

– Это все из-за меня, – сказал я. – Надо было сразу отдать вам кольцо. Вы бы сумели его использовать.

– Да, – согласился Оп-девять.

Я не понял, с чем именно – с тем, что это из-за меня демоны завладели Печатью, или с тем, что он нашел бы ей применение.

– Значит, я все испортил. Опять. И теперь демоны на свободе, а мы не можем их обуздать. Выхода нет.

– Нет, потому что мы его не видим. Пока. Но я уверен, что мы его найдем.

– Почему вы так в этом уверены?

– Потому что, как я уже говорил, альтернатива – отчаяние, – ответил Оп-девять.

И он ушел, а я сидел и ждал свою еду. Этим я и был занят, когда вошла Эшли. Я выпрямился и провел рукой по волосам. Оброс я прилично.

– Привет, – сказал я. – Похоже, у нас получилось.

– Похоже, что да, – кивнула Эшли.

Она старалась не встречаться со мной взглядом. Наверное, не хотела видеть глаза, которые заглянули в очи демона.

– Почему ты не в форме? – спросил я.

– Я ухожу.

– Охотиться за Майком?

Эшли покачала головой:

– Нет, я ухожу из Конторы. Я подала заявление об уходе, Альфред.

– Правда? – Я был поражен. – Неужели так можно – просто взять и уволиться?

– Это не запрещено. Но и не одобряется.

– А как они помешают тебе разболтать их тайны?

– Они знают, где я живу.

– Ты шутишь.

– И где живут мои родные.

– Ты меня пугаешь, Эшли. Я много месяцев твердил себе, что АМПНА – хорошие ребята, а ты такое говоришь.

Эшли пожала плечами. Большинство людей неважно выглядят, когда пожимают плечами. Шея как будто исчезает, а кому хорошо без шеи? Взять хоть профессиональных футболистов. Но Эшли просто потрясающе выглядела, когда пожимала плечами. Светлые волосы качнулись, угол рта опустился, а между бровями появилась милая морщинка.

– Хорошим людям иногда приходится поступать плохо, – сказала она.

– А чем они тогда отличаются от плохих? Плохие поступают плохо, хорошие – хорошо.

– Наверно, все немного сложнее.

– Как всегда. Я никак не пойму, мне ли хочется, чтобы все было проще, или все просто, потому что я сам такой?

– Какой – такой?

– Простой.

Эшли улыбнулась:

– Ты какой угодно, но только не простой, Альфред.

Я воспринял это как комплимент. Так лучше, если разговариваешь с красивой девушкой.

– Почему ты уходишь?

Эшли посмотрела в сторону.

– Это из-за того, что было там, с демонами?

Эшли уклонилась от прямого ответа:

– Я просто… Иногда… что-то случается, и ты понимаешь, что все твои приоритеты поставлены с ног на голову. Я не видела родных больше двух лет. Контора завербовала меня сразу после колледжа. Я скучаю по ним. Скучаю по прежней жизни. Не знаю, смогу ли я жить как раньше, после… после всего случившегося, но я постараюсь. Вот что им от нас нужно, Альфред. Жизнь. Наша жизнь. А я не уверена, что готова отдать свою.

– Первый протокол, – сказал я, и она озадаченно на меня посмотрела. – Это требование Первого протокола, да? Пожертвуй жизнью ради великой цели, или там общего блага, или ради чего-то еще.

– Да, ради чего-то еще, – кивнула Эшли.

– Ну что я могу сказать? По-моему, ты там отлично сработала. Правда. И знаешь, извини за то, что было под брезентом…

– Под брезентом?

– Ну, я схватил тебя и все такое.

Эшли улыбнулась, и я увидел розовый кончик ее языка.

– Я была рада, что ты это сделал.

Она сказала, что не видела родных два года и что ее завербовали сразу после колледжа. Значит, ей двадцать четыре или двадцать пять. В наше время десять лет разницы ничего не значат. Ей, например, тридцать пять, а мне двадцать, такое встречается на каждом шагу, особенно в Голливуде. Но сейчас эта разница значила очень даже много.

У меня всегда было хреново с чувством времени. Я еще подумал, что меня тянет к Эшли как раз потому, что она сильно старше и уходит.

– Так или иначе, я хотела повидаться с тобой перед отъездом, – сказала Эшли.

– Зачем?

– Проведать. И попрощаться.

Эшли молча смотрела на меня. Так долго, что я даже смутился больше обычного. Потом она наклонилась и поцеловала меня в щеку. Я уловил аромат сирени.

– Будь осторожен, Альфред, – шепнула она мне на ухо. – Они лгали тебе и, если понадобится, солгут снова. Они используют тебя.

Тут распахнулась дверь, и два парня вкатили пару столиков с моим заказом. Эшли быстро отступила и смахнула со щеки слезу.

– Прощай, Альфред, – сказала она и вышла из комнаты.

Потом я еще очень долго ее не видел.

31

После еды мне чуток поплохело – угадайте почему, – и тут, как по вызову, вошел тот самый врач из морга. Я так и не узнал, как его зовут, поэтому про себя назвал доктором Ватсоном, как закадычного друга Шерлока Холмса. Не знаю почему – наверно, это первое имя, которое пришло мне на ум после слова «доктор». Я всегда делил врачей на две категории: тех, которые работают с живыми людьми, и тех, что занимаются покойниками. Возможно, этот работал и с теми и с другими, но мне все равно было немного не по себе, когда он меня осматривал.

Доктор сообщил, что обе пули вытащили и он полагает, что я очень скоро приду в форму.

– До следующего раза, – сказал я.

Неприятности имеют свойство преследовать меня, как верный пес. Можно простить человека за то, что он однажды поставил мир перед угрозой исчезновения. Но дважды – это уже слишком.

– Вы знаете, что такое дуфус?[20] – спросил я доктора.

– Я знаю, что такое даффер[21], – ответил он.

– А что это? Какое-нибудь покрывало на кровать? – Я начал отвлекаться от дурных мыслей.

– Это термин из гольфа.

– А, ну да. Вы же доктор. Ладно, дуфус – это тот, кто вечно все делает неправильно.

– Очень похоже на даффера.

– Может, дуфус – это от даффера?

– Странное предположение. Корень «дафф» – это «задница» на сленге, – возразил доктор Ватсон.

– Да, странно, – согласился я. – Потому что задница, в общем-то, ничем особо трудным и не занимается. Ну, она просто сидит, и все. Меня вот давно интересовал один вопрос. Может, вы ответите как доктор? Зачем нам щель? Две ягодицы, «булки» эти? Я вот не понимаю, какая в них необходимость.

Доктор с минуту подумал.

– В основном они нужны для поддержания равновесия.

– Футболисты с их помощью поднимают командный дух. Я вот не был звездой футбола, но во время игры получал свою долю шлепков.

– Не понимаю, почему мы беседуем о задницах.

– Ну, – сказал я, – иногда лучше поговорить о чем угодно, только бы не о том, о чем не хочется.

Он пристально смотрел на меня.

– Где мы? – спросил я.

– В штаб-квартире АМПНА.

– Это я знаю. Где находится штаб-квартира АМПНА?

– Вряд ли я могу тебе ответить.

– Это почему?

– Потому что не имею права.

Доктор ушел, а еще через несколько минут явился Оп-девять. На нем была парка на меху поверх английского костюма и зимние ботинки. Эшли тоже была тепло одета, и я подумал, что штаб-квартира АМПНА может располагаться на одном из полюсов.

– Итак, Альфред, по мнению доктора, ты полностью здоров, – заявил он. – Ну или почти полностью.

– Это как почти вменяемый. Вы тоже уходите?

– Тоже?

– Эшли заходила проведать меня.

– Понятно. Да, я ухожу.

– А что будет со мной?

– Вот поэтому я и пришел. Альфред, у тебя есть выбор. Ты можешь остаться в штаб-квартире, а можешь пойти со мной охотиться на Гиену.

– Мне не нравится ни то ни другое. А можно, я просто поеду домой, в Ноксвилл?

– Боюсь, что нет. Это небезопасно.

– Другого ответа я и не ждал. Они ведь знают, что я из Ноксвилла?

– Они очень многое знают.

– Очень – это сколько?

Оп-девять присел рядом со мной на кровать и положил свою большую ладонь мне на колено:

– Им известно о тебе все, Альфред. Все. Они знают тебя так, как не дано никому. Они видели твое подлинное лицо, которое ты прячешь от всех, даже от себя самого. Все, что ты знаешь, помнишь и даже то,

чего не можешь вспомнить; все твои желания – даже те, в которых ты сам себе не признаешься; все это лежит перед ними как на ладони.

– Это неприятно.

– Конечно, штаб-квартира – самое надежное место на свете. Если ты решишь пойти со мной, я не смогу гарантировать тебе безопасность.

– Тогда с чего мне с вами идти?

Оп-девять долго и пристально смотрел на меня, но я не отвел взора. Я заглядывал в глаза пострашнее.

– Они и мое будущее могут увидеть?

Оп-девять покачал головой:

– Никто не знает нашего будущего, Альфред. Кроме одного, но этот секрет он никому не выдаст.

– Вы же знаете, какой будет ответ? Вам уже ясно, что я выберу.

Я встал с кровати и поморщился от острой боли, пронзившей правую ногу.

– Ладно, где моя парка?

32

Я шел за Оп-девять по лабиринту светло-зеленых коридоров к двум раздельным лифтам мимо дверей без табличек и с кодовыми замками, а возле некоторых еще и стояли вооруженные охранники. Оп-девять шагал быстро – я с раненой ногой едва за ним поспевал – и почти все время молчал, но иногда, как, например, в одном из лифтов, он поворачивался ко мне и что-нибудь говорил.

– Известно ли тебе, что ты первый штатский, который оказался в штаб-квартире со времени ее основания? Не многие знают о ее существовании, и никто – о местонахождении, но сейчас наступили небывалые времена, Альфред Кропп.

А в другом коридоре он сказал:

– Ты находишься в подземном городе, который по площади примерно равен Лондону. Здесь, как в любом большом городе, есть магазины и рестораны, почта, кинотеатры, молитвенные дома всех основных религий. Лектории, лаборатории и библиотеки, которым весь мир позавидовал бы, узнай он об их существовании.

– Что-то вроде Университета АМПНА, – отозвался я.

Оп-девять нахмурился:

– Здесь нет университета.

– Я пошутил.

– Понятно.

– Знаете, Оп-девять, на земле только у двух процентов всего населения нет чувства юмора.

– Надо же! Значит, я принадлежу к числу избранных?

До еды желудок беспокоил меня, потому что был пустой, теперь – потому что наполнился. Я дал себе слово, что в следующий раз не буду смешивать пиццу пепперони, «Читос» и двойной шоколадный коктейль.

Наконец мы остановились возле очередной двери без таблички. Оп-девять прижал большой палец к сенсорной панели, и дверь открылась. Мы оказались в помещении, которое очень напоминало химчистку. По всей длине комнаты тянулись вешалки с одеждой.

Навстречу нам шагнул невысокий полный мужчина в твидовом жилете:

– Слушаю вас. За чем пришли?

– За чем-нибудь подходящим вот для него, – кивнул в мою сторону Оп-девять.

– Привет, – сказал я. – Я Альфред Кропп.

– Я знаю, кто ты, – сказал коротышка и повернулся к Оп-девять. – Уточните заказ.

– Частная школа, уик-энды в Хэмптоне, семейные деньги, – сказал Оп-девять.

Тот посмотрел на меня и поджал губы.

– Как угодно, но, вообще-то, он недотягивает. Национальность?

– Американец.

Колобок исчез в дебрях модных нарядов.

– Мы будем работать под прикрытием? – спросил я.

– Бегать по адресам и раздавать флаерсы не придется, – ответил Оп-девять, и я заметил искорку в его глазах. – Никакого юмора.

Коротышка в твидовом жилете вернулся. Он принес кучу одежды: свитеры, рубашки и брюки – в основном цвета хаки. Следующие двадцать минут я примерял все это в разных комбинациях. Наконец Оп-девять остановился на синем пуловере, брюках хаки и коричневых мокасинах.

– Сойдет, только стрижка подкачала, – сказал человечек-жилетка. – Прическа неправильная. И лицо.

– А что такое у меня с лицом? – спросил я.

– Слишком широкие поры. Предполагается, что ты богатый малый. Сынки богачей чистят кожу и глотают таблетки от прыщей.

– Мы рискнем, – сказал Оп-девять.

– Хотя зубы хорошие.

– Ага, – сказал я. – Но вы еще не видели ногти у меня на ногах.

– Я не хочу смотреть на твои ногти.

Вдобавок ко всей этой одежде мне выдали такую же, как у Оп-девять, парку на меху и большие теплые ботинки, которые можно было надевать прямо на мокасины.

– На вашем месте я бы отвел его к косметологу! – крикнул человечек-жилетка вдогонку, когда мы уходили. – Разберитесь с этими порами.

По пути к лифту я признался Оп-девять:

– Знаете, я никогда не думал, что штаб-квартиры – такие.

– Какие?

– Похожие на старую школу или больничную палату. Мне казалось, что обстановка в таких местах должна быть в стиле хай-тек – хром и стекло, и люди снуют, как в аэропортах, и все оцифровано – ну, вы поняли, везде мониторы и всякие разные гаджеты.

– Здесь этого хватает, – сказал Оп-девять. – Просто мы очень толково все замаскировали, чтобы было похоже на старую школу и больничную палату.

– Это вы типа пошутили? Доказываете, что у вас есть чувство юмора?

Мы вошли в лифт. В тот момент мы находились на «LL56». Оп-девять нажал на кнопку «S»[22], и лифт пошел вверх. Но по моим ощущениям, он не пошел, а прямо взмыл, как я догадался, на пятьдесят шесть этажей.

– И логотип, – сказал я.

– Логотип?

– Ну да. АМПНА. У любой крупной шпионской организации… ладно, даже у маленькой есть свой логотип. А где ваш? Я не видел в конференц-зале ни одного – их вообще нигде не видать.

– У нас нет логотипа.

– Это почему?

– А зачем он нам?

– Без логотипа, конечно, можно обойтись, но он просто есть, и все.

– Как имя.

Двери лифта открылись в какую-то каморку размером с платяной шкаф. Выйдя из кабины, я понял, что это он и есть. Двери разъехались как раз перед висящими на плечиках зимними пальто. Оп-девять раздвинул их, толкнул дверцу шкафа, и мы шагнули в маленькую, бедно обставленную комнату.

Пожилая пара сидела на старом диване и смотрела телевизор с крохотным, величиной с почтовую марку, экраном. Когда мы вышли из шкафа, чета не обернулась и даже не пошевелилась. Нас будто не было вообще. В этой маленькой гостиной было довольно холодно, и я подумал: какая это, наверное, паршивая для супершпиона работа –

целыми днями, закутавшись в старые шмотки, сидеть перед телевизором и прикрывать тех, кто идет на действительно интересное задание. Может, такие дежурят по очереди?

Мы вышли из дома. Перед нами была белая земля, над головой – низкое, затянутое серыми тучами небо. Несколько обшитых вагонкой строений утопали в глубоких сугробах, а земля за ними была совершенно ровной – настоящая снежная пустыня, насколько хватает глаз.

– Где мы? – спросил я, натягивая капюшон на свою чересчур лохматую для богатого студента голову.

На этой зимней пустоши было совершенно негде укрыться от ветра, который оказался таким холодным, что у меня сопли замерзли.

– У входа в штаб-квартиру, – ответил Оп-девять.

Это, конечно, никакой не ответ, но чего еще от него ожидать? В конце замерзшей подъездной дорожки стоял черный «лендровер». Крупный мужчина открыл заднюю дверь, и я первым забрался в машину.

Ехали мы минут тридцать. Сначала по узким улочкам между маленькими домами, потом вырулили на дорогу пошире и набрали скорость, которую я счел слишком большой для такой погоды. Я посмотрел в окно и увидел сверкающие в черных тучах молнии.

На окраине города компания ребятишек играла в соккер на ледяном поле, и это, конечно, добавляло игре неожиданностей. Я еще вспомню их, когда окажусь, как выразился в письме отец, на грани безумия и отчаяния.

Я повернулся к Оп-девять:

– Мне тут внезапно пришла в голову одна теория, что вся эта история с Печатями, демонами и АМПНА – просто сон. В кино и книжках часто закручивают такой сюжет. Ну знаете, когда с главным героем происходит всякая чертовщина, а потом он просыпается и понимает, что ничего этого не было.

Оп-девять посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– Это только теория, – повторил я.

К этому моменту дети и футбольное поле, которое без разметки претендовало на весь белый свет, остались далеко позади. Перед нами было только серое небо, белая земля и черная лента шоссе.

– Если вы – Оперативник-девять, то что случилось с первыми восьмью? – спросил я.

– Девятка не является порядковым номером.

– Я не математический гений, но думаю, что «девять» – это все-таки числительное.

– Это номер раздела в Уставе АМПНА.

– Дайте-ка угадаю. Девятый раздел.

Оп-девять кивнул.

– И что это за раздел?

– Я не могу сказать.

– А если скажете, то…

– Мне придется тебя убить.

– По-моему, мы с вами уже работаем в паре. Устанавливаем раппорт[23]. А вам приходилось это делать? Я имею в виду – убивать.

– Только однажды. В Абхазии.

– Абхазия. Эшли говорила, что вы были в Абхазии. И что там произошло? Или об этом тоже не можете рассказать?

– Мне нельзя.

– Секретная информация?

– Болезненная.

– Тогда, наверно, лучше снять камень с души. Да укрепить наши отношения, раз уж мы теперь напарники и вообще.

– Мне незачем снимать этот камень с души.

– И мы не напарники. Так вы хотели закончить?

– Я собирался сказать, что абхазская история из тех, которые, может быть, и хочется услышать, но потом об этом жалеешь.

– Я справлюсь. Я крепче, чем кажется.

– О, ты не только крепче, Альфред Кропп, у тебя есть еще масса других качеств.

– Наверно, вы говорите об истории с Ланселотом и о том, что Бернард Сэмсон – мой отец. Но дело в том, что все это не моя заслуга. Мне все это даром досталось, я ничего не делал.

Оп-девять откинул назад голову и закрыл глаза. Веки у него были пепельно-серые. С виду он был самым некрасивым человеком из всех, кого я встречал, – длинные мочки, обвисшие щеки и глаза с опущенными уголками, из-за чего я часто сравнивал его с охотничьим

псом. Но мое правило – никогда не судить о человеке по его внешности.

– Падре, – тихо позвал я, а потом произнес уже громче: – Там, в пустыне, вы окропили нас святой водой, а потом Майк назвал вас «падре»…

– Я был священником… когда-то, – не открывая глаз, ответил Оп-девять.

– А что случилось?

– Церковь не устраивали мои специфические богословские взгляды.

– Это меня не удивляет, – кивнул я. – Ведь в наше время даже Церковь не верит в демонов.

Оп-девять ничего на это не сказал, и я продолжил:

– Так вот, святая вода, вся эта латынь и молитвы… Я не был в церкви со смерти мамы. Как вы думаете, Оп-девять… то есть святой отец…

– Не называй меня так, Кропп.

– Хорошо, а как мне вас тогда называть?

– Оперативник номер девять.

– Нет, как вас по-настоящему зовут?

– По обстоятельствам.

– А если я угадаю ваше настоящее имя, вы мне скажете?

– Нет.

– Адам.

– Ты зря теряешь время.

– Арнольд.

– Хватит, Кропп.

– Александр. Аксельрод. Бенджамин. Брэд. Брюс. А может, по первой букве? Первую букву подскажете?

Оп-девять молчал. Я не понимал, почему для него так важно не открывать своего имени. Может, он приобрел дурную репутацию или его разыскивают за какое-нибудь страшное преступление, которое имеет какое-то отношение к Абхазии, а Контора его прикрывает?

– Ладно, проехали. Я вот что хотел спросить: вы не думаете, что все случившееся как-то связано с тем, что после маминой смерти я не ходил в церковь?

Оп-девять приоткрыл левый глаз и скосил его на меня.

– Вы же видите, что это из-за меня постоянно возникают угрозы нашему миру. Может быть, Бог разгневался на меня?

Оп-девять закрыл глаз:

– Разве не странно, Альфред, что мы склонны все наши несчастья списывать на Бога, а все удачи считаем собственными заслугами?

Я поразмыслил над его словами. Наверняка не скажу, но мне показалось, что он обвиняет меня в эгоизме. Это меня-то!

– Оп-девять, по-вашему, я плохой человек?

– По-моему, ты пятнадцатилетний человек.

– Как это понимать?

– Ангелов создали в мгновение ока. На людей времени нужно чуть больше.

– Это хорошо. А в моем случае, насколько я понимаю, – плохо. Одно я могу сказать точно. Это вторжение многих сделает верующими. Я знаю, у вас сейчас забот полон рот, но, если вдруг выдастся пара свободных минут, не могли бы вы помолиться за мою маму?

– Кропп, я больше не священник.

– Я знаю, но вреда же не будет.

Оп-девять промолчал. Глаза у него были закрыты, и невозможно было понять, молится он или дремлет.

33

Вскоре я увидел взлетно-посадочную полосу. Она напоминала широкий черный шрам на нетронутом снегу. Мы остановились у ее края, и я, не дожидаясь нашего молчаливого водителя, выбрался из машины. Сильный ветер чуть не сбил меня с ног – как мы взлетим в такую погоду?

Ко мне присоединился Оп-девять. Я показал на ожидающий в конце полосы транспорт:

– Что это за махина?

Я в жизни не видел таких самолетов. Этот был похож на бумажный – гладкие крылья начинались у самого носа и, постепенно расширяясь, уходили к хвостовому плавнику, который казался слишком маленьким для самолета размером с «Боинг-747». Фюзеляж заострялся у кабины, словно какой-то великан взял обычный самолет и вытянул его в длинную каплю. Еще он смахивал на садовый совок с крыльями.

– Это модифицированная версия Икс-тридцать, самый быстрый самолет на свете, – ответил Оп-девять. – Он летит на самой границе атмосферы со скоростью четыре тысячи миль в час.

– Ух ты! Всегда хотел полетать на таком.

– Из чего следует, что мы достигнем точки ввода меньше чем через час.

– Отлично. А где наша точка ввода?

Я ожидал, что Оп-девять назовет какое-нибудь экзотическое место, где Майк побывал с миссией от Конторы, – Стамбул или Шри-Ланку.

Но Оп-девять сказал:

– Чикаго.

Я не заметил на борту Х-30 ни пилота, ни экипажа вообще. Когда мы зашли в главный салон, Оп-девять сам затворил за нами дверь. Внутри все было совершенно новым – от ковровой дорожки до кожаных кресел первого класса. Мы пристегнулись, и Оп-девять нажал на кнопку в подлокотнике. Самолет тут же начал разгон. Я всей своей массой впечатался в спинку кресла и обнаружил, что лежу под углом

сорок пять градусов. Мы взмыли в воздух. Когда мы проходили облака, нас пару раз тряхнуло, а потом в окно со стороны Оп-девять ворвался солнечный свет.

Я слегка повернул голову, чтобы полюбоваться видом, но этот процесс занял много времени. Дело в том, что мы развили скорость почти в два Маха[24], когда для поворота головы нужна не только физическая сила, но и воля.

Снаружи открылась потрясающая картина: солнце, зависшее на горизонте, позолотило сплошное покрывало облаков, а небо было девственно-синим. Я вспомнил ребят, которые играли в соккер на голом снежном поле, и сказал себе: «Запомни это, Кропп, и никогда не забывай. Это прекрасно».

Самолет продолжал набирать высоту, линия горизонта начала изгибаться, и я увидел истинную кривизну Земли. Небо потемнело до дымчато-фиолетового, а потом стало сверкающе-черным.

Оп-девять наклонился ко мне:

– Мы выходим из атмосферы, Кропп! – Ему пришлось повысить голос, чтобы перекричать рев двигателей. – Разгоняемся до шести Махов!

Обычно Оп-девять бывал весел, как гробовщик, а тут заулыбался, словно ребенок на аттракционах. Мы выровнялись, шум двигателей стих, чего я не мог сказать о своем желудке.

– В чем дело, Кропп? – спросил Оп-девять, заметивший, наверно, что я стал белым, как снег в тысячах миль под нами.

– Не уверен, что это так уж здорово, – ответил я. – В последний полет меня довольно жестко десантировали.

Оп-девять сунулся под кресло и достал оттуда большую книгу в кожаном переплете – такую же, как та, что я видел во время перелета в Сахару.

– Что это за книга?

– «Арс гоетия»… Искусство вытья.

– Какого еще вытья?

– Название относится к методу, при помощи которого маг контролирует Падших. Говорят, что «Арс гоетия» написана самим Соломоном. В ней даны описания семидесяти двух духов, указаны их символы и способности, а также приведены заклинания, силой которых их можно вызвать из Святой Чаши и сохранить при этом над

ними власть. Насчет того, как «выть» эти заклинания, существует подробная инструкция, отсюда и название.

– Значит, это что-то вроде руководства по борьбе с демонами?

Оп-девять поморщился:

– Нет, с помощью этого руководства мастер может использовать их в своих целях. Большая Печать бесполезна, если ее владелец не может произнести заклинания так, как они описаны Соломоном. Слово в слово, никаких отклонений.

– Понятно. Вот почему демоны не послушались меня, хоть я и надел кольцо. Заклинаний-то я не знал.

Оп-девять снова поморщился:

– Я предпочитаю не называть их демонами. Это унижает их природу.

– Но разве они не демоны?

– Альфред, нам следует не бояться их, а скорее жалеть.

– Да, но не вы ли говорили, что они восстали против Господа? Вот и получили по заслугам.

– Возможно, – тяжело вздохнул Оп-девять. – Но разве не все мы надеемся, что наши молитвы будут услышаны и мы избежим заслуженной кары? Никто не падал так низко и так необратимо, как изгнанные с небес. Тебе не показалось, что они прекрасны?

– Ну, и да и нет. Они точно не выглядят так, как я представлял себе демонов или… изгоев. Но они были… это выглядело как… – Я не мог подобрать слов. – Почти как если долго смотришь на солнце.

Это описание и близко не походило на то, что я видел. Они были прекрасны, но их красота была окутана ужасом и отчаянием. Такое болезненное ощущение возникает в животе, когда тебя наконец замечает самая красивая девочка в школе… Но и это описание к ним не подходило. Красивая девочка не доведет тебя до желания выцарапать себе глаза.

– Альфред, их сущность – то, чем они являются на самом деле, – не изменилась с момента их сотворения. Да и как она могла измениться? Какой бы ни была глубина их падения, они – первые плоды Божественного воображения. Они лицезрели Бога и больше уже не увидят. Вот почему мне их жаль. – На глаза Оп-девять навернулись слезы. – И я завидую им, потому что они Его видели.

34

В Чикаго мы приземлились на какой-то старой военной базе. Полет занял минут пятьдесят. При скорости четыре тысячи миль в час получалось, что мы пролетели примерно три тысячи, из чего следовало, что штаб-квартира АМПНА не могла находиться в Северной Америке. Антарктика слишком далеко – значит где-нибудь за Северным полярным кругом. Правда, я не видел там ни белых медведей, ни моржей, ни эскимосов, а их-то в Арктике хватает.

Свинцовые облака летели низко и быстро, как будто их утаскивала на запад невидимая гигантская рука. Без солнечного света весь мир словно вылинял, и трава была такой же серой, как ангары. Где-то вдалеке гремел гром.

– Весь мир накрыло? – спросил я Оп-девять по пути к синему «форду-таурусу», припаркованному возле одного из ангаров.

– Да.

Оп-девять открыл багажник, я заглянул ему через плечо и увидел внутри большой брезентовый вещмешок. Оп-девять быстро проверил его содержимое: карты, пара бумажников, два полуавтоматических пистолета, носки, трусы, рубашки и брюки, ноутбук, еще два пистолета, больше похожие на ракетницы; «Арс гоетия» и рулон туалетной бумаги.

– Туалетная бумага? – удивился я.

– Надо быть готовым ко всему, – объяснил Оп-девять.

Он сунул один полуавтоматический пистолет за спину и проверил обойму ракетницы. Головки пуль были слегка развальцованы и в целом напоминали миниатюрные копии боеприпасов к CW3XD.

– Что это такое? – спросил я.

– Труд всей моей жизни.

Оп-девять убрал ракетницу в потайной карман парки, повернулся ко мне и протянул на выбор два пистолета – обычный и сигнальный.

Я бы предпочел свой меч, клинок Последнего рыцаря Беннасио, но он остался в Ноксвилле, а у нас вряд ли было время съездить за ним. Хотя на Х-30 мы добрались бы туда минут за десять.

Оп-девять бросил пистолеты обратно в вещмешок и захлопнул багажник. После этого мы сели в «таурус», и когда Оп-девять опустил солнцезащитный щиток, ему на колени упали ключи.

– Да, не совсем в стиле Бонда, – заметил я, оглядевшись.

Салон был еще тот: сиденья в пятнах, пол в засохшей грязи, обшивка потолка в одном месте сорвана.

– Это секретная операция, – напомнил мне Оп-девять.

– А где кнопка для превращения машины в подлодку?

– Ты фильмов насмотрелся, Альфред.

– Вы правы. Постараюсь не отрываться от реальности земного мира, где демоны, замышляя уничтожить весь род человеческий, парят вокруг Эвереста.

Оп-девять вырулил с подъездной дороги на двухполосное шоссе, а потом выскочил на федеральную трассу. Прямо по курсу вырисовывался Чикаго.

– Почему мы решили, что Майк в Чикаго? – спросил я. – То есть я понял, что он отсюда – всегда ходит в бейсболке «Кабс» и часто упоминал Музей естественной истории. Захоти я спрятаться, ни за что бы не отправился туда, где меня, скорее всего, и будут искать.

– Его здесь может и не быть, но он мог явиться сюда в поисках зоны комфорта – места, которое он знает хорошо, а его преследователи – нет.

Стрелка спидометра скакнула до ста десяти.

– Вы не боитесь, что нас остановят?

– Не остановят.

Через десять минут мы уже были в центре города и припарковались перед отелем «Дрейк». Чудовищный ветер выл так, будто среди небоскребов рыскала какая-то живая тварь, но не просто так, а полная ненависти к нам. Я натянул капюшон, а Оп-девять достал из багажника вещмешок.

У стойки регистрации он перешел на безупречный британский:

– Добрый день! Лорд Полмрой с племянником.

Я изумленно уставился на Оп-девять. У него не только изменился акцент, но и тембр стал выше, и в голосе появились вибрирующие нотки. И даже лицо сделалось каким-то другим, словно он умел управлять лицевыми мышцами вплоть до изменения внешности.

Нас поселили в номере на шестнадцатом этаже.

– Племянник? – переспросил я в лифте.

– Лучше, чем сын. Недостаточно сходства.

– И слава богу.

В номере Оп-девять достал ноутбук и поставил его на кухонный стол. В надежде обнаружить запасы еды я открыл холодильник, но он, увы, был пуст. Тогда я раздвинул шторы. Открылся вид на озеро Мичиган, которое было таким же серым и тусклым, как низкое небо.

Оп-девять начал что-то печатать. Наверное, сообщение в штаб-квартиру: «Прибыли к точке ввода. Приступаем к поиску объекта. Кропп по-прежнему немного действует на нервы».

Я зашторил окно – вид был уж слишком депрессивным – и включил телевизор. По Си-эн-эн передавали специальный репортаж «Кризис в небе». Две говорящие головы – метеоролог и какой-то парень из правительства – спорили о том, является ли глобальное потепление причиной того, что девяносто восемь процентов планеты затянуто облаками. Это было еще хуже, чем вид из окна, и я переключился на другой канал. Специальный репортаж назывался «Последняя климатическая атака – рука «Аль-Каиды». Похоже, Медикон АМПНА приступил к операции «Одурачь народ». Я выключил телевизор.

Оп-девять продолжал печатать.

– Мне что-то нехорошо, – сказал я.

– Угу.

Верхнюю половину монитора занимала фотография какого-то спутника, а в нижней Оп-девять набирал свой текст.

– Наверное, у меня сбой биоритмов. Прилететь за час с самого Северного полюса… убиться можно.

– Угу, угу.

Удочку про полюс я закинул нарочно, но Оп-девять не клюнул. Я зевнул. Та еще охота у нас получалась.

– Наверно, мне лучше поспать.

Оп-девять промолчал. Я ушел в спальню, скинул теплые ботинки и бросил парку на стул возле кровати. В комнате было душно. Под окном шипела батарея. Из соседней комнаты доносилось щелканье клавиатуры.

Я закрыл глаза. А когда открыл, батарея все так же шипела, но щелчки прекратились. Я сел и посмотрел на часы. Когда я лег, было с

минутами три, а теперь уже четверть седьмого.

Я встал и пошел в соседнюю комнату. Оп-девять полулежал на диване – вытянул длинные ноги и прикрыл локтем глаза. Дыхание у него было ровным.

Компьютер он оставил включенным.

Я несколько секунд стоял, закусив нижнюю губу, и смотрел на пляшущий флажок «Майкрософт». Что мне грозит по протоколу, если попадусь? Оп-девять застрелит меня? Я не мог себе этого представить, но, возможно, виной тому была нехватка воображения.

Можно будет сказать в оправдание, что ноутбук начал издавать странные звуки и я просто решил проверить, все ли в порядке. Эшли говорила, что меня обманывают, а в компьютере Оп-девять могли найтись доказательства.

Я решился и тронул тачпад. На рабочем столе, кроме «корзины», висели только три папки. Одна называлась «Сатком соединение», вторая – «Досье» и третья – «Устав».

Я подвел стрелку к папке «Досье». Фильмов про шпионов я видел более чем достаточно и отлично понимал, что это за документы. Мне было интересно, нет ли там досье на Альфреда Кроппа. Но когда я дважды щелкнул по папке, выскочило окошко с просьбой ввести пароль.

То же самое произошло и с папкой «Сатком». Когда я уходил спать, на экране была картинка со спутником, а это значило, что Оп-девять наверняка работал в этой папке. Я закрыл окошко с паролем и решил, что незачем открывать третью, если две первые запаролены, но потом передумал.

На мониторе появился вордовский документ вот с таким титульным листом:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ УСТАВ

АГЕНТСТВА МЕЖПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАРАДОКСОВ И НЕИЗУЧЕННЫХ АНОМАЛИЙ

Копенгаген

19.11.32

(утверждено с поправками от 05.10.78 и 04.05.01)

Я глянул через плечо на Оп-девять – он даже не пошевелился. Тогда я начал прокручивать большие куски набранного через один интервал текста. В нем было полно акронимов и всяких кодовых слов наподобие оговорочек, которые мелькают на экране в рекламе автомобилей. Я посмотрел в нижнее поле монитора. Устав насчитывал больше двух тысяч страниц.

Я вряд ли найду подтверждение обмана, а если и наткнусь на него, то не узнаю. Но кое-что меня сильно интересовало, и я задал поиск двух слов: «Раздел девять».

И вот что получил.

РАЗДЕЛ ДЕВЯТЬ

9.1. На усмотрение директора один или два сотрудника Агентства могут быть назначены «Агентами, не соблюдающими протокол» (АНП). Все правила, касающиеся защиты третьих лиц, подписантов, нонкомбатантов или информаторов, описанные в Разделе 36.178 данного Устава, на АНП не распространяются.

9.2. В соответствии с данным разделом Устава, АНП предписано выполнить миссию любой ценой. «Любой ценой» в данном Разделе означает не только разрешение на несоблюдение всех правил Агентства, но и всех законов, как международных, так и стран – подписантов и неподписантов, включая те, которые касаются убийства и других серьезных преступлений, перечисленных в Разделе 2.34 данного Устава (например, кража, умышленная порча имущества, пытки и т. п.).

9.3. Агентство и подписанты данного Устава согласились защищать АНП, совершивших действия, за которые при любых других обстоятельствах предусмотрена высшая мера наказания, если эти действия совершены с должной тщательностью и в официальном статусе оперативников Агентства. Никто из АНП не может быть наказан за действия, совершенные в рамках данного Раздела. Все

подписанты согласны укрывать и защищать любого оперативника, действующего в рамках данного Раздела, от противной стороны или неподписантов, которые вознамерятся наказать его законным или незаконным способом…

Там был еще текст – Раздел девять занимал больше пятидесяти страниц, – но мне хватило прочитанного. Я закрыл папку, обернулся и увидел, что Оп-девять сидит на диване и внимательно за мной наблюдает.

35

Я первым нарушил неловкое молчание:

– Ты – АНП.

– И что это означает? – тихо спросил Оп-девять.

Я не услышал сарказма.

– То, что на вас не распространяются правила АМПНА. На вас вообще никакие законы не распространяются.

– Ты забыл о законах природы.

– Природы?

– Например, гравитация. Закон всемирного тяготения на меня распространяется.

– Я не шучу, Оп-девять.

– Я тоже.

– Так вот почему вы скрываете свое имя? Вы убиваете, насилуете или грабите, но вас ни в чем нельзя обвинить, потому что официально вас нет?

– Это правда. Официально я не существую. Нет ни свидетельства о рождении, ни больничной карты, ни действующих водительских прав, ни паспорта, ни карточки соцзащиты, ни отпечатков пальцев, ни документов, и если уж на то пошло, нет свидетелей – ничего, что могло бы установить или подтвердить мое существование. Уже много недель и даже месяцев, как я забыл не только свое имя, но и то, что оно у меня когда-то было. Я никто, Альфред, и зовут меня так, как того требуют обстоятельства.

Оп-девять говорил, а я пятился к выходу, к свободе.

Оп-девять встал:

– Послушай меня, Альфред. Есть такая старая поговорка: «Если нужно, то можно». Наша организация взяла на себя выполнение чрезвычайно деликатной и крайне опасной миссии. Она подразумевает весьма неприятные действия, и меня назначили исполнителем. Я тот, кто совершает необходимое. Вот в чем смысл Раздела девять. Я единственный оперативник в Конторе, кому поручено делать то, что должно, даже если это выходит за рамки приемлемого человеческого поведения.

– О, просто здорово, какая милая трактовка!

– Единственно верная. Оперативник номер девять без колебаний делает все, что нужно для достижения цели.

– Грязная работенка, но кто-то должен ее делать, да?

– Примерно так.

– Это про мусорщиков, Оп-девять! А мусорщики не убивают людей!

– И я не убиваю.

– Вы сами сказали, что убили кого-то в Абхазии.

– Я не говорил, что было убийство.

– Вы сказали, что убили.

– Сказал.

– Только сказали или сделали?

– То и другое.

– С каких пор убить не значит убить? А если я стану помехой для выполнения миссии… вы меня тоже убьете? В Абхазии вам кто-то помешал? Встал на пути?

– Я не собираюсь говорить об Абхазии.

– Почему? Вы же сказали, что это не секретная информация.

– Ты спросил, секретная ли она, а я ответил, что болезненная. Это не отрицает секретности.

– Значит, секретная? Почему вы постоянно увиливаете? Послушайте, Оп-девять, я буду откровенен. Я сейчас немного не в себе. Меня обманывали…

– Кто? Кто тебя обманывал?

– Я… я точно не знаю, но кто-то обманывал.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, Альфред.

– Ну конечно, а что еще вам сказать? Даже если бы вы знали, о чем я говорю, вам приказано отвечать, что не знаете, да вы небось и без приказа сказали бы то же самое.

– По-моему, Альфред, ты еще не оправился от последствий…

– О, это точно. Я страдаю от последствий инь-ян! Меня похитили, я чуть не утонул, меня вытолкнули из самолета, в меня стреляли, в мой мозг залезло нечто, во что я даже не верю! Мне врали с самого начала. Сперва Майк, а теперь и вы. Может, вы мне и про мою маму врали.

– Про твою маму?

– О ее смерти. Может, она и не умерла вовсе. Может, она жива, как вы, как я, как король Пеймон.

– Альфред, твоя мама умерла, когда тебе было двенадцать и все это еще не…

– Я знаю! Или знал! Я больше не знаю, что я знаю. Я даже не знаю, чего не знаю! У меня мозги крошатся, как зачерствевший торт.

– Понимаю, – серьезно отозвался Оп-девять, глядя мне в глаза.

Только это не помогло. Я не плакал, но его лицо исказилось, как в кривом зеркале, а мочки вытянулись, как у Гуфи[25].

– Но одно я знаю точно, – продолжил я. – Вы, ребята, что-то скрываете. Что-то тут не сходится.

У меня разболелась голова. Я потер виски. Комната пошла кругом. Теперь мне казалось, будто мои мозги склеены из битого стекла – вроде стакана, который выронила Бетти Таттл, когда мистер Нидлмайер сообщил, что я унаследовал четыреста миллионов долларов.

– Да, не сходится. Вы чего-то недоговариваете, а это все равно что обманывать, даже если не обманывать.

– Обманывать, не обманывая?

– В этом же нет никакого смысла. Почему я здесь? Зачем вы меня сюда привезли? Я пятнадцатилетний пацан, у меня нет никаких навыков для участия в супермиссии по поимке Майка и возвращению Святой Чаши. Скажите мне, Оп-девять, зачем я здесь? Назовите хоть одну причину, тогда я заткнусь, и мы пойдем за Майком, если, конечно, ради этого и прилетели сюда со скоростью четыре тысячи миль в час, потому что бездействуем самым загадочным образом. Почему мы торчим в этом номере? Вот что я хочу знать.

– Мы ждем наступления ночи.

– Ну так сейчас почти семь. Солнце уже садится.

– Тогда нам пора.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Ты сам предложил пойти.

– Я предложил?

Оп-девять кивнул. Я на секунду задумался.

– Не помню такого.

Я сполз по двери, уперся задом в ковер, уронил голову на руки и закрыл глаза. Запахло чем-то непонятным, противно так, как воняют

гнилые фрукты. Я понюхал ладонь. Запах исходил от меня. Я пах как гнилой банан. Путом так не разит (я не помнил, чтобы принимал душ после «Пандоры», хотя на мою память не стоило полагаться). Так что же это за запах? Я слышал, что так бывает при гангрене, когда мясо гниет аж до костей и вонь стоит страшная. Вдруг у меня началась гангрена? Может, врос ноготь и развилась инфекция? Почему я гнию? Или это происходит у меня в голове? Может быть, в склеенный стакан просачивается что-то гнилое?

Оп-девять тронул меня за плечо.

– Я в беде? – всхлипнул я. – Со мною происходит что-то очень плохое.

– Думаю, да, Альфред.

– Это потому, что я посмотрел ему в глаза.

Я вспомнил, как Карл корчился на песке в Сахаре, орал что-то бессвязное и раздирал себе лицо.

– Возможно.

– Так да или нет? Вы же демонолог!

– Альфред… – тихо сказал Оп-девять и похлопал меня по плечу. – Альфред, скоро все кончится.

– Этого-то я и боюсь.

36

Перед выходом из номера Оп-девять переоделся. Он надел мятый пиджак и галстук в горчичного цвета пятнах, после чего стал похож на типичного школьного завуча или на продавца дешевых подержанных машин.

Когда мы спустились, работник отеля подогнал к парадному входу наш «таурус». Оп-девять сунул ему пятьдесят долларов одной бумажкой. Мне показалось, что для того, кто путешествует инкогнито, это слишком широкий жест, который не сочетается ни с его прикидом, ни с нашей машиной. После таких чаевых этот парень наверняка нас запомнит.

Оп-девять снова выехал на федеральную трассу и взял курс на север. Моросил холодный дождик. По пути я заметил пару машин, которые вынесло со скользкой дороги. На заиндевевшем лобовом стекле играли отблески красно-желтых аварийных огней.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался Оп-девять.

– Не очень.

Он хмыкнул и ничего не добавил. Казалось, он целиком сосредоточен на дороге или на том, что ждало нас в конце пути.

– Куда мы едем? – спросил я.

– В Эванстон, это к северу от Чикаго.

– Майк живет в Эванстоне?

– Его мать. У всех, Альфред, у всех без исключения есть слабые места. Болевые точки, если угодно. Для Гиены эта точка – его мать.

– И что вы собираетесь сделать с его матерью, Оп-девять?

– Я не говорил, что собираюсь с ней что-то делать.

– Я читал Девятый раздел. Вам разрешено сделать с ней все, что заблагорассудится.

Оп-девять промолчал.

– Вы можете убить ее, если захотите.

– Я не захочу убивать ее. Альфред, тот факт, что мне предоставлена известная свобода, не означает, что я получаю от этого удовольствие. Это большая ответственность и тяжелое бремя.

– Да уж. Изображать Бога всегда тяжело.

– Я не просил, чтобы меня сделали агентом, не соблюдающим протокол.

– Дело не в этом, – ответил я, – А в том, что если для обнаружения Майка вам понадобится причинить ей боль или даже убить, вы это сделаете. Невинная старушка. Вы не станете ее убивать, но можете.

– А ты не убил бы, когда на кону весь мир?

Это следовало обдумать, но размышления давались мне с великим трудом. С того момента, как я очнулся в штаб-квартире АМПНА, у меня постоянно болела голова. Правда, после срыва в гостиничном номере мне стало немного лучше. К запаху гнилых фруктов можно привыкнуть, но вот соображал я еще не очень.

Мы проехали мимо указателя «Эванстон», и вскоре Оп-девять уже вел наш «таурус» по трехполосным улицам с кирпичными тротуарами и маленькими, затейливо оформленными к Рождеству магазинчиками. Голые ветки деревьев были украшены гирляндами белых лампочек. Я и понятия не имел, что уже Рождество. И как-то выпал День благодарения.

– Мама ужасно готовила, – сообщил я Оп-девять, когда он выехал из центра и направился в район с большими домами, подсвеченными оленями, елками и конфетами-батончиками. – На каждый День благодарения она делала запеканку из кислой капусты и коричневого сахара.

– Странное блюдо.

– Не странное, а кошмарное, но я каждый год, чтобы ее не обидеть, съедал целую тарелку этого варева. Индейка всегда была сухой, пюре – с комками, а когда я разрезал тыквенный пирог, из него вытекала какая-то коричневая жижа. Не знаю, что это было такое.

Оп-девять выключил фары и сбавил скорость. Мы медленно ехали по усаженной дубами и кленами улице. Должно быть, осенью они бывали великолепны, но сейчас напоминали нависших над дорогой многоруких монстров.

– Иногда я думал, что мама нарочно плохо готовит, чтобы я похудел. «Почему ты не катаешься на своем велосипеде, Альфред?» – спрашивала она, когда заставала меня за чтением или у телевизора. «А что сегодня делает Ник? Может, ты его позовешь? Поиграете в баскетбол». А сама ела пирожки с рисом. Не думаю, что ей нравились пирожки с рисом, но она постоянно их ела при мне. Как будто ждала,

что я заинтересуюсь и тоже перейду на пирожки с рисом. Я даже подумывал выяснить, нет ли канцерогенов в рисовых пирогах – вдруг из-за них и развился рак. Тогда я бы подал в суд на производителей. Деньги мне не нужны, и маму не вернешь, но это будет сигналом, и лавочку могут вообще прикрыть. И больше никто не умрет оттого, что ест слишком много пирожков с рисом.

– А какой у нее был рак? – спросил Оп-девять.

– Меланома. Рак кожи.

– В таком случае я сомневаюсь, что дело было в пирожках.

Оп-девять затормозил у тротуара и выключил двигатель.

Мы припарковались напротив красивого двухэтажного дома в колониальном стиле, с кирпичной дорожкой и массивными колоннами у парадного входа. В отличие от большинства здешних домов его окна были темными.

– Похоже, никого нет дома, – сказал я.

– Я бы удивился, если бы мы ее застали. Гиена, Альфред, был оперативником АМПНА и отлично знает, что такое болевые точки.

– Значит, дома ее нет. Получается, мы зря теряем здесь время?

– Я предпочитаю думать, что это он зря теряет время.

Оп-девять вышел из машины, а через секунду вылез и я. Дождь перестал. Холод пробирал до костей, ветра не было, но я слышал, как он воет в пасмурных небесах. Я посмотрел вверх. Уличный фонарь подсвечивал низкие тучи, но они не двигались с места.

– Вы слышите это? – спросил я Оп-девять.

Он кивнул:

– Слышу.

– Это же не ветер?

– Нет.

Я улавливал голоса, но слов было не разобрать, как будто они перешептывались за стеной в другой комнате. Это пробиралось под кожу и сводило с ума, как зуд, когда нельзя почесаться.

– Они там? – спросил я. – Они следили за нами?

Оп-девять направился через улицу к дому, который стоял как раз напротив дома матери Майка.

Я быстро, насколько это удавалось с раненой ногой, потрусил следом.

– Куда вы?

– Молчи и следи за тем, что я говорю.

Он позвонил в дверь. Пар от дыхания клубился у нас над головой.

Дверь открыла средних лет брюнетка с короткой стрижкой. Позади нее в холле стояли два малыша и таращили на нас глазенки.

Оп-девять перешел на говор уроженца Среднего Запада:

– Вечер добрый, как поживаете? Я детектив Брюс Гивенс из полиции Эванстона, – сказал он и махнул значком.

Я заметил, что лицо у него снова изменилось. Теперь оно было не совсем таким, как у Оп-девять или у лорда Полмроя. Он выглядел именно так, как полагается офицеру полиции. Возможно, на меня подействовало то, что он им и представился. Если бы Оп-девять назвался Бобом из салона подержанных машин, то я, вероятно, подумал бы: «Да, это Боб».

– Очень не хотелось вас беспокоить, – продолжил Оп-девять, – но мне надо выяснить, не встречались ли вы с этим мальцом? – И он мотнул головой в мою сторону.

Женщина прищурилась на меня:

– По-моему, нет.

– Нам поступила пара звонков. Какие-то ребята безобразничают и ломают украшения во дворах. Этот недавно болтался у дома Арнольдов.

– У дома Агнес? – Женщина посмотрела через плечо Оп-девять на темные окна напротив.

– Именно. Говорит, что продает подписки на журналы.

– Я ничего об этом не знаю. Но Агнес уехала из города.

– Этот парень пытался продать вам подписку?

– Нет. Никогда его раньше не видела.

Оп-девять повернулся ко мне:

– А ты, по-моему, говорил, что здесь задержался.

Я пожал плечами, закатил глаза и попытался скривить рот, как заправский хулиган. То есть как хулиган из частной школы, судя по шмоткам. Я много кем был, но только не актером.

– Так я и думал, – сказал Оп-девять. – Ладно, придется позвонить твоим родителям. – Он кивнул женщине и любопытным малышам у нее за спиной. – Извините за беспокойство. Приятного вам вечера.

Затем он взял меня за локоть и повел по подъездной дорожке от дома.

Потом резко остановился, как будто что-то вспомнил, и обернулся. Женщина еще стояла в дверях и наблюдала за нами. Я видел только ее темный силуэт.

– Вы сказали, что Агнес нет в городе?

– Уже две недели. Сын отправил ее в круиз.

– Так это он сейчас за домом присматривает?

– Нет. Я думаю, он поехал с Агнес. Такой ранний рождественский подарок.

Оп-девять кивнул:

– Я, наверное, осмотрюсь там немного. Просто чтобы убедиться, что все в порядке.

Он развернулся и повел меня к машине.

– Она смотрит, Альфред, садись на заднее сиденье.

Оп-девять отворил дверь, и я забрался в машину; он сел за руль сам и закрыл дверь со своей стороны.

– И что теперь? – спросил я. – Ее же там нет.

– Может, нет, а может, и есть. Это тонкая игра, Альфред. Не сомневаюсь, что он предвидел такой ход с нашей стороны, и предусмотрел, что мы можем об этом догадаться и не станем его здесь искать, а тогда ему и мать увозить не обязательно.

Я немного подумал и спросил:

– И что?

– Это как украденное письмо у По[26]. Он спрятал искомое на видном месте.

– Что еще за письмо?

Я посмотрел в окно. Соседка матери Майка уже закрыла дверь, но мне показалось, что в окне мелькнула чья-то тень.

– Майк повез ее в круиз, – сказал я.

– Вряд ли.

– Зачем мы тут сидим?

– Я тебя допрашиваю.

Оп-девять вытащил из кармана какой-то тонкий черный предмет и передал его мне. Я подумал, что это ручка.

– Мне что-то написать?

– Это коммуникатор. Нажимаешь на красную кнопку – говоришь, на синюю – слушаешь.

– А, понял, «уоки-токи». – Однажды я уже видел такую штуку. Эшли пользовалась чем-то похожим в лесу под Ноксвиллом. – На случай, если мы разделимся.

– Это мы сейчас и сделаем, – отозвался Оп-девять. – Ты останешься в машине.

– Да?

– Соседка наблюдает.

Оп-девять снова полез в карман и на этот раз протянул мне модифицированный сигнальный пистолет – уменьшенный вариант CW3XD, стреляющий антидемоническими патронами.

– Они здесь? – Я вспомнил странный шепот, который доносился откуда-то из-за туч, и меня вновь охватила паника.

Оп-девять пожал плечами.

– Не нужна мне эта штука. Еще ногу себе отстрелю, – сказал я.

– Этот пистолет поможет тебе выиграть несколько секунд. Если что-то случится – жми на синюю кнопку на коммуникаторе.

– И что случится, когда я нажму?

– Он передаст мне сигнал, и я пойму, что у тебя возникли проблемы.

– Типа аварийной кнопки?

– Да, типа аварийной кнопки. – Оп-девять бросил пистолет мне на колени и взялся за ручку двери.

– По мне, так плохой дизайн, – заметил я, разглядывая коммуникатор. – Красный – говоришь, синий – тревога. Тревожная кнопка должна быть красной.

– Передам это ребятам из НИОКРа[27]. – Оп-девять одарил меня одной из своих редких улыбок, а мне вдруг безумно захотелось схватить пистолет с коленей и снести ему голову. Я так живо представил себе эту картину, что даже тряхнул башкой, только бы отогнать, и за глазами сразу заболело.

– На волнуйся, Альфред, – сказал Оп-девять. – Я только осмотрюсь и сразу назад. Он должен был забрать ее быстро и мог напортачить. Думаю, меня не будет минут пятнадцать, не больше.

Он хлопнул за собой дверью, а я остался один. Оп-девять дошел по подъездной дорожке до дома. С минуту постоял на пороге. Из-за живой изгороди я не видел, чем он там занят. Я посмотрел влево и заметил, что Оп-девять забыл закрыть двери. Пришлось перегнуться

через переднее сиденье и нажать на кнопку блокировки. Когда я выпрямился, Оп-девять возле дома уже не было.

Наверняка он вошел при помощи какой-нибудь высокотехнологичной штуковины. Наручных часов у меня не было, и мне осталось ориентироваться по внутренним, а они меня всегда подводили. Например, я постоянно опаздывал на уроки. Звонил звонок, и я думал: отлично, у меня есть пять минут. А звонок на урок раздавался всего через две минуты по Кроппову времени.

Снова заморосил дождик с мелкими белыми катышами, которые я счел снежинками, но приготовился увидеть градины величиной с «фольксваген». Рождественские огни на газонах, светившие сквозь мокрое стекло, размывались, словно во сне, и я вспоминал детство, когда охотился на Санту. Тогда мы жили в Огайо. Мне было девять лет, и я твердо настроился увидеть этого веселого старого эльфа собственными глазами. Я выпил за час четыре банки кока-колы, но не знал, что кофеин не только бодрит, но и слабит. Полночи я провел в сортире – сидел там, скрючившись от боли, на толчке и боялся позвать маму, потому что тогда она бы узнала о моем хитром плане.

Дождь усилился, ледяные крошки впивались в крышу «тауруса» и стучали по окнам. Сколько его уже нет? Дом Агнес скрылся за пеленой. Я представлял, какие ужасы происходят с Оп-девять. Возможно, Майк предвидел этот ход (Оп-девять сказал, что он мог) и поджидал его в темноте? Может, Оп-девять уже мертв, а Майк подкрадывается к машине… Схватившись за пистолет и коммуникатор, я резко повернулся и посмотрел в заднее окно. Ничего не увидел, но это не значило, что там ничего не было. Короче говоря, я нажал на красную кнопку и громко, потому что не знал, куда там встроен микрофон, произнес:

– Оп-девять, Оп-девять, это Альфред Кропп. Прием.

Я отпустил кнопку, но потом понял, что брякнул что-то не то, и снова нажал:

– Ой, Оп-девять, это снова Альфред Кропп. «Прием» – это значит «ответьте, пожалуйста», а не буквально «прием». Извините. Прием. То есть конец связи.

Тишина. Я осмотрел гладкий корпус коммуникатора, но не увидел ни кнопки включения, ни регулятора громкости – только синюю и красную кнопки. Может быть, в комплекте с коммуникатором имелся

беспроводной наушник, а Оп-девять забыл снабдить меня этой важной штукой? Так или иначе, прибор безмолвствовал.

И что теперь делать? Ждать? Я сомневался, что пятнадцать минут уже истекло. Самое большее – десять. Ну двенадцать. Максимум двенадцать с половиной. Пойти в дом? И что там делать? Если Майк внутри, то прихлопнуть меня ему будет проще простого – гораздо легче, чем убить Оп-девять. Ладно, тогда останусь в машине. Тринадцать минут. Может, просто нажать на синюю кнопку? Если Оп-девять не выйдет, то будет ясно, что дело и правда дрянь. А если выйдет, я просто извинюсь и скажу, что нажал на кнопку случайно. После всех бед, которые произошли по моей вине, он легко в это поверит. Если во время этой операции Оп-девять убьют, виноват в этом буду я, потому что это я потерял голову в том бою и вздумал сам потягаться с демонами. Я вспомнил Карла – вернее, его оживший труп в морге, пустые глазницы и дыру на месте сердца. И в этом тоже я виноват… хотя нет, тут я ни при чем. Почему я решил иначе? Демоны обработали Карла до того, как я отобрал у Майка кольцо. Так что моей вины нет. Все это случилось раньше, когда у меня еще не было Печати. Я попытался восстановить ход событий, но воспоминания были размытыми, как рождественские огни за мокрым стеклом. Я снова учуял странный запах гнили. Так бывает, когда переешь чеснока, а через полчаса чувствуешь, как его запах сочится из пор.

Я снова нажал на красную кнопку:

– Оп-девять, Оп-девять, это Альфред. Если слышите меня – ответьте. Дождь пошел. Конец связи. – Досчитал до пяти и нажал снова. – Оп-девять, мне правда надо с вами поговорить. Это Альфред. Конец связи.

Тишина. Не было даже помех. Может, коммуникатор дефектный или батарейки сели? Хотя трудно представить, чтобы оперативник высокой квалификации – особенно такой АНП, как Оп-девять, – не проверил бы снаряжение перед суперсекретной операцией.

Убедиться в этом можно было только одним способом. Я не паниковал, но был очень близок к этому состоянию. Я решил, что всегда смогу сказать, что нажал на нее нечаянно.

И утопил синюю кнопку.

Досчитал до десяти. Ничего. Оп-девять не рванулся мне на помощь сквозь живую изгородь с пистолетом в руке. Он вообще не

пришел. Даже после того, как я досчитал до шестидесяти. Я прекратил счет, убрал мини-CW3XD в карман куртки и, хоронясь от матери любопытных детишек, распахнул дверь, которая выходила в противоположную от их дома сторону. Пригнувшись, я подбежал к живой изгороди и нырнул за нее. Теперь был шанс, что, если я выпрямлюсь во весь рост и небрежной походкой проследую к дому, соседка примет меня за Оп-девять, то есть за детектива Брюса Гивенса. Хотя это было маловероятно – Оп-девять был на три дюйма выше меня и весил на двадцать фунтов меньше. Иногда нам приходится использовать все, что у нас осталось, даже тщетную надежду.

Прогулочным шагом я дошел до парадного входа. Я не видел, как проник в дом Оп-девять, но решил, что лучше все-таки начать с двери. Бетон был скользким, идти пришлось медленно. Возле крыльца слева я заметил клумбу с голыми кустиками, а рядом с ней, как часовой на посту, стояла какая-то фигурка.

Садовый гном. У меня, как выразился доктор Бендерхолл, был бзик по поводу садовых гномов, но я не знал почему. Я отношу их к тому же разряду, что и клоунов, – они должны веселить, но на самом деле пугают. Этот гном явно пережил не одну зиму. Краска на его физиономии облезла, а та, что осталась, поблекла до разных оттенков серого.

Я не знал, закрывает меня изгородь или нет, а потому пригнулся и так поднялся к двери. Соседка в любую секунду могла завопить: «Скорее вызывайте полицию! Там этот головастый хулиган!»

Как же Оп-девять попал в дом? Парадная дверь была заперта, а окна с обеих сторон закрыты на задвижки. Может, Оп-девять умеет, как фантом, проходить сквозь стены? Сначала я подозревал, что он киборг. Теперь он обрел способность просачиваться в дома.

Я прислонился спиной к двери и снова нажал на синюю кнопку коммуникатора.

И тут кто-то медленно отодвинул засов. Я выпрямился, развернулся и увидел, что дверь приоткрылась дюйма на два.

– Оп-девять? – шепотом позвал я.

Тишина. Сделав глубокий вдох, я толкнул створку и шагнул в дом моих персональных ужасов.

37

Первым, с чем я столкнулся, был запах кошек. Этот аромат ни с чем не спутаешь, и от него невозможно избавиться, хоть сто раз в день меняй лоток. Если бы дело происходило в кино, то на меня должна была прыгнуть из темноты кошка. И дальше как по нотам: я кричу, зрители визжат, а мы с кошкой шарахаемся в стороны за секунду до того, как из тени выскакивает головорез с мясницким ножом. Наверно, сперва придется нейтрализовать кошку.

А вторым был садовый гном.

Не он ли стоял у клумбы? В полумраке все было серо, и я не мог с уверенностью ответить, что да. Но это вполне мог быть тот самый гном, и теперь он стоял в коридоре всего в нескольких футах от меня. Тот же рост, та же облезлая рожа, и ощущения от него такие же жуткие.

С улицы в дом задувал холодный ветер. Не выпуская гнома из поля зрения, я притворил входную дверь. Гном не двигался. Ну разве не глупо ждать, что он оживет? В реальном мире садовые гномы не оживают. Тут я с тоской подумал, что реального мира больше нет. Мир, в котором я жил до появления Бернарда Сэмсона, АМПНА, Меча Королей и Печати Соломона, исчез.

Он сгинул и никогда уже не вернется, даже если нам каким-то чудом удастся затолкать джинна обратно в бутылку. Как выразился директор Меривезер, мы переступили черту, шагнули в новую реальность. И может быть, мне было тошно не из-за глаз демона, а потому, что я потерял все, что имело для меня смысл.

– Слушай, – сказал я гному, – я тебя не боюсь.

Это, наверное, был первый в истории случай, когда человек заговорил с садовым гномом, причем не просто заговорил, а еще и наврал.

А он смотрел на меня с этой своей поганой улыбочкой.

Ну и плевать на него.

– Оп-девять! – крикнул я. – Оп-девять, где вы?

В коридоре вспыхнул свет. Позади меня скрипнули половицы. Я резко развернулся и, сунув руку в карман куртки, нащупал мини-

CW3XD, который Оп-девять передал мне еще в машине.

У входной двери стояла пожилая леди в фиолетовых тапочках с вышитыми цветочками и такого же цвета халате. На левой руке у нее была варежка-прихватка, а в правой она держала пистолет. И целилась прямо мне в лоб.

– Дернешься, и ты труп, дорогуша, – предупредила бабуля.

– Я собираюсь вытащить руку из кармана, – ответил я. – Можно?

Бабуля кивнула.

Я медленно вынул правую руку из кармана, а потом поднял обе над головой.

– Я не грабитель.

Бабуля улыбнулась, продемонстрировав мне два ряда белоснежных зубов с крупными – в точности как у Майка – резцами. Голова у нее была маленькая, лицо круглое, широкое, все в глубоких складках и мелких морщинках.

Старушка опустила пистолет в карман халата, и я воспринял это как разрешение опустить руки. Мы секунду молча разглядывали друг друга.

– Меня зовут Альфред Кропп, – представился я.

– Я знаю, кто ты, дорогуша, – сказала бабуля. – Майк говорил, что ты можешь объявиться. Ну не именно ты, а кто-нибудь из его компании.

– Вообще-то, я за таким сотрудником и пришел.

– Ну так ты его не найдешь. Я его спровадила. Детектив полиции! – Бабуля ухмыльнулась, явно довольная собой.

– Это хорошо. А то я испугался, что вы его застрелили.

Я оказался запертым между старушкой и гномом, который стоял у лестницы. Зачем ставить у лестницы садового гнома?

– Альфред, я испекла яблочный пирог. Хочешь кусочек?

– Я не голоден, если честно.

– Я настаиваю.

– Ну, если только кусочек.

– Вперед, дорогуша. И налево.

Я прошел через самую обычную столовую в кухню, которая была оформлена в деревенском стиле: везде фигурки петухов и джерсийских коров, а на столе скатерть в красно-белую клетку.

На полке над раковиной дымился горячий пирог с золотисто-коричневой корочкой. У меня заурчало в животе. Есть хотелось страшно.

Бабуля махнула рукой в сторону стола:

– Присаживайся, Альфред. Пусть минутку остынет, и можно будет нарезать. Тебе «алямод»[28], дорогуша?

Я откашлялся.

– Просто пирог, мэм. Больше ничего не надо.

Я переживал за Оп-девять. Где он? Может, ищет меня возле дома? Но тогда почему я его не видел? Скорее всего, он злится как черт, а я сижу в кухне мамаши Арнольда и жду пирога.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – спросил я.

– Майкл рассказывал о тебе.

– А где он?

– Понятия не имею, дорогуша.

Бабуля достала из холодильника канистру молока, налила полный стакан из матового стекла и поставила передо мной. От нее пахло ванилью.

– А нам сказали, что вы уехали в круиз.

– Это Майк выдумал. Он, конечно, хотел, чтобы я поехала, но с какой стати мне уезжать из дома? Дорогуша, я, может, и старая, но еще в состоянии о себе позаботиться. Между прочим, я два раза в месяц хожу на учебные стрельбы.

– Это хорошо, – ответил я, потому что не знал, что еще сказать. – Здорово, когда у человека есть хобби.

Возле кошачьего лотка стоял очередной гном. На холодильнике были гномы-магнитики, а пирог окружали гномы-статуэтки.

– Похоже, вы любите гномов, – заметил я.

– Гномы защищают от злых духов.

– Вы боитесь злых духов?

– А ты – нет?

– Майк рассказал вам о том, что происходит?

Старушка привстала на цыпочки возле раковины – она была всего футов пять ростом – и понюхала пирог.

– Должна же я была выяснить, почему он так хочет меня увезти.

Она надела вторую прихватку, переставила пирог на столешницу и сняла рукавицы. Ручки у нее были маленькие, а вот суставы на

пальцах большие – из-за артрита, как я сообразил, – и кисти сплошь в пигментных пятнах. Старушка отрезала здоровенным ножом толстый кусок пирога и положила его на маленькую тарелку с нарисованным в центре гномом.

– Он хороший мальчик, просто связался с плохими людьми. Это я не о тебе, Альфред. Ты чудесный ребенок с большим потенциалом. И мне очень жаль, что ты расходуешь его на бывших сослуживцев Майка. – Тут бабулька вскинула свою круглую головку и понизила голос до шепота: – Слышишь? – (Это шуршал ледяной дождь, и град барабанил по крыше и в кухонное окно.) – Надеюсь, что это как-нибудь прекратят, а то я волнуюсь за клумбу – что там вырастет по весне?

– Вот поэтому нам очень нужно найти Майка, мэм, – подхватил я. – Мы ничего не сможем с этим поделать, пока не найдем.

Старушка поставила тарелку с пирогом напротив меня, отошла назад и скрестила руки на груди.

– Попробуй пирог, Альфред. – Она прямо вся светилась от удовольствия. – Лучше меня в округе никто не печет.

– Я только маленький кусочек, а потом пойду. Оп… мой друг, наверное, уже меня обыскался, – ответил я, но сам подумал, что, возможно, сумею выудить у этой старой леди какую-нибудь полезную информацию.

Не верилось мне, что она не знает, где Майк. Может, если я буду любезен и поем ее пирога, она перестанет осторожничать и расскажет, где он прячется.

Я откусил большой кусок, а старушка стояла и улыбалась, глядя на меня сверху вниз. Должен признаться, у меня даже сердце кольнуло – все в этой кухне было донельзя обыденным. Казалось бы, что тут такого: поздний вечер, парень сидит в кухне у старушки, а она угощает его яблочным пирогом? Трудно понять, насколько важны такие простые вещи, пока тебя их не лишили.

На зубах что-то хрустнуло. Я подумал, что в начинку попал черешок от яблока, но когда достал изо рта какую-то длинную серую штуку, она была ничуть не похожа на веточку. С одного конца – с зазубринами, а на другом болтался какой-то блестящий комочек, который оказался наполовину разжеванным глазом.

Я уронил косточку и вскочил. Стул отлетел назад, у меня свело желудок, я плевался и задыхался одновременно. Из глаз брызнули слезы, к языку прилипла какая-то шерсть. Я поскреб его пальцем и вытащил изо рта комок рыжей с белым шерсти.

– В чем дело, Альфред? – удивилась бабуля. – Ты не любишь кошек?

Времени проблеваться у меня не было, я выхватил из кармана мини-CW3XD и прицелился в ее круглую кукольную головку.

– Где он? – спросил я громким, срывающимся на визг голосом. – Где Оп-девять?

– Что ты так нервничаешь, дорогуша? Он поднялся наверх.

Я попятился из кухни в комнату, но бабульку держал под прицелом.

– Вы не мама Майка Арнольда.

Она ничего не ответила. Ее голубые глазки бегали туда-сюда, и я вдруг обнаружил в них что-то знакомое. Я уже видел это в Сахаре. И оно знало меня.

– Наверху много комнат, Альфред, – шепнула старушка. – Дверь одна, а комнат много. Будь осторожен. Нельзя входить в какую ни попадя.

Старушка не пыталась остановить меня. Я развернулся и побежал через стандартно обставленную столовую к лестнице, где по-прежнему, как на часах, стоял гном. Я со всей силы пнул его и начал подниматься, но тут кто-то схватил меня за штанину. То ли когти, то ли гвозди вонзились мне в щиколотку, и я, даже не оглядываясь, понял, что это гном – или то, что прикидывалось гномом. И это было особенно мерзко, потому что гномы вроде как должны защищать людей от злых духов.

Оп-девять еще в пустыне сказал, что если заглянуть в глаза демона, то он узнает обо всех твоих страхах и всем, что ты любишь.

Наверно, пришло мое время узнать, что он имел в виду.

38

Прыгая через ступеньку, я устремился на второй этаж, а гном цеплялся мне за ногу острыми когтями. Но боли я почти не чувствовал. На полпути остановился, задержал дыхание и прицелился в грязно-зеленый колпачок возле своей ноги. Я почти не сомневался, что отстрелю себе ногу, но все-таки попал в цель – ствол был всего в нескольких дюймах от его башки, и она взорвалась, превратившись в черную и оранжевую с золотом пыль.

Я возобновил подъем и наверху лестницы обнаружил именно то, что и ожидал там увидеть, – еще одного дворового гнома.

Раздумывать я не стал, просто прицелился и выстрелил в его загадочную улыбочку.

Позади меня кто-то скребся и пискляво перешептывался. Опять гномы. Я не хотел тратить на них всю обойму и рванул прямо в конец коридора.

Ну хоть в одном старушка не обманула – дверь там была одна, а так, насколько я знал, нормальные люди не строят. И тут я вспомнил, как Оп-девять на совещании в штаб-квартире сказал, что некоторые демоны способны изменять реальность.

Прежний Альфред Кропп притормозил бы возле этой двери и постучал даже в таких сверхъестественных обстоятельствах. Но прежнего Кроппа вылущил демон, а новый не собирался допустить, чтобы такая же беда постигла Оп-девять.

– Святой Михаил, защити, – прошептал я и одним ударом ноги выбил дверь.

Потом описал дугу пистолетом, причем как заправский коп – левая рука придерживает правую за запястье, благо фильмов и шоу я посмотрел предостаточно.

Это была больничная палата. В ней никого не было. Кровать аккуратно заправлена. Единственный звук шел из настенного телевизора. Передавали «Price Is Right»[29]. Я уже бывал здесь и сразу подумал: «Это обман. Не паникуй. Это очередной обман». Я не понимал, что было неладно с этой комнатой, но мне было некогда

ломать над этим голову. Главное – найти Оп-девять. Я развернулся к выходу, и тут она меня позвала:

– Альфред.

Я замер на месте. Я знал этот голос. Пусть я не слышал его очень давно, но это был первый голос в моей жизни, и я сразу его узнал.

Это обман. Я понимал, что это такая уловка, а Оп-девять все еще находится в доме, и его единственная надежда на спасение – Альфред Кропп и его способность сосредоточиться, но все равно обернулся. Наверно, это надежда заставила меня обернуться. Они и ее способны использовать во вред.

Кровать уже не была пустой.

– О, перестань, – сказал я личности, лежавшей на ней. – Это нечестно.

– Присядь, Альфред, – ответила мама. – Нам надо поговорить.

– Не буду я присаживаться. Мне надо найти Оп-девять.

– Такого человека не существует. Не глупи и сядь.

– Если такого человека не существует, то откуда у меня вот это? – Я показал ей CW3XD. Рука у меня дрожала.

– Ты знаешь откуда, Альфред.

Я опустил пистолет. Конечно, из этой ситуации имелся разумный выход, но чем дольше я ее слушал, тем труднее было на него решиться. Разве нормальный человек снесет родной матери голову?

Я трудно сглотнул.

– Сейчас ты скажешь, что я сплю…

– Да, ты спишь.

– И все, что было, – просто страшный сон.

– Да, так и есть, Альфред. Ты заснул, сидя вот на этом стуле.

– И мне на самом деле двенадцать лет, а ты все еще жива.

– Да, мой дорогой, все так и есть.

У нее на глазах заблестели слезы, и я отвернулся. Я всегда отворачивался, когда она плакала. Не мог на это смотреть.

– Это жестоко. Это очень жестоко, – прошептал я. – Запредельно.

Я сел на стул возле ее кровати и уперся локтями в колени. CW3XD свисал из моей безвольной руки.

– Альфред, у тебя никого нет, кроме меня.

– Прекрати.

– Никого на свете. Конечно, ты мечтаешь стать героем, рыцарем, который примчится на белом коне и спасет меня от смерти. Но ты ведь знаешь, малыш, что так не бывает? Священные мечи и дьявольские садовые гномы. Ты же знаешь, Альфред, что ничего подобного не бывает.

Я кивнул.

– Твой отец не был ни магнатом, ни последним сыном Ланселота. Он был дальнобойщиком с большой головой, и звали его Герман.

– Мой папа… был дальнобойщиком?

– Арбузы возил. Согласись, что это правдоподобнее, чем все твои сны?

– Кто бы спорил.

– И разве ты этого не хочешь, Альфред? Чтобы все происходящее получило разумное объяснение?

Я поднял голову и посмотрел на нее. Все то же худое, как у скелета, лицо, те же провалившиеся глаза, пожелтевшая кожа и тонкие серые губы. Все как четыре года назад (если это было четыре года назад). Это была и мама, и не мама.

– Так что же мне делать? – спросил я.

– Проснуться, милый. Больше ничего. Просто проснись.

Она улыбнулась, и это была ее улыбка, мамина.

– Это неправильно, – пробормотал я. – Это нечестно. Если у меня нет никого, кроме тебя, то почему ты меня бросила? Мне очень плохо одному… Я больше не хочу быть один!

– Я знаю, Альфред, я знаю, – проговорила она сквозь слезы. – Но ты должен быть сильным. Ты нужен мне. Мы с тобой одни на всем белом свете. Малыш, ради меня, будь сильным.

– Хорошо, мама, – кивнул я. – Хорошо. Я постараюсь… Я смогу…

– Тогда проснись, Альфред.

– Как? Как мне это сделать? Как проснуться?

– Смотри.

Она показала на дверь. Я выбил эту дверь, то есть я помнил, как ударом ноги сорвал ее с петель, но теперь она была на месте и при этом закрыта. А на полу, привалившись к ней спиной, сидел Оп-девять. Он уронил голову на грудь, и я не видел его лица.

– Это все сны, – прошептала мама. – И самые страшные мы видим перед пробуждением.

– Не понимаю, – сказал я.

Но на самом деле понял. Я встал со стула и подошел к Оп-девять. Грудь у него поднималась и опускалась – он был жив.

– Ты должен выбрать, Альфред, – произнесла позади меня мама. Голос был грустный и звучал как бы издалека. – Между сном и явью. Я знаю, что ты не хочешь просыпаться. Ведь ты столкнешься с реальностью, то есть тебе придется смириться с тем, что я, возможно, умерла. Но ты нужен мне. Сейчас. Пожалуйста, Альфред, сынок, не бросай меня. Проснись и будь со мной.

Я поднял CW3XD, который не существовал в реальности, и прицелился в лоб оперативнику АМПНА – не соблюдающему протокол агенту, которого тоже не существовало. Это не убийство. Его же нет? И остального тоже нет. А я – двенадцатилетний мальчишка, который никак не может смириться с тем, что его мама умирает. Хватит уже валять дурака. Пора проснуться.

– Ну же, чего ты ждешь, Альфред? – довольно резко спросила она.

– Того, что придется сделать, – прошептал я и, глубоко вдохнув, развернулся и нацелил взрыватель демонов в мамино лицо. – Это же сон. Если все понарошку, то никакого вреда от этого не будет.

И я нажал на спуск.

39

Крови не было. Только ослепительная вспышка, рой белых и оранжевых искр с вкраплениями черных точек. Огромное искаженное лицо вырвалось из огненного шара и, увеличиваясь в размерах, полетело ко мне. Оно разинуло черную пасть, словно готовясь проглотить меня, и в голове раздался оглушительный рык: «Тебе от нас не уйти! Мы уже внутри тебя!»

Я рывком поднял Оп-девять на ноги и закинул его руку себе на плечо. Он застонал. Я вытащил его в коридор и чуть повернул корпус, чтобы целиться из CW3XD в больничную палату. Вот только никакой палаты уже не было, она превратилась в вихрь из вращающихся огненных колес. Что это было, я так и не понял.

По пути к лестнице мне пришлось остановиться. На нас покатилась волна черных извивающихся тварей величиной с мой кулак.

Скорпионы. Миллионы скорпионов с подрагивающими трехдюймовыми хвостами налетели на нас и полезли по щиколоткам к коленям. Я поволок Оп-девять через лавину этих мерзких членистоногих. Жала прокалывали брюки, и больно было ужасно, но я твердил себе, что они ненастоящие и, если не терять головы, мы обязательно выберемся.

Потом лавина расступилась, и скорпионы разбежались по щелям. Мы были уже на полпути к лестнице, и тут стены начали прогибаться. Они словно таяли, а на волнистой штукатурке проступили лица. Я увидел маму и Бернарда Сэмсона, дядю Фаррела и лорда Беннасио – всех, кто умер по моей вине. Они молчали, но в их глазах стояли печаль и боль преданных. Я опустил голову и продолжил путь.

Когда мы добрались до лестницы, оказалось, что ступенек больше нет. Мы стояли на краю черной бездны, и вниз, как струйки воды, утекал свет, а сзади на нас надвигалось что-то очень горячее. Волосы на затылке начали тлеть, во рту появился едкий привкус гари. Я со всей силы встряхнул Оп-девять и крикнул ему в ухо:

– Эй, сейчас самое время проснуться!

Но он не очнулся.

– Это сон, – забормотал я себе под нос. – Это все неправда.

Вернуться было нельзя, но и вперед идти – тоже. Мы стояли на краю бездны, а спину жгло все сильнее. Что-то подсказывало мне, что если я обернусь – нам конец. Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Иди дальше. Иди. Иди, – приказал я себе, обхватил Оп-девять и прыгнул в бездну.

Мы кувыркались в непроглядной тьме, пока не грохнулись на пол у подножия лестницы.

В дверном проеме стояла переливающаяся золотым светом фигура ростом в десять футов. Демон больше не прикидывался ни моей мамой, ни мамой Майка, он предстал перед нами в своем истинном обличье. Лицо его было прекрасно, и эта красота не шла ни в какое сравнение с той, которой природа наделяет обычных людей. Только глазницы у него были пустые и черные, как бездна, через которую я пролетел со второго этажа, как будто кто-то вырвал или выжег его глаза.

– Мы уходим, – сказал я. – Дай пройти.

Демон не двигался. Я почувствовал, как что-то сжимается у меня в голове, и вспомнил, как Пеймон в пустыне поднял кулак и раздавил агента Берта, словно гроздь винограда.

А потом этот голос: «Принеси нам Печать».

Я пригнул голову, крепко зажмурился и бросился вперед. При этом тащил за собой Оп-девять и не переставая палил из CW3XD. Потом мне почудилось, будто я всей своей массой натягиваю какую-то мембрану, и вот мы прорвались сквозь демона прямо в ночь под ледяной ливень.

По замерзшей дорожке я доволок Оп-девять до «форда» и распахнул пассажирскую дверь. CW3XD я забросил на заднее сиденье, а Оп-девять усадил на пассажирское, сам обежал машину и сел за руль. В лобовое стекло врезалась глыба льда величиной с бейсбольный мяч, и по углам мгновенно разбежались тонкие трещины. Я дал задний ход, выжал газ и резко повернул руль вправо. Шины завизжали на мокром асфальте.

– Держитесь, Оп-девять! – крикнул я и погнал вперед.

На капот и крышу сыпались здоровенные куски льда, только теперь они горели, а по асфальту стучали большущие огненные капли.

Я понятия не имел, куда пытаюсь прорваться, но был полон решимости добраться туда как можно быстрее.

40

К тому времени, когда я нашел федеральную трассу, меня так трясло, что на въезде я еле удержал «форд». Перед глазами все плыло от головной боли, но я неплохо различал черные и золотые струи огненного ливня. Колеса то и дело подпрыгивали на горящих осколках льда.

Это не было иллюзией, призванной свести меня с ума. Все было по-настоящему. Когда мы вырулили на полосы южного направления, я посмотрел налево, где все окрасилось в оранжево-черные цвета, и еще кое-где мигали красно-белые огни пожарных машин. В Чикаго полыхали пожары.

– Оп-девять! – крикнул я. – Оп-девять, очнитесь! Вы должны сказать мне, что делать дальше!

Оп-девять сидел, приложившись к окну головой, и глаза у него были закрыты, но я видел, что он дышит, так что хоть без сознания, но он был жив.

Трасса была пустой, и только изредка встречались машины, отбуксированные на аварийную полосу или те, что смыло с дороги огненным ливнем. Я разогнался до девяноста пяти миль в час и все пытался сформулировать хотя бы первый пункт плана, который поможет не то чтобы спасти положение, но хоть дожить до следующего дня.

Глянув в зеркало заднего вида, я увидел, что за нами летит клином стая каких-то упитанных тварей в остроконечных шапках. Я не сразу понял, что к чему, – не каждый же день видишь в зеркале заднего вида эскадрон гномов верхом на летучих мышах размером с ротвейлера. Причем эти гномы были вооружены пылающими мечами и копьями с огненными наконечниками.

Я утопил педаль газа и продолжал давить, пока не заболело колено. Старенький «таурус» весь затрясся, стрелка спидометра прыгнула до ста десяти и зависла.

Но я знал, что, даже если бы мы летели на Х-30 со скоростью в шесть Махов, от этих мерзких тварей нам не уйти. Да, Оп-девять – АНП, он подчиняется только законам природы, но эти существа не

подчинялись никаким законам вообще. Они появились до того, как были написаны все эти законы.

И теперь они кружили вокруг нас. Маленькие горящие стрелы ударялись в лобовое стекло, в капот, в крышу и взрывались, как петарды. Гномы-наездники улыбались, а с острых, дюйма в четыре длиной клыков летучих мышей капала густая, поблескивающая в свете фонарей слюна. Я изо всех сил старался удержать машину на шоссе и не врезаться в бетонное заграждение, отделявшее нас от полос северного направления.

Четыре гнома спрыгнули с мышей на крышу и принялись дубасить огненными топорами по лобовому стеклу. Иронические улыбочки словно приклеились к их рожам. За спиной тоже что-то трещало и хлопало, и я понял, что гномы высадились на багажник и начали обрабатывать заднее стекло. Горящие куски льда, как трассирующие снаряды, чертили в ночном небе красные и оранжевые полосы, врезались в трассу и выбивали из нее целые пласты бетона. Мы с ревом пронеслись мимо перевернутого автомобиля, затем миновали еще один, выгоревший дотла.

Я орал на Оп-девять, чтобы он проснулся. Орал на гномов с их летучими мышами, чтобы они отстали. Орал на себя за то, что посмотрел в глаза демона, а потом еще и за то, что не отдал кольцо Оп-девять, когда была такая возможность.

А дальше, когда от крика начало саднить горло, я решил, что хватит уже орать и пора предпринять какие-то решительные действия, иначе обрушившийся на нас ад станет совсем адовым, и это будет мягко сказано.

В общем, я ударил по тормозам. Гномы не удержались на крыше и, скатившись по ветровому стеклу, исчезли из виду. Задние колеса сцепились с покрытием, и нас занесло, а я расхохотался как сумасшедший.

– Ха! Мышки-то ваши, похоже, без тормозов?

«Таурус» накренился, и мы остановились, а горящие огненные шары все сыпались с неба и разрывались на шоссе вокруг нас. И все это время я не переставал думать, потому что времени у меня как раз и не было. Я вышел из машины и принялся ждать.

Было очень тихо, только шипел на трассе лед да где-то вдали завывали пожарные сирены.

Оно пришло одно. Ростом три фута, в красной остроконечной шляпе, в зеленой рубашке с синими подтяжками, в коричневых башмаках и с застывшей улыбочкой. Не знаю как и почему, но я понял, что это то же существо, которое прикидывалось моей мамой и мамой Майка. И оно же, безглазое, не выпускало нас из дома.

– Я без оружия! – крикнул я, подняв руки над головой. – Ты победил! Я достану тебе Чашу! Но ты должен отстать от меня!

Я замолчал в ожидании ответа, но гном безмолвствовал.

– Просто скажи, где тебя найти, когда я ее раздобуду.

Губы у него даже не шевельнулись, но в голове у меня прозвучало: «Встретишься с нами у ворот».

– У ворот? – крикнул я. Сам не знаю, почему я кричал. – Что это за ворота?

«Врата ада. Дверь дьявола».

– И где они, эти врата?

«Два дня, Альфред Кропп».

– Два дня – или что?

Он не ответил. Да ему и не нужно было отвечать. Оп-девять меня уже просветил. Или они нас уничтожат.

– Ладно, – согласился я. – Хорошо. Но я не уверен, что знаю, где…

Гном исчез. Просто раздался хлопок – и нет его! А я остался стоять на трассе.

Ну хоть не один. Я выдохнул и запрыгнул обратно в машину. Оп-девять даже не пошевелился, только желваки ходили ходуном и глаза вращались под пепельно-серыми веками. Наверно, ему снился сон. В доме Арнольда я надеялся, что сплю, и это было чревато бедой. Не надежда – сон.

41

Я умудрился съехать с федеральной трассы и без потерь вернуться к «Дрейку». А это было нелегко. На трассе – из-за валявшихся повсюду кусков асфальта и брошенных машин, но и потом легче не стало. Съехав с шоссе, я сразу попал в гигантскую пробку: улицы были забиты автомобилями и велосипедами, а между ними сновали люди с чемоданами на колесиках. Проезжая мимо магазинов, я видел, как внутри орудуют толпы мародеров.

Возле отеля меня, естественно, не встретил услужливый швейцар, так что пришлось проехать еще пару кварталов и припарковаться вторым рядом. Ветер выл и закручивал вихри из горящих ледяных крошек, а я все боялся, что одна такая попадет мне в глаз и я останусь кривым. Я поволок Оп-девять через вестибюль, как пьяного, но там царил хаос, и никто не обратил на нас внимания. У центральной стойки собралась толпа рядов в десять, звонили сотовые, люди ходили туда-сюда – одни что-то громко тараторили; другие, наоборот, молчали как пришибленные. А я думал: «Держитесь, люди, потому что вы еще ничего не видели».

В номере я свалил Оп-девять на кровать и до подбородка укрыл одеялом. Его трясло, он что-то бормотал срывающимся шепотом, и еще у него дергалось правое веко. Я к этому моменту уже догадался, что с ним такое, и, сбегав в ванную за полотенцем, перевернул его на бок и связал ему руки за спиной. Полотенце было слишком толстым, и узел получился чересчур большим, чтобы удерживать Оп-девять, когда он очнется, но несколько секунд я выгадаю.

Потом я обшарил его карманы.

Носовой платок, пластиковый пузырек «Визина», спрей для носа, расческа и распятие. И сотовый. Я сразу пролистал адресную книгу и выбрал контакт ШК – «штаб-квартира». В ответ мне прокрутили запись о том, что все линии заняты, и предложили позвонить позже. Этого «позже» у меня оставалось совсем мало, то есть не только у меня – у всех. Я сунул телефон в карман, чтобы все-таки перезвонить или ответить, если кто-нибудь свяжется с Оп-девять.

В гостиной я открыл и загрузил ноутбук. На этот раз я попытался подобрать пароль, но что бы ни придумывал, все варианты оказывались неверными, включая АНП, ДЕВЯТЬ, 9 и ОТЧЕ НАШ.

Тогда я вернулся в спальню и присел на кровать рядом с Оп-девять.

– Все телефонные линии заняты, – сообщил я, но Оп-девять продолжал бормотать и обливаться потом. – Я не могу войти в ваш комп, а у нас только сорок восемь часов, и потом нам конец, они нас уничтожат. Даже сорок шесть. Я знаю, вам очень больно, но иногда надо просто стерпеть и перемочь. Можете поверить, уж я-то получал плюх побольше, чем средний квотербек из НФЛ. – Оп-девять, мне нужен пароль от вашего компа. Мы должны связаться с штаб-квартирой, надо сообщить им о случившемся и выработать какой-то план. Мне бы очень не помешало узнать, что это за дверь дьявола и где она находится. Вы ведь у нас эксперт. А я – всего лишь пацан, который влип с этими демонами и теряю нить. То есть мне кажется, что я схожу с ума. У меня были галлюцинации, будто я вас убиваю. Я уже не уверен, что сдержусь, если дело дойдет до этих кровожадных позывов. Мне нужно завладеть ситуацией, потому что сейчас мною владеет она… Думаю, вами тоже.

Вряд ли Оп-девять услышал хоть слово. Я намочил в ванной махровую салфетку, обтер ему лицо и принялся орать прямо в ухо, но без толку.

Тогда я вернулся в гостиную, открыл мини-бар (очевидно, мы путешествовали по корпоративному тарифу), съел шоколадку, запил кока-колой, взял бутылку воды и вылил всю на собачью физиономию агента. Лучше от этого не стало. Мне даже сделалось совестно, поэтому я принес из ванной полотенце и старательно вытер Оп-девять.

– Они достали вас, воспользовавшись худшим в вашей жизни, – произнес я. – У меня это мама. А что они делают с вами? Что для вас худшее, Оп-девять?

Мне показалось, что я догадался, и у меня возникла идея. Я снова сел за ноутбук и набрал: АБХАЗИЯ. На панели инструментов появилось окошко с сообщением: «Добро пожаловать, Оп-девять».

Я кликнул папку «Сатком». Экран мигнул пару раз, и выскочило новое окошко: «Сатком отключен». А под ним появилась иконка

электронной почты. Я, разумеется, кликнул, и на экране возникла папка «Входящие». Там было только одно сообщение.

От: Водолей
Кому: Девять
Тема: насчет ОПЗАП

Как ты и предсказывал, исследования показали, что активный агент невозможно ни клонировать, ни синтезировать. До чего же бесит твоя вечная правота. Соответственно, до тех пор, пока условия не изменятся, ты будешь охранять носителя АКТАГ. Не подвергай его риску без крайней необходимости.

Я дважды перечитал сообщение. Что такое ОПЗАП? Оперативный запрет? Оперативный запрос? АКТАГ – это, скорее всего, активный агент. Но что это за активный агент такой? И тут я вспомнил, что Оп-девять на совещании говорил о CW3XD и каком-то активном агенте. Еще я вспомнил, как спросил его в пустыне – не святой ли водой заряжены патроны? А он ответил отрицательно и выразил надежду на то, что заряд окажется сильнее святой воды.

А потом я припомнил свой сон: я – гигантская рыба Кропп и меня облепили маленькие присоски. Когда я впервые очнулся на «Пандоре», у меня кружилась голова и я стаканами хлестал апельсиновый сок. Еще болело под мышкой. И вдруг вся картинка сложилась. Болело наверняка от укола. У меня брали кровь.

Я еще раз перечитал сообщение: «… ты будешь охранять носителя АКТАГ». Просмотрел папки «Отправленные», «Корзина», «Черновики», но все были пусты. Тогда я кликнул «написать» и набрал сообщение:

Кому: Водолей
От кого: Девять
Тема: Помогите

Я не знаю, кто вы, но думаю, что директор Меривезер. Пишет Альфред Кропп. Я взломал компьютер, птмч Оп-девять ранен. Мы

еще в Чикаго. Город горит. Два дня на возврат Чаши, иначе – конец света. Нужна помощь. Пришлите подмогу.

А. К.

Я нажал на «отослать», письмо исчезло, и почти сразу возникло диалоговое окно.

«Сообщение не отправлено: получатель не найден».

– Что за дела? – заорал я на компьютер. – Что значит «получатель не найден»?

Я снова выбрал «написать».

Кому: Водолей
От: Девять
Тема: Помощь

Это Альфред Кропп. Нам нужна помощь. Гиены в Чикаго нет. Огненный дождь. Оп-девять тяжело ранен. Два дня, или конец. Пришлите подмогу!

А. К.

Я отослал письмо, и снова выскочило это маленькое окошко. Тогда я выбрал «Контакты». На экране появился длинный список. Третье сообщение я отослал всем подряд. Получилось что-то вроде SOS-рассылки.

Кому: всем сотрудникам Агентства
От: Девять
Тема: Помогите

Это Альфред Кропп. Оп-девять ранен. Два дня на то, чтобы вернуть им Чашу. Гиену не нашли. Где находится дверь дьявола? Пожалуйста, пришлите подмогу.

А. К.

Я на секунду задержал дыхание и тюкнул пальцем по тачпаду. Подождал. Выскочило окошко:

«Получатели не найдены».

Издав бессильный вопль, я оттолкнулся от стола. В спальне, словно в ответ, громко застонал Оп-девять.

Он бился в судорогах, голова моталась из стороны в сторону. Цвет лица у Оп-девять никогда не был особо здоровым, а теперь и вовсе стал как после ожога, с оранжевым оттенком. Из приоткрытого рта текла слюна. Я пошел в ванную за новой салфеткой и мельком увидел себя в зеркале.

Я оцепенел. По всему лицу выступили красные прыщики с белыми головками. Каждый – с пятицентовик. Я дотронулся до одного и сразу отдернул палец. Ощущение было такое, будто прижег кожу горящей спичкой. Что на этот раз? Что они со мной делают? Я задрал свитер и рубашку. Прыщи выступили и на животе, и на спине. Я весь ими покрылся.

– Ладно, – пробормотал я и опустил рубашку со свитером. – Хорошо. – Я склонился над раковиной и намочил салфетку. – Пустулезные угри. Отлично. Хотите играть по-жесткому. Что ж, я готов.

Я вернулся в спальню и обтер лицо Оп-девять.

– Не могу выйти на связь. Не знаю – может, штаб-квартира уничтожена или еще что. Теперь мы сами по себе, а если и до тебя не достучусь, то вообще останусь один. «Неудачное развитие событий» в смысле завершения миссии.

Оп-девять застонал. Глазные яблоки так и гуляли под веками.

– Вы, ребята, обманывали меня. Я носитель. Моя кровь – активный агент для патронов CW3XD. На корабле вы, наверное, пинты две из меня выкачали, чтобы зарядить свои винтовки. Это низко. Я бы даже сказал – мерзко. Ведь можно было просто попросить. Но я догадываюсь, что АНП не обязаны ни о чем просить. Неудивительно, что Эшли решила послать вас подальше. Ты должен за это ответить, но не ответишь, потому что они и тебя выпотрошили. Ты не поможешь

мне найти Майка и дверь дьявола, так что мы в полной заднице. Игра окончена.

Оп-девять начал растягивать узел полотенца, его пальцы судорожно хватались за воздух. Можно было не сомневаться в том, что он очень скоро доберется до глаз. Я пошел обратно в ванную, разбил о раковину стакан, выбрал осколок подлиннее и без колебаний рассек себе левую ладонь. Затем в горсти, держа руку на уровне сердца, доставил кровь к постели. Присев на край, я обмакнул два пальца в кровь и смазал ею веки Оп-девять.

– А теперь, именем святого Михаила, я приказываю вам уцелеть… хотя мне надо бы… – Я осекся: обида в целительстве неуместна. – Исцелитесь, Оперативник номер девять, исцелитесь.

Я начертил у него на лбу кровавый крест и отнял руку. Стоны прекратились, глаза перестали бегать, руки расслабились. Я тихо ткнул его в плечо, но он не очнулся. Однако какой-то результат все же был.

Я обмотал полотенцем левую руку и поплелся в гостиную. Там рухнул на диван и несколько минут полежал, а потом пошел в ванную и подстриг на ногах ногти.

Затем снова лег, закрылся рукой и уснул. В последний раз перед долгим-предолгим бодрствованием.

42

Не помню, что мне приснилось напоследок перед решающей схваткой с королем демонов, но, когда я проснулся, мне стало ясно, что делать дальше.

Оп-девять так и лежал на спине, но глаза у него были открыты. Он тупо смотрел в потолок. Полотенце, видимо, развязалось, пока я спал, и теперь руки Оп-девять были скрещены на груди, как у покойника. Я счел это дурным предзнаменованием.

– Оп-девять, – тихо позвал я.

Он покосился на меня, но голову не повернул. Кровь на веках и на лбу превратилась в ржавую корку.

– Кто это – Оп-девять? – прохрипел он.

– Долго объяснять, – ответил я. – Но не волнуйтесь, память вернется. Моя вернулась – почему бы не восстановиться и вашей? Дела обстоят так: мы в Чикаго, но долго мы здесь не пробудем. Связь с штаб-квартирой потеряна – значит работаем соло. На вас напали демоны. Вам, правда, не нравится это слово, но иногда приходится называть вещи своими именами. Меня зовут Альфред Кропп.

– Альфред Кропп! – Оп-девять округлил глаза. – Знакомое имя!

– Я собираюсь позвонить в обслуживание номеров. Ничего не ел, кроме «Сникерса» с колой… не считая глбза дохлой кошки, без которого можно было и обойтись.

– Дохлой кошки?

– Хотите чего-нибудь?

Оп-девять тяжело сглотнул.

– Мне бы воды.

– Бутылку или из-под крана?

Оп-девять не ответил. Тогда я взял из мини-бара «Эвиан» и поднес к его губам. Он осушил бутылку глотка за четыре.

– Ладно, – сказал я, – теперь мне надо позвонить. Постарайтесь вспомнить, что сможете.

Я снял трубку и позвонил в обслуживание номеров. Ответили только после четырнадцатого гудка.

– Чего надо?

– Я хочу заказать завтрак в номер.

– Кухня закрыта! – гаркнул кто-то и бросил трубку.

Я решил, что пора глянуть в зеркало в ванной комнате. Прыщи, пока я спал, полопались. Когда я плеснул в лицо теплой водой, кожу защипало, как от кислоты. Я взвизгнул и поскорее схватил полотенце.

– Знаете, – сказал я, вернувшись к Оп-девять, – когда я сидел на том совещании и слушал, как вы гадаете, куда он мог податься, мне и в голову не пришло, что я могу быть в курсе. Это, как выразился директор Меривезер, очевидное место. Слишком очевидное, поэтому он туда и отправился. Он знал, что это очевидно, и понимал, что вы тоже это понимаете. Вот он и поехал туда, потому что очевидное может стать неочевидным. Короче, мне надо сделать еще один звонок. Как вы себя чувствуете? Хотите в туалет или еще чего-нибудь?

Оп-девять покачал головой.

– Хорошо.

Я набрал четыре-один-один и узнал нужный номер. Потом позвонил по этому номеру и сказал тому, кто ответил, что мне надо срочно поговорить с мистером Нидлмайером. Меня поставили на ожидание и дали послушать «Yesterday» в исполнении «Битлз».

– Я священник, – ни с того ни с сего произнес Оп-девять.

– Уже нет, – отозвался я.

– Нет?

– Теперь вы демонолог и работаете на АМПНА.

– АМПНА?

– Это Контора. Но не исключено, что вы безработный, так как я не уверен, что АМПНА еще существует.

Музыка прервалась, на линии затрещали помехи.

– Алло? Алло?

– Мистер Нидлмайер, это Альфред Кропп.

– Альфред Кропп!

– Ну, сын мистера Сэмсона.

– Я знаю, кто ты, Альфред… Где ты был? И ради всего святого, где ты сейчас?

– В Чикаго, но святые здесь ни при чем.

– В Чикаго!

– Мистер Нидлмайер, мне некогда объяснять. Вот что важно, слушайте: мне срочно нужен самолет, чтобы вернуться в Ноксвилл.

Срочно!

– Вернуться в Ноксвилл? Альфред, тебя плохо слышно…

– Я сказал – мне нужен самолет! Немедленно! – крикнул я в трубку.

– Медленно?

– Нет! Не-мед-лен-но! Ясно?

– Ясно? Что – ясно?

– Самолет! – заорал я. – Чикаго! Можете прислать самолет?

– Нет самолетов, Альфред. Все вылеты отменили!

Я подошел к окну и отодвинул штору. Весь мир стал серым, не осталось даже теней – только оранжевый свет огненного дождя и пожары в каждом квартале.

– Тогда пришлите машину. Самую быструю, какую найдете, – потребовал я. – Я нахожусь в отеле «Дрейк». Слышите меня?

– Да, да, Альфред. Я все записываю. Какую, ты говоришь, машину?

– Я не говорил. Просто самую быструю, какую сумеете найти. Самую скоростную в мире. Она должна быть здесь через полчаса.

– Полчаса! Альфред, я не знаю, возможно ли это…

– Сделайте так, чтобы стало возможно!

– Хорошо. Самая быстрая машина. Тридцать минут. Отель «Дрейк». Что-нибудь еще?

– Нет. Да. Надо узнать, где находится дверь дьявола.

– Дверь дьявола?

– Или адские врата. И так и так может называться. Когда вернусь в Ноксвилл, я должен знать, где это место.

– Хорошо, хорошо. Дверь дьявола. Адские врата. Что еще?

– Ничего. Хотя погодите…

Я объяснил ему еще кое-что и сообщил, в каком мы номере, после чего повесил трубку.

Затем я положил на кровать вещмешок, достал полуавтоматический пистолет и сунул себе в карман, нашел карту, расправил ее на постели. Оп-девять внимательно за мной наблюдал.

– Мы в бегах? – спросил он.

– Скорее, беженцы.

– Значит, идет война?

Я молча кивнул и попробовал вычислить по масштабу, сколько миль ехать до Ноксвилла. В последний раз я делал нечто подобное в третьем классе. Получилось пятьсот пятьдесят. Я сложил карту и сунул ее в карман.

– А что в Ноксвилле?

– Некто Гиена. Найду и расквашу ему нос.

– Гиена? – нахмурился Оп-девять.

Я снова кивнул.

– И Святая Чаша Соломона. Во всяком случае, я на это надеюсь. Потому что если я ошибся и ее там нет, то война закончена и помянем этот мир.

43

Оп-девять попросился в туалет. Я довел его до ванной и поддержал, отвернувшись, чтобы он отлил. Когда мы вернулись в спальню, он уже полностью выдохся.

– Я слишком слаб для путешествий, – срывающимся голосом признался Оп-девять. – Оставь меня здесь.

– Не думайте, что мне не хочется. Вы держали меня за дурачка, Оп-девять. Обманывали, использовали. Ведь вы АНП и считаете, что все вам позволено. Но мне плевать на ваш драгоценный Устав. Есть вещи, которых делать нельзя, и пусть на них подпишется весь мир – лучше они не станут.

Я закрыл ноутбук и сунул его в вещмешок. Все тело горело, а при движениях прыщи, которые теперь еще и чесались, натирала одежда. Все это отвлекало, а я и в более благоприятных обстоятельствах неважно сосредоточивался.

Я решил, что лучше уйти из номера и ждать машину в вестибюле. В теории это было проще, чем оказалось на практике. С Оп-девять на одном плече и с вещмешком на другом я рисковал в любую минуту грохнуться и разбить свое прыщавое лицо.

Через пять минут меня тронул за локоть прилизанный брюнет в сером костюме.

– Прошу прощения, – произнес он.

Когда я обернулся, он чуть отпрянул. Наверно, не ожидал увидеть усыпанную мокнущими фурункулами физиономию.

– Меня зовут Альфред Кропп, – представился я.

– Я знаю, кто вы. А я Густав Дальштедт из корпорации «Кенигсегг».

– Вы пригнали машину.

Брюнет улыбнулся и кивнул:

– Меня прислал Альфонсо Нидлмайер. Он сказал, что это срочно. Все верно?

– Еще как!

Дальштедт тронул лямку вещмешка:

– Вы позволите?

Я кивнул. Он повесил вещмешок на плечо, и я вышел за ним через дверь-вертушку. Такая дверь всегда проблема, а вы попробуйте пройти через нее в обнимку с бугаем вроде Оп-девять.

Снаружи было холодно, зато высотные дома принимали на себя основной удар летящих с неба огненных льдин. Мы проследовали за мистером Дальштедтом в переулок за отелем. Там возле мусорного контейнера был припаркован спортивный автомобиль цвета дымчатого заката и с низкой посадкой.

– «Кенигсегг Си-си-ар», – сказал мистер Дальштедт и слегка выпятил грудь. – Самый быстрый серийный автомобиль в мире, мистер Кропп. Обратите внимание на смелый дизайн боковых воздухозаборников и переднего сплиттера. Разработано специально для оптимизации высокоскоростной аэродинамики.

– Просто фантастика, – отозвался я. – Вы не откроете багажник?

Дальштедт растерянно моргнул и повертел в руке брелок с ключом.

– Багажника нет.

Он нажал кнопку на пульте, и двери машины плавно поднялись и повернулись вперед. Я усадил Оп-девять на пассажирское сиденье. Потом взял у Густава вещмешок и затолкал его в тесное пространство за головой Оп-девять.

– Двигатель Си-си-ар усилен центробежной бикомпрессионной системой наддува, – не унимался Дальштедт, как будто я не до конца понимал, насколько мне повезло. – Благодаря двум параллельно установленным компрессорам «Ротрекс» возникает добавочное давление в одну целую четыре десятых бара, и мощность двигателя повышается.

– Колоссально, – согласился я и тут заметил на капоте серебряный логотип: привидение, парящее внутри круга.

– Я вижу, вы обратили внимание на наше привидение. Оно украшает все наши суперкары. Дань уважения Первой шведской эскадрильи.

– Я не большой поклонник призраков, – признался я.

Густав не отлипал и тараторил, как будто его безостановочный треп прилагался к колесам:

– Пиковое значение – восемьсот шесть лошадиных сил при оборотах шесть и девять в минуту. Разгоняется с нуля до шестидесяти

за три и две десятых секунды. За три и две десятых секунды, мистер Кропп.

Я опустил ошпаренный зад на водительское сиденье и взялся двумя руками за обтянутый светло-коричневой кожей руль.

– Какая у него максимальная скорость?

– О, это мы не рекламируем, – просияв от гордости, сообщил Густав. – Нашим покупателям мы говорим: двести сорок пять плюс. «Плюс», естественно, зависит от дороги и вашей сознательности.

Итак, мистер Нидлмайер понял меня буквально – я сидел за рулем самой быстрой машины в мире.

Дальштедт передал мне ключи. Я завел двигатель. Машина проснулась и зарычала.

Дальштедт протянул мне кредитку:

– По распоряжению вашей компании на бензин и непредвиденные расходы.

Я взял карточку. Платиновая «Амекс» на имя «Сэмсон индастриз».

– Спасибо, мистер Дальштедт. Огромное вам спасибо. А как закрываются двери?

Густав показал мне кнопку, и двери пришли в движение, но он все равно продолжал говорить:

– Вы наш самый ценный клиент, мистер Кропп! Моя визитка в бардачке. Звоните, если вдруг…

Двери закрылись, и наконец наступила тишина. Я осторожно нажал на газ, и суперкар прыгнул вперед, как зверь из клетки. Выехав из переулка, я резко свернул влево, послышался визг, и задние колеса оставили раздвоенный шлейф белого дыма.

Плевать на дороги. И на сознательность тоже. Я собирался вычислить «плюс» в заявленной скорости.

44

Въезд на девяностое шоссе был перегорожен полосатыми конусами. Я, не раздумывая, смел их с дороги на скорости шестьдесят пять миль в час. Оп-девять чуть подпрыгнул и стиснул зубы. А потом мы уже всерьез превысили скорость. Через двенадцать минут, протаранив по пути еще одно заграждение, мы разогнались до двухсот сорока пяти миль в час и помчались по шоссе И-65 на юг в сторону Индианаполиса.

Было около десяти утра, но из-за низких серых туч, которые заплевывали землю горящими кусками льда, казалось, что уже наступили сумерки. Правда, адский шторм начал слабеть. Я не знал, с чего бы это, но предположил, что орды демонов откликнулись на мою просьбу отступить, чтобы я доставил им товар.

– Там, в тучах, – лица, – тихо произнес Оп-девять. – Ты их видишь?

Я их видел. Искаженные человеческие лица появлялись в небе, становились объемными и снова растворялись. Они смеялись и рычали; одни, с нависшими веками и крючковатыми носами, корчили страшные гримасы, а другие напоминали застывшие маски, но наводили еще больший ужас, чем первые.

– Альфред, тебе о чем-нибудь говорит имя Абалам? – спросил Оп-девять, глядя в пасмурное небо.

– Где-то слышал.

– Это мое имя?

– По-моему – демона. Одного из прислужников Пеймона.

– Пеймона?

– Это тот, который забрал Печать.

Оп-девять повернулся ко мне:

– Печать?

– Печать Соломона. Это такое кольцо, с его помощью можно контролировать демонов. Только оно теперь у Пеймона, и все контролирует он.

– Контролирует… Абалама?

– Всех. Миллионов шестнадцать наберется. Абалам – это, наверное, тот, с кем вы столкнулись в доме Майка. Поэтому вы и запомнили его имя.

Оп-девять покачал головой:

– Это все очень странно. Очень.

– Нашли кому говорить.

– Мы двое против шестнадцати миллионов?

– Скорее – один против шестнадцати миллионов. Вы соображаете вдвое медленнее, чем раньше, а я всегда таким был. Вот такая математика. Шансов, конечно, мало, но всегда есть надежда. Вы сами так однажды сказали. Помните?

– К сожалению, нет. А с другой стороны, я рад, что не помню.

Я кивнул:

– Знакомое чувство, чувак.

Шоссе было пустынным. Лишь изредка попадались брошенные машины, оставленные на медиане или на аварийной полосе. Движения между Чикаго и Луисвиллем не было вовсе, если не считать одного конвоя Национальной гвардии. В крытых брезентом грузовиках перевозили солдат. Пролетая мимо, я заметил, как они удивленно вытянули шею.

Я включил радио. Вообще-то, я ожидал, что на всех станциях говорят о первой фазе последней войны, но на разговорных каналах мололи какую-то чепуху о жутких погодных условиях, из-за которых всё и везде перестало работать. А музыкальные продолжали вещать в своем духе, как оркестр на «Титанике». Я поймал Пи-би-си из Чикаго[30], где какой-то тип из правительства бубнил о том, что «метеорологический кризис» показал, насколько мы далеки от понимания глобальных атмосферных явлений. Я даже расхохотался.

– В чем дело? – удивился Оп-девять. – Что здесь смешного?

– Ну хоть натура ваша осталась целой и невредимой, – сказал я и выключил радио.

– Как, ты говоришь, меня звали?

– Я не говорил, потому что не знаю. Ваше кодовое имя было Оперативник-девять.

– А почему у меня было кодовое имя?

– Потому что вы агент, не соблюдающий правил.

– И что это значит?

– Если коротко – то, что начхать на правила.

– Какие правила?

– Да на все. – Мне было странно оказаться в роли осведомленного лица. – Вы работаете на суперсекретное агентство. Оно называется АМПНА. Сейчас мы охотимся за беглым агентом, которого зовут Майк Арнольд. Майк украл Печати Соломона из хранилища АМПНА. А потом попытался меня убить. Наверно, потому, что узнал о том, что моя кровь – единственное, что может хоть как-то навредить демонам. Но он потерял кольцо, то есть в итоге это я его потерял. Кольцом завладел король Пеймон. И теперь этот Пеймон хочет заполучить Чашу, чтобы их больше уже никогда туда не упекли. Поэтому мы с вами поехали в Чикаго, чтобы найти Майка и отобрать у него Печать. Малую, не Великую. Но демоны добрались туда первыми и поджидали нас в доме Майка. Вы оставили меня в машине и пошли в дом. Там, я думаю, Абалам подловил вас и заставил посмотреть ему в глаза.

– А мне не следовало?

– О, ни в коем случае.

– Я помню только огненный вихрь, а в середине – кромешная тьма, – покачал головой Оп-девять. – Но больше ничего.

На следующем съезде я покинул шоссе, чтобы заправиться и отлить. Там было три заправки, но работала только одна. Очень нервный продавец – он постоянно теребил «штангу» в нижней губе – сообщил мне, что закроется, как только приедет его девушка, и что ему плевать, если его за это уволят, а потом поинтересовался, что у меня с лицом. Я заправился, купил кое-что перекусить, расплатился кредиткой компании и, вернувшись в машину, бросил пакет с едой на колени Оп-девять.

– Что это? – спросил он.

– Корн-дог.

– Почему корн-дог?

– На удачу.

Оп-девять разорвал желтую оберточную бумагу, откусил маленький кусочек и очень медленно его прожевал.

– Корн-доги приносят удачу? Это я тоже забыл?

– Я съел один в прошлый раз, когда спасал мир. Хотя нет, теперь припоминаю, что два.

Оп-девять покосился на меня:

– Ты агент этой АМПНА?

– Нет, я просто большеголовый пацан, это у меня хобби такое – спасать мир.

– Ты шутишь.

– Учусь смеяться перед лицом отчаяния.

Я вернулся на федеральную трассу, и несколько минут мы ехали молча. Стрелка спидометра добралась до двухсот пятидесяти. Инструктор по вождению рассказывал мне о «десенсибилизации к ускорению». Это когда привыкаешь к скорости и у тебя возникает обманчивое чувство безопасности. Но оно вряд ли грозило мне в нынешнем положении.

– Значит, мы продолжаем охоту на этого Майка Арнольда? – спросил Оп-девять.

– Именно.

– Чтобы забрать у него… как ты выразился? Святую Чашу?

– Все верно.

– Чтобы что с нею сделать?

– Ну, у меня осталось примерно тридцать часов до встречи с Абаламом и его ребятами у двери дьявола.

– У двери дьявола?

– Да, где бы она ни была.

– И там мы посадим их обратно в Чашу?

– Не выйдет. Без Великой Печати – ни у кого. А Великая Печать у них.

– Тогда зачем отдавать им эту Чашу?

– Чтобы они не уничтожили мир.

– А как же их остановить, когда она окажется у них?

– Наверно, никак.

Оп-девять помолчал минуты две и заявил:

– На мой взгляд, эта миссия не имеет смысла.

– Послушайте, я делаю все, что могу. Сейчас у меня нет выбора. Я должен достать Чашу. Если я ее не достану, у нас не будет ни единого шанса.

– А если достанешь, ни одного не прибавится.

– И мы увязли в середке.

– Где?

– Между безумием и отчаянием. Там, где, говорил мой отец, часто улыбается фортуна.

И тут я увидел это. Впереди возникла серая стена то ли дыма, то ли тумана. Я немного отпустил педаль газа, но мы все равно врезались в нее на скорости двухсот с лишним миль. Фары пробивали туман фута на два, не больше.

– Это довольно опасно, – заметил Оп-девять.

Я скрипнул зубами, но промолчал и только крепче вцепился в руль обеими руками.

– Альфред, мы должны сбавить скорость.

– Не сбавлю, – процедил я.

Без видимых ориентиров почти не чувствовалось, что мы движемся. Оп-девять, конечно, был прав. Если я врежусь во что-нибудь на такой скорости, от нас не останется мокрого места. Но какой у меня был выбор?

Страх начал сменяться яростью. Чего они добиваются? Нужна им Чаша или нет? У меня заболели челюсти, а пальцы на руле свело судорогой.

– Альфред, я настаиваю…

И я сорвался:

– Послушай, приятель, ты не в том положении, чтобы на чем-то настаивать! Из-за тебя и тебе подобных я побывал в настоящем аду. И думаю, что неплохо справляюсь, если учесть, что помогать мне никто не собирается, а я медленно схожу с ума оттого, что у меня мозги плавятся, я весь в фурункулах и прекрасно понимаю, что, когда дойдет до дела, никакой надежды не будет. Вот как тебя достают, понятно? Дразнят морковкой. Показывают, как она близко, соблазняют, а потом резко убирают прямо из-под носа. И так раз за разом, пока ты не сдашься.

Оп-девять секунду пристально смотрел на меня.

– В средневековом представлении ад – это место, где души грешников корчатся в нескончаемой агонии, а демоны тычут в них тлеющими головнями.

– Точно! Ты уловил самую суть! – К этому моменту я уже взмок и мои язвы горели от соленого пота. Мне хотелось выпрыгнуть из кожи. – Тлеющими головнями, будь я проклят!

– А еще есть греческий миф о Тантале, – продолжил Оп-девять. – Он попадает в Аид, где испытывает муки голода и жажды, в то время как над ним свисают недосягаемые грозди винограда.

– Чертовски точно! – воскликнул я. – Горящие головешки в очко, зуд, при котором не почесаться, и виноград, который не достать!

– Возможно, Альфред, тебя терзают потому, что уже слишком поздно. Время упущено, а им приятно мучить тебя надеждой.

– Но я еще не умер, – выдохнул я, а потом заорал во все горло: – Я еще жив! Слышите меня? Вам ясно? Так что давайте! Да-вай-те!

Не стоило мне это говорить.

45

Я посмотрел на свои руки и увидел, что покрывшиеся коркой язвы запульсировали в унисон с сердцем. Одна, на костяшке, зудела особенно сильно, и я начал ее расчесывать. Наверное, хотел бросить вызов: полюбуйтесь, я и чесаться могу! Едва мой ноготь прикоснулся к язве, корочка лопнула, и потекла прозрачная жидкость. Сердце подпрыгнуло к самому горлу, но не от вида открывшейся язвы. Из маленькой гнойной ямки вынырнул серый червячок с черной головкой. Он извивался и тянулся вверх, как будто пробудился ото сна. Секунду я в ужасе смотрел на него, а потом отцепил руку от руля и сунул ее под нос Оп-девять:

– Что это такое?

– По-моему, личинка.

Во рту появился привкус попкорна. Я резко повернул к себе зеркало заднего вида и, с трудом подавляя рвотные позывы, прикоснулся к щеке.

Язвы открылись, и в ноздри ударил мерзкий запах – тот самый, что я учуял в отеле. Вонь разложения. Я гнил изнутри.

Я завопил и ударил по тормозам.

– Альфред! – крикнул Оп-девять.

Суперкар занесло, задние колеса вылетели на траву, и только поэтому мы не перевернулись.

Как только машина остановилась, я ударил по кнопке, открывающей двери, и вывалился на сырую обочину. Вокруг клубился туман, суперкар был похож на привидение в белом саване. Я стоял на карачках и блевал.

Потом кто-то потянул меня за плечо.

Я прижался к груди Оп-девять. Меня душили слезы, проклятия застревали в горле. Я хлестал себя по щекам, пока Оп-девять не схватил меня за запястья.

– Альфред… – проговорил он мне в ухо. – Альфред, скажи, что мне делать. Просто скажи, что я должен сделать.

На совещании Оп-девять говорил, что нас поглотят. «Они поглотят нас».

Я посмотрел ему в лицо. Самое доброе и самое некрасивое лицо из всех, что я видел в жизни.

– Домой, – каркнул я. – Отвезите меня домой.

46

Оп-девять помог мне дойти до машины. Это оказалось нелегко, потому что он был слаб, а я тяжел, и никто из нас не хотел ехать по той дороге. Я грузно опустился на пассажирское сиденье. Оп-девять сел за руль, а я сунул под себя руки, чтобы хоть как-то удержаться от желания расчесывать зудящие язвы.

Спидометр показал сорок пять миль в час.

– Быстрее, – пробормотал я.

От гадкого запаха, которым разило у меня из пор, кружилась голова. Мне стоило величайших усилий не блевануть снова.

Стрелка доползла до шестидесяти.

– Быстрее, – сказал я.

– Альфред, в таких условиях…

– У нас мало времени! – заорал я. – Плевать на условия! Сейчас главное – время!

От крика заболело горло, и мне пришлось умолкнуть. Стрелка спидометра добралась до восьмидесяти пяти и продолжала двигаться дальше. Оп-девять прищурился, как будто от этого было легче видеть сквозь густой белый туман.

Меня подмывало достать из кармана пистолет и прострелить ему голову. Даже рука дрогнула. У меня уже возникало такое желание в «таурусе» у дома Майка, но сейчас оно было раз в десять сильнее, и я молча боролся с ним несколько миль.

– Мне надо вам кое-что сказать, – решился я. – Вы должны знать.

Оп-девять кивнул.

– У меня возникают позывы… напасть на вас. Убить. Я еле сдерживаюсь.

Оп-девять мельком глянул на меня.

Я продолжил:

– Но это не я. По крайней мере, я точно знаю, что это не я. Раньше, до того как они до меня добрались, мне никогда не хотелось кого-то убить. То есть, может быть, и хотелось, но не так. Я думаю, подобные мысли возникают у всех, и это не то чтобы правильно, а просто нормально.

– Меня они тоже посещали, – кивнул Оп-девять.

– Насчет меня?

Он снова кивнул.

– С тех пор, как я очнулся в отеле. Я был близок к тому, чтобы бросить тебя на обочине. Еле устоял.

– Я еще различаю, где их мысли, а где мои. Но граница постепенно размывается. Боюсь, настанет момент, когда я перестану понимать разницу.

Я вынул из кармана пистолет. Оп-девять посмотрел на него и сразу отвернулся.

– Нашим врагам он не страшен, я прав? – спросил он.

Я кивнул. Странно, но пистолет вызывал приятное умиротворение. Боль сдавила виски, в глазах помутнело.

«Убей его. Он предал тебя, обманывал. Убей его!»

Я опустил стекло, и в тесный салон ворвался ветер. Оп-девять не смотрел на меня, но напрягся всем телом. Он ждал.

Я выбросил пистолет в окно.

Остаток пути я подавал голос только затем, чтобы подгонять Оп-девять. Мне казалось, что, если я не буду этого делать, он бессознательно сбросит скорость, и я знай твердил: «Быстрее, быстрее!»

В тумане виднелись размытые оранжевые пятна пожаров в Луисвилле и Франкфорте. Я потерял чувство времени. Когда до Ноксвилла осталось миль сто, я набрал по сотовому Оп-девять номер Нидлмайера.

– Привет, Альфред. – (На линии были помехи, но даже сквозь треск я услышал, что голос у него дрожит.) – Все готово.

– Через час, – сказал я. – Встречайте нас возле аэропорта.

Повинуясь порыву, я выбрал быстрый набор штаб-квартиры. Тишина. Не было даже гудков.

Туман на шоссе Алкоа был таким густым, что Оп-девять не заметил въезда в аэропорт, и нам пришлось развернуться и покатить обратно. На парковке стоял одинокий серебристый «лексус». Не представляю, что подумал мистер Нидлмайер, когда к нему заковыляли из тумана две сгорбленные, сломленные фигуры, еле поддерживавшие друг дружку.

– Альфред… – Он шагнул навстречу. – Боже мой, что случилось?

– Практически все, – ответил я. – Мистер Нидлмайер, это…

– Сэмюэл, – перебил меня Оп-девять и вроде бы удивился не меньше моего. – Да, я вспомнил! Меня зовут Сэмюэл.

– Отлично, – сказал я. – Теперь вам придется меня убить.

– Первым делом я должен отвезти вас к врачу, – заявил Нидлмайер.

– Нет, – возразил я. – У нас нет времени.

Он открыл заднюю дверь «лексуса», и мы с Оп-девять залезли в салон.

– Там, в машине, брезентовый вещмешок, – сказал я, и Нидлмайер пошел за ним.

– Сколько до места? – спросил Оп-девять, когда мы остались одни. Лицо у него приобрело цвет окружавшего нас тумана.

– Он в горах к югу отсюда, – ответил я. – Минут тридцать езды.

– Ты уверен?

– Я больше ни в чем не уверен.

Нидлмайер забросил вещмешок в багажник и подошел к машине с моей стороны. В руках он держал длинный узкий футляр.

– Вы забрали его, – сказал я.

– Да, забрал. Но прежде пришлось выслушать массу неприятных вопросов. Хорас Грант не очень доверяет людям.

– Хорас Грант – придурок.

– Что это? – спросил Оп-девять.

Я открыл футляр и вытащил меч.

– Меч Последнего рыцаря Ордена Священного Меча Королей.

47

Чтобы добраться до логова Майка, нам, разумеется, пришлось полагаться на мою память, а с ней у меня неважно, да еще туман усилился, а Нидлмайер, даже когда я на него орал, еле полз.

– Где находятся врата ада? – спросил я.

– А, да, я провел кое-какие исследования по этому вопросу, – ответил Нидлмайер и передал мне папку с распечатками из Интернета. – Первые врата мы обнаружили в Кении. Еще одни – в Британской Колумбии, третьи – в Нью-Йорке. Однако единственное место, которое называют и вратами ада, и дверью дьявола, находится во Флориде.

– Во Флориде? – переспросил я и просмотрел последнюю страницу в папке.

– Называется Дэвилс Миллхоппер[31].

– Что такое «миллхоппер»?

– Это бункер, где хранится кукуруза до того, как ее измельчат в муку.

– Мельница, что ли?

Я внимательно рассмотрел фотографию. Снимали с верхней ступени винтовой лестницы, которая вела к краю воронки. Черная дыра диаметром футов пятьсот, вокруг нее – густой подлесок, а изнутри торчат верхушки деревьев, растущих на дне.

– Там что-то размалывают?

– Да, в древнейшей легенде рассказывается об индейской принцессе, которую затащил туда сам дьявол. В литературе Дэвилс Миллхоппер известен как, я цитирую, «место, поглощающее грешников». Геологи, конечно, считают, что это карстовая воронка.

– Это здесь. – Я захлопнул папку. – То самое место.

– Откуда такая уверенность? – спросил Оп-девять.

– Только у него два названия. Плюс отсылка к мельнице. Это их стиль.

– Чей? – не понял Нидлмайер.

– Демонов, – пояснил Оп-девять.

– Демонов! Во что ты ввязался, Альфред?

– По крайней мере, это не так страшно, как наркотики или алкоголь, – ответил я.

В клубящемся тумане материализовался дорожный знак. Это был указатель входа в парк.

– Здесь! – сказал я. – Прямо перед знаком, вон на ту гравийную дорогу.

– На эту? Альфред, она же ведет вверх, – удивился Нидлмайер, но все равно свернул.

Под колесами заскрипел гравий. Я держал меч между ног, с ним мне было как-то спокойнее. Мы медленно поднимались по склону горы, и стрелка спидометра болталась где-то около ноля. Лысая голова Нидлмайера блестела от пота.

– Какой у нас план? – спросил Оп-девять.

– Никакого, – ответил я.

– Может, пора разработать?

– Я не умел планировать даже с нормальными мозгами, а сейчас медленно схожу с ума.

Нидлмайер глянул на меня в зеркало заднего вида.

– Этот Майк, он вооружен? – спросил Оп-девять.

– О, в этом можете не сомневаться.

– А мы – нет.

– У нас есть бластеры против демонов. Они проделают в нем дыру величиной с Небраску.

– Нам это нужно? Проделать в нем дыру с Небраску?

– Главное – действовать по порядку, – сказал я. – Сначала забираем у него Чашу, а потом проделываем дыру с Небраску.

– Зачем, если Чаша уже будет у нас?

– Это он во всем виноват, – пояснил я и почувствовал, как жар приливает к щекам. – Он должен ответить.

– Я все равно не понимаю. Зачем его убивать, Альфред?

– Ответ короткий – личинки.

Мы одолели последний подъем, и дорога выровнялась. Я приказал Нидлмайеру остановиться.

Выйдя из машины, мы сгрудились у багажника. Холод был собачий, пар от дыхания смешивался с накрывшим мир туманом. Я вставил в CW3XD новую обойму и передал его Оп-девять, а сам сунул меч за ремень.

– Вы останетесь у машины, – сказал я Нидлмайеру.

Тот с явным облегчением закивал.

– Что это? – спросил Оп-девять, разглядывая CW3XD.

– Труд вашей жизни.

– Это сделал я? – Он сокрушенно покачал головой. – Подумать только – оружие! Похоже, я прожил ее зря.

– Вообще-то, полезная получилась штука. Вы зарядили патроны моей кровью.

– Я?! – Оп-девять снова покачал головой.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Нидлмайер писклявым от волнения голосом.

– То, что необходимо, – ответил я.

Хижина находилась чуть выше нас, футах в ста. И я пошел первым.

48

На сей раз туман играл нам на руку. Майк не мог нас заметить, разве что установил на крыше инфракрасные камеры.

– Прикроете заднее крыльцо, – шепнул я Оп-девять. – Я с парадного входа.

Оп-девять кивнул и бесшумно растворился в тумане. Я медленно пошел к хижине. По мере моего приближения она словно выплывала из тумана и казалась заброшенной. У меня появилось неприятное чувство, что я опять совершил мою вечную ошибку – доверился своему нутру.

Я крадучись поднялся по ступенькам и прижал ухо к двери. CW3XD свободно сидела в правой руке. Отступив на шаг, я сделал глубокий вдох и двумя резкими ударами ноги сорвал дверь с петель.

Крадучись, называется.

Вломившись в дом, я описал пистолетом полукруг.

– Майк Арнольд! Это Альфред Кропп! Я знаю, что ты здесь! Дом окружен. Выходи с поднятыми руками, и никто не пострадает!

Он не вышел. Он подоспел сзади, одной рукой обхватил меня за шею, а второй – за правое запястье. Заломил мою руку до самой шеи. Потом надавил большим пальцем на запястье, и я, взвыв от боли, выронил пистолет к его ногам.

– Нет, Альфред, – шепнул Майк мне на ухо, – кто-нибудь обязательно пострадает.

Я со всей силы ударил ему затылком в лицо. Майк крякнул. Послышался хруст – наверно, сломался нос. Он отшатнулся и ослабил хватку. Я использовал возможность, развернулся, получил удар кулаком в живот – в то самое нутро, которому я неизбежно доверяюсь, – и сложился пополам. Следующий пришелся в висок. Я упал на колени.

– Господи, что за запах? Эл, только не говори, что это от тебя.

Майк стоял напротив меня. Я бросился вперед и обхватил его за колени. Благодаря моей массе мы оба скатились с крыльца на мокрую каменистую землю. Майк брыкался, но я не собирался его отпускать, и мы покатились прямо к обрыву. Склон становился все круче, мы

подпрыгивали на камнях и катились все быстрее. Мне, как обычно, «повезло» – я опередил Майка, и мои ноги оказались над обрывом первыми. Майка я, разумеется, отпустил и начал хвататься за жухлую траву, сухие листья и комки земли, рискуя сверзиться с высоты в четыреста футов.

Майк поймал меня за руку, но я продолжал сползать, пока над краем обрыва не появилась его физиономия.

Я глянул между болтающихся ног и увидел клочья тумана, плавающие среди бурых, блестящих от влаги сосновых стволов.

Нос у Майка распух, – похоже, я действительно его сломал. Нижняя часть лица была в крови, а под глазами расплывались багровые круги. В остальном он не изменился – все тот же Майк Арнольд смотрел на меня сверху вниз, улыбался и перемалывал окровавленными зубами жвачку.

– Эл Кропп, ты слышал пословицу: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь»? Что у тебя с лицом, старина?

– Вытащи меня, – выдавил я.

– С какой стати, Эл?

Это был хороший вопрос.

– Я ничего тебе не сделаю…

Майк рассмеялся, и я увидел у него на языке светло-коричневый комок жевательной резинки.

– С чего вдруг такое желание – что-то мне сделать?

– Мне просто нужна Печать, и все, – сказал я. – Отдай ее, и я обещаю…

– Ты обещаешь? Ого! Ты обещаешь. Давай зарубимся на мизинчиках, и я тебя вытащу.

Я потянулся к левому боку и вытащил из-за ремня черный меч.

– Ой, а это что такое? – ухмыльнулся Майк. – А? Что ты собираешься с ним делать, Эл? Отрубишь мне руку? – Он рассмеялся. – Брось его, и я тебя, может быть, вытащу.

Майк был прав. Рехнулся я, что ли? Его рука – мое спасение, самоубийственно даже думать о том, чтобы ее отсечь.

Тут позади Майка загремел чей-то голос, и улыбка мгновенно слетела с его лица.

– Майкл Арнольд! Медленно встань с поднятыми руками, или я прострелю в тебе дыру величиной с Небраску!

Оп-девять. Майк быстро пришел в себя и снова улыбнулся:

– Ну, ты его слышал, Эл. У меня нет выбора.

И он начал разжимать пальцы. Я завопил, взывая к Оп-девять, и в эту секунду над головой Майка взметнулось что-то тонкое и черное… и резко опустилось. Майк дернулся, и я освободился, но тут над краем обрыва мелькнула чья-то рука, которая перехватила меня в последний момент. Затем появился сверкающий лысый лоб, а за ним и все детское личико, расплывшееся в улыбке.

– Привет, Альфред, – сказал мистер Нидлмайер.

Часть IV
Падение Альфреда Кроппа

49

Мы отнесли Майка в хижину и положили его на диван в главной комнате. Мистер Нидлмайер раскраснелся не то от волнения, не то от нагрузки, а может быть, от того и другого. Майка он вырубил монтировкой.

– Наверное, мне помог туман, и я подкрался незаметно, да и Сэмюэл, конечно, его отвлек. Но я же его не убил?

– Нет, – сказал Оп-девять. – Он жив.

– Ненадолго, – прорычал я и заорал прямо в лицо Майку: – Где она? Где Печать, Майк?

– Альфред, – тихо произнес Оп-девять, – он тебя не слышит.

Мы потратили два часа на обыск хижины. Обшарили все от стропил до половиц, сунулись в подвал и под крыльцо, обошли участок, но не нашли никаких следов того, что там недавно копали. Я дважды осмотрел спальню и только на третий раз понял, что забыл заглянуть под кровать.

Печати там не было, зато я нашел ноутбук. «Ай-би-эм синкпад». Я отнес его в главную комнату, поставил на стол и подключил к сети.

– Что это? – спросил Оп-девять.

– Компьютер АМПНА, – ответил я. – Может быть, Майк, после того как его уволили, спер не только Чашу, но и этот комп. Хотя лично я сомневаюсь. Не нравится мне все это.

– АМПНА? – не понял Нидлмайер. Он был похож на человека, застрявшего в ночном кошмаре. Знакомое чувство. – Что такое АМПНА?

– Хорошие люди, которым иногда приходится поступать плохо, – пробормотал я.

Казалось, что комп загружается целую вечность. Когда он наконец ожил, у меня засосало под ложечкой.

Оп-девять и мистер Нидлмайер встали у меня за спиной, и мы как завороженные вперились в экран.

Интегральная система безопасности интерфейса
(ИСБИ)

Предупреждение для пользователя: данный интерфейс доступен только для сотрудников Агентства с допуском А-17 и выше.

Любой несанкционированный доступ в систему приведет к немедленному увольнению, лишению всех прав и привилегий, которые гарантированы сотрудникам согласно Уставу АМПНА (раздел 1.256).

Протоколы безопасности, касающиеся использования ИСБ, см. Устав, раздел 4.

Логин пользователя:

Пароль:

– ИСБ, – выдохнул Нидлмайер.

Майк все еще пребывал в отключке. Я оттолкнул Нидлмайера и схватил его за плечо:

– Майк! Очнись, Майк!

– Это не обязательно, – спокойно возразил Оп-девять, и его длинные пальцы забегали по клавиатуре.

– Вы вспомнили? – вытаращился я.

Оп-девять мрачно улыбнулся:

– Агент, не подчиняющийся правилам, имеет доступ к учетным записям всех пользователей.

Я вытянул шею и заглянул ему через плечо. Оп-девять вскрыл почту Майка и в полной тишине распечатывал одно письмо за другим.

– Что значит «Сов. сов. сек. Оп. Утопия»? – спросил я.

– «Сек. оп.», Альфред, – это «секретная операция». А «сов. сов. сек.» значит, что она относится к высшей категории секретности, то есть информация по ней предназначена только для директора Агентства.

– А «Утопия»?

– Впервые слышу, – покачал головой Оп-девять.

Тут подал голос мистер Нидлмайер, сорвавшийся на фальцет:

– Я слышал! Утопия – это идеальное общество!

Оп-девять посмотрел на него как на пустое место.

– А что? – приуныл Нидлмайер. – Так и есть.

– Довольно странно, – заметил Оп-девять. – По Уставу оперативники Девятого раздела должны быть в курсе всех сов. сов. секретных операций.

– Водолей, – сказал я. – Я уже встречал это имя в вашем компе.

– Водолей – это Франсуа Меривезер, директор АМПНА, – объяснил Оп-девять.

– Тогда все ясно. – Я выхватил у него CW3XD и ткнул стволом Майку под челюсть. – Считаю до трех, Майк!

– Альфред, – сказал Оп-девять, – если ты это сделаешь, мы никогда не решим загадку.

– Вы ничего не помните, – отрезал я. Мой голос срывался, к глазам подступили слезы. – Вы даже не знаете, что он сделал. Не только мне, Оп-девять, то есть Сэмюэл… – Мне было странно называть его Сэмюэлом после привычного «Оп-девять». – Я говорю про всех.

– Если ты его убьешь, это ничего не изменит.

– Меня не волнует, изменит это что-нибудь или нет. Он должен ответить за содеянное.

– Не тебе его судить.

– Только не начинайте читать мне проповеди, номер девятый. И лучше вообще не заговаривайте о Боге. Я что-то не замечал следов Его присутствия до того, как все это началось, а уж потом и подавно.

– Опусти пистолет, Альфред, – сказал Оп-девять.

– Опущу, только сначала с ним разберусь.

Тут Майк громко застонал, у него дрогнули веки, и я ткнул стволом ему в кадык.

– Смотри на меня, Майк!

Он опять застонал. Я наклонился к нему впритык:

– Все кончено, Майк. Ты отдашь нам Печать. И сделаешь это сию секунду.

– Достал… – еле слышно ответил он. – Достал…

– Достал? – растерянно переспросил мистер Нидлмайер.

– Кто достал? – спросил я. – Что достал?

– Ты достал меня уже.

– Нет, доставать я тебя не собираюсь. Я тебя просто пристрелю.

– Скажи ему, что она у нас, – предложил Оп-девять.

Я удивленно посмотрел на него: кто у нас?

– Скажи ему, что мы взяли его мать.

– Вы блефуете, – сказал Майк. – Не могли вы ее взять.

– Майкл, – спокойно произнес Оп-девять и встал рядом со мной так, чтобы Майку было видно, – ты меня знаешь. Тебе известно, кто я. И содержание Девятого раздела знакомо.

У Майка расширились зрачки.

– Я тебе не верю, – сказал он.

– Я ей передам. Объясню, что ты нам не поверил.

– Заткнись! – рявкнул Майк. – Заткни хайло, падре! Я не отдам Чашу.

– Великая Печать утеряна, – сказал Оп-девять. – Зачем тебе теперь Чаша?

– Хотя бы затем, чтобы этот ваш Эл не снес мне голову.

Оп-девять мрачно улыбнулся:

– Скажи, где она, Майк, или я отдам приказ.

Он протянул ко мне руку. Я сразу его понял и передал ему сотовый.

– Слушай, падре, я люблю свою мать, но пойми меня правильно – я всегда считал, что моя жизнь могла сложиться чуток иначе, если бы не она. Эл, ты же знаешь, как это бывает… Когда дело доходит до родителей, у нас не остается выбора. А некоторые из них бывают насквозь несостоятельными.

– Это номер девятый, – произнес Оп-девять в телефон. – Разрешаю выполнить код «дельта-альфа-танго». Повтор: разрешаю выполнить код «дельта-альфа-танго».

– Дай мне с ней поговорить, – сказал Майк.

Оп-девять притворился, будто слушает несуществующего собеседника.

– Да. Передайте ей, что Гиена отказывается сотрудничать.

– Передайте ей, что инстинкт самосохранения побил чувство кровного родства! – крикнул Майк, а потом добавил: – Гиена? Это вы мне такое имя дали?

– Очень хорошо, – сказал Оп-девять в телефон. – Да. Выполняйте код «дельта-альфа-танго». Немедленно.

– Подожди! – заорал Майк. – Ладно, я согласен! Отмени код!

– Стоп! – Оп-девять опустил руку с телефоном. – Где Чаша, Майк?

Майк судорожно набрал в грудь воздуха и выпалил:

– Подо мной.

Я аж застонал – мы не двигали его во время обыска. Я схватил Майка за плечо и скинул с кровати. Он шмякнулся на пол, а я побросал подушки через комнату. Прямо посреди дивана была небольшая дверца на петлях, а под ней углубление, откуда я и достал Священную Чашу. Она оказалась гораздо легче, чем я ожидал: тонкостенная, выкована из меди или бронзы и очень простая, без всяких узоров и символов.

Оп-девять захлопнул телефон, убрал его в карман и протянул ко мне руку:

– Я же сказал – нас разделила с ними надежда. А еще – милосердие.

Я отдал ему CW3XD.

– Ну вот, – продолжил он так же мягко, – видишь, Альфред? Он здесь. Тебе только что было доказано Его присутствие.

50

– Что теперь? – спросил Нидлмайер.

– Пора кое-что выяснить. – Оп-девять сгреб Майка с пола и швырнул на диван. – В чем заключается операция «Утопия»?

Рот Майка начал растягиваться в улыбке, но стоило ему встретиться с Оп-девять взглядом, как она мигом увяла.

– Очень благородное дело, которому помешал тупой пацан, – ответил Майк после короткой паузы.

– В Уставе четко прописано…

– О, только не надо цитировать мне Устав, падре, – возразил Майк. – Это не укладывается в его рамки.

– Твое увольнение – ширма?

Майк отвел взгляд, но Оп-девять, похоже, было все равно.

– Что задумал директор, Майкл?

– Одним словом? Мировое благополучие. Упс! Получилось двумя.

– Директор вышел за рамки Устава? Он организовал твое увольнение и похищение Печати из нашего хранилища… Он хотел, чтобы ты выпустил падших… Но зачем?

– Ты же АНП. Разве это не очевидно, как пузыри на физиономии Эла?

– Шантаж? Директор собирался с помощью падших шантажировать весь мир?

– Согласись, что красиво? После нашего маленького шоу в пустыне никто не посмел бы тягаться с Конторой. Больше никаких мелких диктаторов, никаких государств-изгоев, угрожающих миру. Как только кто-нибудь нарушает заведенный порядок, мы открываем Печать. Идеально. Конечно, мы не учли фактор Кроппа. – Майк глянул в мою сторону. – Когда-нибудь я убью тебя, Эл, Богом клянусь.

– АМПНА хочет править миром? – спросил я.

Оп-девять покачал головой:

– Не АМПНА, Альфред. Меривезер. Похоже, наш директор решил похерить Устав. Нас водили за нос.

– Это ничего, мне не привыкать, – отозвался я и повернулся к Майку. – Так вот почему ты пытался убить меня? Меривезер знал про

мою кровь и испугался, что ее можно использовать против демонов?

– Конечно знал, – кивнул Оп-девять. – Это было в твоем досье. После того как Майк якобы украл Печати, я приказал Эшли организовать твое извлечение. У меня не было полной уверенности, но я надеялся, что твой… дар можно использовать в CW3XD. И тогда Меривезер приказал Майку извлечь тебя первым.

– Экстремально извлечь, – поправил его я и пошел к выходу.

– Подожди, Альфред! – окликнул меня Оп-девять.

– Времени почти не осталось, – возразил я. – У нас всего два часа на то, чтобы добраться до Флориды.

– Я не уверен, что это разумно.

– У нас нет выбора, – огрызнулся я. – Если не поедем, нас поглотят.

– Но если поедем, то им ничто не помешает нас поглотить.

– Разве не в том и беда?

– Игра окончена, – вставил Майк. – Выхода нет.

– Может, я чем-нибудь помогу? – вмешался мистер Нидлмайер. – Только никто не потрудился объяснить мне, что происходит с этими Печатями… что это за АМПНА… что за демоны… и все остальное…

Мы его не слушали.

– Поймите, Оп-девять, – сказал я, – нас двое, а мне в Чикаго назначили срок и четко объяснили, что, если я не приеду, расплата будет адской в буквальном смысле слова. Наверное, я заключил, что называется, сделку с дьяволом – с шестнадцатью миллионами дьяволов, – и мы либо едем, либо лишаемся всякой надежды. А кроме нее, у нас ничего и нет.

Майк рассмеялся:

– А как у тебя со здоровьем, Эл? О, прости. Забудь.

– Где ваша монтировка? – спросил я у Нидлмайера.

– Альфред, я знаю их лучше, чем ты, – сказал Оп-девять. – Не думай, что они будут действовать честно.

– Нет, я думаю, что они продолжат пожирать меня изнутри, пока не сожрут целиком. Нет, не убьют. Я мертв. Я ходячий труп, Сэмюэл, вот что означают личинки. Меня уже поздно спасать, но мир, возможно, и нет.

– Чаша – тюрьма для Пеймона. Он не будет рисковать и никогда не отдаст Печать.

Я сделал глубокий вдох и выпалил:

– Тогда почему бы нам его не взорвать?

Оп-девять изумленно посмотрел на меня.

– Сколько моей крови вы закачали в пули? Наверное, пару капель. А если мы используем… больше?

– Альфред, – сказал Оп-девять, – то, что ты предлагаешь…

– По-моему, это классная мысль, – снова встрял Майк. – Давайте взорвем Эла.

– Я серьезно, – ответил я. – Если мне удастся подобраться поближе к Пеймону… Это даст вам несколько лишних секунд.

– Эй, святой Альфред, – сказал Майк. – Ты же хотел умереть в пропасти? У тебя был шанс.

Я долго и пристально смотрел на Майка. Он держит меня за запястье. В другой руке у меня черный меч.

И тут меня осенило. Ответ родился с той же скоростью, с которой в морге вернулась память.

Я обратился к Нидлмайеру:

– Где во Флориде находится Дэвилс Миллхоппер?

– В Гейнсвилле.

Тогда я повернулся к Оп-девять:

– Теперь дошло. По-моему, я знаю, что делать.

51

Мы потрусили к «лексусу», Майк поплелся за нами.

– Скажите правду! – крикнул он. – Ведь мама не у вас?

Оп-девять обернулся и ответил:

– Ты не узнаешь этого до самого конца, чем бы ни кончилось дело. Ты нейтрализован как фактор, Майкл.

– Терпеть тебя не мог, – сказал тот. – И можешь поспорить на последний доллар, что директор обо всем узнает.

– Если у нас получится, он перестанет быть директором, а ты – оперативником. Вы нарушили незыблемое правило – никогда не вмешиваться в дела другого государства. – Темные глаза Оп-девять сверкнули. – И этим поставили под удар все, что должны защищать.

Он сел в машину, я устроился рядом, а Нидлмайер захлопнул дверь с моей стороны. И мы поехали обратно. Я оглянулся и увидел, как исчезает в тумане силуэт Майка Арнольда.

– А теперь, Альфред, рассказывай, что ты задумал, – потребовал Оп-девять. – Что надо сделать?

Я все ему объяснил. Оп-девять и Нидлмайер ни разу меня не перебили.

Мы ползли сквозь густой туман по шоссе Алкоа, и, когда я закончил, до аэропорта осталось мили две.

– Это безумие, – сказал Оп-девять.

– Ну, – отозвался я, – если кто-то еще не заметил, я уверенно двигаюсь в этом направлении.

– Но это же безнадежная затея!

– Вы знаете, что это не так, – возразил я. – Пеймону моя смерть не нужна – слишком большой риск.

– Альфред, для Пеймона твоя жизнь ничего не значит.

– Это да, зато Чаша значит для него очень даже много. И без меня ему к ней не подобраться.

Оп-девять тряхнул головой. Я откашлялся и продолжил:

– В любом случае, даже если это не сработает, Чаша останется у вас, и вы придумаете что-нибудь еще.

Оп-девять отвернулся и посмотрел в окно, хотя ничего там не увидел, кроме своего отражения. Он накрыл мою кисть ладонью:

– Альфред, мне очень жаль, что все так получилось. Прости, что привел тебя к нексусу и за то, что обманывал.

– А зачем вы привели меня к нексусу?

– Ты носитель активного агента. Надо было подготовиться к любому повороту событий.

– Значит, вам тоже пришло это в голову? Превратить меня в бомбу?

Оп-девять не ответил, он просто сидел и смотрел на свое отражение.

– Нелегко это, да? Быть АНП?

Он покачал головой:

– Нелегко. – Потом хотел сказать что-то еще, но, видно, передумал и повторил: – Нелегко.

Суперкар был припаркован там, где я его и оставил. Я перенес в машину вещмешок Оп-девять и свой меч, закинул все на заднее сиденье, а мистер Нидлмайер растерянно стоял в сторонке.

– Со мною в жизни ничего подобного не случалось, – заметил он, когда я вернулся к «лексусу», и зачем-то добавил: – Мне страшно, Альфред.

– Займитесь чем-нибудь, помогает, – посоветовал я. – Иначе это начнет пожирать вас изнутри. Вам, кстати, известно о потайном отделении в столе мистера Сэмсона?

Нидлмайер ничего не ответил, просто уставился на меня.

– Насколько я понял – нет. В столе мистера Сэмсона есть тайник. Надо поднять столешницу. Под нею – кнопочная панель. Цифрам соответствуют буквы, как на телефоне. Пароль – мое имя.

– Твое имя?

– Я сейчас цифры не вспомню, но пароль – «Альфред». Когда откроете, положите туда Чашу и снова закройте. Все понятно?

– Да, все, – кивнул Нидлмайер. – Еще что-нибудь, Альфред?

– Я не хочу, чтобы меня усыновил Хорас Таттл.

– Да, конечно, но ты же понимаешь, что последнее решение за судьей.

– И я не хочу, чтобы он стал попечителем. Пусть им будете вы.

– Я?

– А если я не вернусь – скорее всего, так и случится, – я хочу, чтобы вы роздали все деньги.

– Роздал… Кому?

– Ну, не знаю. Найдите достойных людей. Для начала – детей, которые живут у Таттлов. И начните, пожалуйста, с пацана по имени Кенни. Позаботьтесь о нем, мистер Нидлмайер.

– Да, конечно.

– Я все это говорю на случай, если ничего не получится. Но что-то я заболтался. Мне пора. До свидания, мистер Нидлмайер.

Вернувшись к суперкару, я достал из вещмешка старую книгу с картой и обратился к Оп-девять:

– Вы за рулем. Мне надо все вызубрить.

52

Я прочертил пальцем маршрут и сказал Оп-девять:

– По семьдесят пятому шоссе до самого Гейнсвилла.

На карту я потратил целых две минуты. И почему их всегда так сложно складывать? Просто пазл какой-то. В итоге я сдался и сунул ее за подголовник, потом открыл «Арс гоетия» и полистал ее в поисках нужного заклинания.

Оп-девять мельком глянул на меня:

– Произносить надо слово в слово, иначе не сработает.

– Спасибо за подсказку, – буркнул я. – Тут штук двадцать заклинаний. Мне какое использовать?

– «Слова принуждения».

Это отдельное заклинание растянулось на половину страницы, а у меня и в лучшие времена с запоминанием было хуже некуда. Я посмотрел на Оп-девять.

«Спроси у него, – прошептал голос у меня в голове. – Спроси, и увидишь, что он скажет!»

Голос не был сюрпризом, он уже некоторое время нашептывал всякую всячину, и бульшую часть времени мне удавалось его игнорировать. Но теперь он стал громче и звучал все настойчивее. Я знал, кому он принадлежит. Я уже слышал его раньше. Это был голос Пеймона, короля демонов.

Я откашлялся и сказал:

– Я знаю, это все из-за меня…

«Ты во всем виноват, жалкая оболочка!»

– Наверное, если уж я во всем виноват, то мне и следует исправлять. Но может, будет логичнее, если это сделаете вы?

«А теперь слушай, как он от тебя отречется!»

Оп-девять промолчал.

– Вам же не надо учить заклинания? – продолжил я. – Вы их и так уже знаете.

Оп-девять даже не взглянул на меня и только крепче сжал руль.

«Видишь? Ты совсем один. Никто тебе не поможет».

Я потер виски:

– Они со мной разговаривают. У меня в голове. Как по-вашему, они могут читать мои мысли?

– Не знаю, Альфред.

– Потому что если могут, то они знают мой план, и тогда нет никакой надежды.

– Никакой надежды, – эхом отозвался Оп-девять.

– Ну, зато мне не грозит одиночество, – попытался пошутить я, но он не рассмеялся.

– Я тоже их слышу, Альфред, – тихо сказал Оп-девять. – Но вряд ли мы с тобой одержимые в общепринятом смысле этого слова. Скорее всего, то, что мы слышим, – это наши сомнения и страхи, только усиленные в десятки раз.

– Ни черта не понял.

– Наши страхи, – повторил Оп-девять. – Голос нашего отчаяния. Мучительные сомнения, которые мы прячем от других, но они есть у всех. Падшие обратили их против нас.

«Тупой, жалкий, мерзкий неудачник! Неужели ты веришь, что сможешь нас одолеть? Мы были до начала времен и будем всегда! Как смеешь ты, мерзкая куча гниющей плоти, подвергать сомнению наше господство!»

Туман стал совсем густым, и при нулевой видимости казалось, что мы вообще не двигаемся.

– Мы все равно не успеем к сроку, – сказал я. – Давайте съедем на обочину и дождемся конца.

– Альфред… – начал Оп-девять, но осекся. Что-то впереди привлекло его внимание.

В тумане возникла дыра: круглая, с гладкими краями и вдвое больше нашей машины. Это было похоже на вход в тоннель.

«Иди к нам, оболочка. Принеси нам Печать».

– Они решили нам помочь, – сообщил я.

Оп-девять хмыкнул, но ничего не сказал, а его лицо стало непроницаемым, как в былые времена.

– Вперед! – скомандовал я, и Оп-девять выжал газ.

Мы ворвались в тоннель на скорости двести тридцать миль в час, и стены из тумана понеслись мимо, закручиваясь в спираль. Я оглянулся и увидел, что тоннель смыкается у нас за спиной.

Миль через сто слова заклинания превратились в плавающие перед глазами черные кляксы.

– Ничего не получится, – признал я.

– Тебе надо отдохнуть, попробуй поспать, – предложил Оп-девять.

– Если мне что-то и надо, так это почистить зубы. Я даже не помню, когда последний раз их чистил. Я, знаете ли, горжусь своими зубами. Это единственное, что мне нравится в моей внешности.

Я провел языком по передним зубам, и левый резец качнулся. Знание дальнейшего ничуть меня не утешило. Я надавил на зуб пальцем и выломал его из челюсти.

– Что это? – спросил Оп-девять, когда я выплюнул зуб на ладонь.

Во рту появился медный привкус крови. Зуб в руке. Мокнущие фурункулы на теле.

– Альфред?

Я бросил зуб на пол и, хотя понимал, что делать этого не следует, взялся за коренной. Послышался хлюпающий звук, и зуб легко вышел из десны.

– Уроды! Сволочи!

Я швырнул зуб в лобовое стекло. Оп-девять резко повернулся в мою сторону, а я с остервенением затопал ногами. Он, должно быть, решил, что я окончательно спятил, и сбросил газ, но я заорал, чтобы он гнал быстрее.

Приступ бешенства длился недолго, для таких вспышек нужно много сил, а у меня их почти не было. Как и всего прочего. Я провел рукой по волосам, и в кулаке остался клок. На выпадение волос я уже никак не отреагировал.

После той ночи в Сахаре меня понемногу обрабатывали, и мне пришло в голову, что к тому моменту, когда мы доберемся до двери дьявола, я превращусь в огрызок. Обрубок Кроппа. Кожа начала обвисать, и даже стало интересно – не слезет ли она, как со змеи? Тогда я буду похож на трехмерную модель с обнаженными мышцами и сухожилиями, по которой изучают анатомию человека.

Я сидел, откинувшись на спинку сиденья, хватал ртом воздух и шмыгал носом. Оп-девять молчал, вцепившись в руль, и не отрываясь смотрел на крохотную черную точку впереди. Вскоре я заметил, что белые, как вата, стены тоннеля пожелтели, а потом стали темно-оранжевыми.

– Что происходит? – спросил я, но Оп-девять не ответил. – А вы, пока не очухались, были куда разговорчивее. В чем дело? Боитесь выболтать какой-нибудь секрет?

– Память вернулась ко мне возле хижины Майка. Я находился за ней, когда услышал шум драки у входа. Пошел на звук и увидел, как вы с Майком катитесь по склону. Вот тогда я все и вспомнил.

– Когда ко мне вернулась память, меня будто сбило товарняком.

– Да. Я тоже испытал нечто подобное.

Я снова открыл книгу и вырвал из нее страницу со «Словами принуждения». Оп-девять поморщился от треска. Я сложил страницу вчетверо и сунул ее в передний карман «докерсов».

– Учти, там будет очень мало кислорода, – сказал Оп-девять. – Весьма вероятно, что ты потеряешь сознание.

Мне захотелось ответить, что не менее вероятно то, что я тресну ему по голове этой тяжеленной книгой, но промолчал.

– Или замерзнешь насмерть.

– Понятно…

– И весь твой план держится на допущении антропоморфизма.

– Да, меня очень беспокоил этот вопрос, – поддакнул я. – Антропоморфизм.

– Они думают иначе, чем мы, Альфред. Пеймон может поискать другой способ завладеть Чашей.

– Тогда зачем было посылать меня на ее поиски? Они могли убить меня еще в том доме, в Эванстоне. Почему же они этого не сделали?

Оп-девять поджал губы и снова уставился на дорогу.

– Ты же знаешь почему?

– Есть гипотеза.

– С удовольствием послушаю.

– Не думаю, что это будет разумно с моей стороны.

– Именно. Неразумно. Так же, как брать у меня кровь.

– Ты знаешь, почему мы молчали.

– Первый протокол?

Оп-девять кивнул.

– Но вы не обязаны соблюдать Первый протокол, – сказал я. – Вы АНП и, если захотите, можете наплевать на правила. Ладно, теперь хоть понятно, зачем вы держали меня при себе. Не хотели рисковать источником активного агента?

Зубы шатались, я старался поменьше шевелить языком и говорил, как на приеме у дантиста, словно в рот напихали ватных тампонов.

– Альфред, я много лет разрабатывал оружие, способное контролировать агентов вторжения. Проблема была в том, что я не мог найти активный агент. Но потом доктор Смит показала мне твое досье. Это было сразу после того, как Майк выкрал Печати. И я решил, что твоя кровь может обладать необходимыми свойствами…

– И вы, как только затащили меня на «Пандору», сразу начали качать из меня кровь и заряжать ею патроны.

– Мы были в отчаянии.

«Он предал тебя один раз и предаст снова!»

Стены тоннеля стали кроваво-красными. Мы явно приближались к цели.

– Когда все кончится, куплю себе такую машину. – Я подумал, что если все время говорить, то голоса заткнутся. – Тогда-то уж девчонки меня заметят. Но придется соблюдать правила, и мне будет трудно, потому что я уже привык к скоростям. Наверное, плюну на них. На правила дорожного движения, а не на девчонок. Ведь так и бывает, Сэмюэл, если начинаешь нарушать правила? Мне кажется, что я, когда вернусь в школу, буду ржать математичке в лицо. Раньше, когда она раздавала задания, я обливался путом, у меня сводило желудок и вообще меня трясло от страха. Больше этому не бывать. И девчонок я до смерти боялся. Особенно красивых. Но после всего случившегося у меня с ними проблем не будет. Хотя, наверно, трудно добиться свидания, когда ты остался без зубов и от тебя разит, как из канализации.

Оп-девять тяжело вздохнул:

– Наша жизнь, Альфред, редко похожа на ту, о которой мы мечтаем. – Он немного сбавил газ. – Тоннель уходит вправо. Похоже, мы подъезжаем к выходу.

53

Оп-девять вырулил на съезд, и я сверился с часами.

– Почти полчаса в запасе. Это хорошо. Обычно я не такой пунктуальный.

В небесах грянул гром, и машину тряхнуло.

– Они, должно быть, включили все примочки: гром и молнии, лед и пламень с небес, землетрясения, торнадо, цунами – все, чего пожелает душа. Это вполне по-библейски, но в Библии половина катастроф – дело рук Господа. Вы были священником. К чему это все?

Где-то через полмили тоннель резко свернул влево, потом вправо, и мы увидели впереди *это*. Вращающееся оранжевое свечение с вкраплениями белых искр. Там, где с ним соприкасались красные стены тоннеля, образовалось кольцо белого пламени. Я вспомнил цирк, где несчастных котяр заставляют прыгать через горящие кольца.

Оп-девять сбросил скорость, затормозил ярдах в ста от этой пылающей при двери дьявола пасти и выключил двигатель.

– Это глупость, – пробормотал он.

– Заткнитесь, – сказал я.

– Безумие.

– Послушайте, хватит, а? Что это за поддержка? – Я начал дрожать, хотя в машине было тепло. Меня так трясло, что даже челюсти заклацали, и я испугался, что раскрошатся последние зубы. – Вы должны вселять в меня ув-увер-уверенность. Наверно, паршивым вы были священником.

– Да, я был паршивым священником.

Я взглянул на Оп-девять. Он не отрываясь смотрел на огненную пасть.

– Сэмюэл, что вы увидели в глазах Абалама? – спросил я.

– Ты знаешь.

– Абхазию?

Оп-девять кивнул, в его темных глазах отражались оранжевые и белые языки пламени.

– Абхазия, у Черного моря. Там находится Крубера – самая глубокая пещера на свете. Компания получала сообщения о…

необычных явлениях в этом районе. Самые убедительные приходили от команды исследователей из Национального географического общества. Они опустились до отметки пять тысяч футов, а потом вдруг решили вернуться на поверхность. Ты знаешь, в чем я специализируюсь, Альфред, и мне не нужно тебе объяснять характер этих необычных сообщений. Как и причину, по которой команда опытных и высококвалифицированных ученых прервала экспедицию в глубины Круберы. В недрах Земли есть нечто такое, что нельзя беспокоить. Восемнадцатого июля тысяча девятьсот восемьдесят третьего года мы вдвоем опустились в Круберу. Я и лучший в то время оперативник Агентства. Молодой человек с блестящим будущим, мой протеже; он боготворил меня и был готов выполнить любой мой приказ, пусть даже неразумный. Таких оперативников и подбирают в АМПНА, Альфред. Ищут мужчин и женщин, которые ради миссии готовы шагнуть за врата ада. – Оп-девять горько усмехнулся. – Миссия! На третий день, когда мы достигли отметки четыре тысячи футов, произошло землетрясение. В том регионе это обычное явление. Хотел бы я сказать, что оно случилось по естественным причинам… но не могу. До сих пор не могу. Пещеру завалило в тысяче футов над нами. Мы оказались погребены под тремя тоннами камней. У нас были вода и запас продовольствия, которого хватило бы на семь дней для двоих.

Оп-девять тяжело сглотнул, его острый кадык дернулся вверх и вниз.

– Или одному на четырнадцать, – сказал он.

– Значит, ваш друг погиб во время землетрясения? – спросил я.

– Нет. Он не погиб, Альфред. Мы отделались легкими ушибами.

– Но Эшли сказала, что один вернулся живым.

Оп-девять кивнул:

– Контора сразу прислала команду спасателей. Связь с поверхностью сохранилась. Нам сообщили, что, по всем расчетам, на операцию спасения уйдет… тридцать дней.

Оп-девять замолчал. Тишина стала гнетущей. Меня уже так трясло, что заболела шея.

– И что? Он умер от голода? Но как же вы выжили, если пробыли там целый месяц?

– Он умер не от голода, Альфред.

– Тогда… – Я запнулся. – О боже. Нет, вы не могли…

– Ты сам сказал, что я не обязан соблюдать Первый протокол. Точнее будет сказать, что я и есть Первый протокол. Я его воплощение. Я – агент, который его не соблюдает. Оперативник номер девять. Я сам и есть миссия, а миссия не может погибнуть.

Впервые за весь рассказ Оп-девять посмотрел мне в глаза:

– И я сделал то, что должен был сделать, во имя миссии.

Я откашлялся.

– Все равно не сходится. Тридцать дней на операцию по спасению, а продуктов было только на две недели. Как вы…

Я ждал, что он скажет, но сам уже знал ответ и только теперь понял, насколько жестоко было с моей стороны просить его рассказать об этом.

– Сам видишь, Альфред, порой хорошо быть оперативником Девятого раздела. Без имени, без прошлого, без… барьеров. Это кодифицированное отпущение грехов. Иногда, когда не могу заснуть, я перечитываю этот раздел. Как умирающий в страхе перечитывает Священное Писание. Но успокоение, которое он дарит, мимолетно. Потому что тот, кого до Абхазии звали отцом Сэмом, умер в бездне под названием Крубера.

54

Оп-девять пристально смотрел туда, где тоннель из тумана заканчивался огненным кольцом.

– Сэмюэл, – окликнул я его, – время вышло. Нам надо идти.

– Я не могу пойти с тобой, Альфред, – сказал он.

– Как это вы не можете со мной пойти?

Оп-девять повернулся ко мне, в его глазах стояли слезы.

– Ты говорил мне о месте между безумием и отчаянием. Мне оно отлично знакомо. Мы оба очутились там после исчезновения Печати.

– Это не вы, – возразил я. – Это они. Не поддавайтесь им, Сэмюэл. Вы нужны мне. Без вас у меня ничего не получится.

– Мы были глупцами, Альфред. Все кончилось в тот миг, когда Пеймон завладел кольцом. Крубера вернулась, но уже без надежды на спасение. Вообще без всякой надежды. – Он наклонился ко мне и шепнул: – Знаешь, за что они нас ненавидят? За надежду. У них ее нет, и поэтому они нас ненавидят. А тебя – больше всех, потому что в твоих жилах струится небесная мощь. Их ненависть уступает только их страху. Это он помешал им в Эванстоне – боязнь того, что может высвободиться, если они тебя убьют.

Оп-девять достал из кармана все ту же металлическую фляжку, которую я видел в пустыне перед атакой на демонов. Он отвинтил крышку и плеснул немного воды на дрожащие пальцы. И голос его, когда он рисовал крест у меня на лбу, тоже дрожал:

– In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Благослови тебя Господь, Альфред Кропп, последний сын Ланселота, хозяин Святого Меча, любимец святого Михаила, архангела, Принца света и воина Господа, который низверг падших с небес! Пусть он хранит тебя и поможет пройти через это испытание.

После этих слов Оп-девять снова перекрестил воздух:

– In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. – Он положил руки мне на плечи. – А теперь ступай, Альфред. И да пребудет с тобой Господь.

Зубы – те, что еще оставались, – стучали так сильно, что я с трудом выговаривал слова.

– Лучше бы вы.

– Я прошел, сколько смог.

– Я тоже. Но я должен идти дальше. Сэмюэл, я тоже утратил надежду, но все равно пойду вперед, так как иначе окажется, что я действительно умер. Я побывал в объятиях демонов, но меня обнимали и ангелы. Вот почему я не остановлюсь. Вы можете остаться, но я пойду дальше.

Я никак не находил нужных слов, чтобы Оп-девять передумал, как будто слова могли помочь.

Даже если Оп-девять пойдет со мной, он все равно ничего не сможет сделать, но нас, по крайней мере, будет двое. Встреча с демонами в одиночку была страшнее самой встречи.

Я нажал на кнопку, дверь отворилась. Выбравшись из машины, я забрал с заднего сиденья меч и сунул его за ремень.

– Вы хоть подождете меня? – спросил я.

Оп-девять промолчал.

– До свидания, Сэмюэл.

Я отошел от машины, и дверь начала с жалобным стоном опускаться, а когда наконец закрылась, щелчок замка показался мне неестественно громким.

Я направился к светящемуся кругу. Пар вырывался изо рта и кружил в холодном воздухе над моей головой. Мне показалось, что я потяжелел фунтов на двадцать, как будто они что-то сотворили с гравитацией. Надо мной, за почти непроницаемым куполом тумана, поблескивали молнии, которые временами были настолько яркими, что я видел свою тень на замерзшем, усыпанном ледяной крошкой асфальте. Я уже еле передвигал ноги.

И не оглядывался. У меня не было сил повернуть голову. Дышал я ртом, едва его разевая, и вонь от меня исходила просто невозможная. От этого запаха заслезились глаза. Раньше я думал, что так пахнут гниющие фрукты, но теперь понял, что это зловоние смерти.

Сквозь слезы я увидел светящиеся силуэты, которые окружили огромную дыру в земле. Дыра была черная, и свет утекал в нее, как в водосток.

Я достиг двери дьявола.

55

В голове помутилось от ужаса. Такой же парализующий страх охватил меня в пустыне, когда мы с Эшли прятались под брезентовым пологом. Только сейчас мне некого было схватить за руку. Каждый вдох причинял боль, я едва волочил ноги.

– Святой Михаил, защити! – простонал я сквозь сломанные зубы, и голос мой прозвучал глухо. – Святой Михаил, защити…

Один из светящихся силуэтов двинулся в мою сторону. От его короны расходились слепящие синие, красные и зеленые лучи. Я остановился лишь потому, что у меня не осталось сил на следующий шаг.

«На колени, оболочка!»

Глотая слезы, я опустился на колени у ног короля Пеймона. Челюсть у меня отвисла, как у древнего старика. Все было кончено. О чем я думал? Мне не выстоять против этих существ. Сэмюэл был прав. Это безумие. Пеймон никогда не поверит в мою выдумку. И вот что поистине странно: лучше лгать Богу, чем демону. Бог простит.

«Где Печать?»

– У меня ее нет.

Я ощутил давление, словно меня стиснули в огромном кулаке, и в голове вспыхнул образ агента Берта, разлетающегося в пустыне на куски.

– Но я знаю, где она! – еле выдавил я, и хватка демона ослабла. – Я… отведу тебя к ней, о Всемогущий Король.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом какая-то сила приподняла меня над землей, и я повис, как шмат мяса на крюке.

Передо мной возник серый силуэт. Он был таким огромным, что, кроме него, я уже ничего не видел. Пуще прочего выделялась слюнявая пасть с острыми клыками, каждый из которых был размером с оставшийся позади суперкар. Туловище было футов двадцать пять длиной и сегментированное, как у кольчатого червя, но с огромными кожистыми крыльями.

– Я хотел обмануть тебя, но теперь понимаю, что не смогу. Я отведу тебя к ней, – продолжил я, захлебываясь слезами. – Я оставил

ее в Ноксвилле, я отведу тебя к ней…

В тот миг у меня было только одно желание – угодить, отдать ему то, что он хочет.

А потом я очутился на спине этого чудовища, за Пеймоном. Все произошло так быстро, что я не успел сделать вдох, а мы уже взмыли в небо.

Концентрические круги, образованные шестнадцатью миллионами огненных всадников, разомкнулись, и дальше ничего не было видно, потому что мы помчались сквозь облака. Я зажмурился. Ветер ревел в ушах, от вспышек молний перед глазами расплывались красные круги. Потом воздух стал разреженным, и грудь пронзила кинжальная боль, а барабанные перепонки едва не лопнули.

Спустя еще несколько секунд я заставил себя открыть глаза. Над нами сияли миллиарды звезд и яркая луна освещала хребты и долины туч, которые раскинулись под нами, как бескрайний пушистый ковер.

Но демон продолжал подниматься все выше и выше. Перед глазами поплыли черные точки, дышать стало почти невозможно, одежда примерзла к телу. Я не знал, достаточно ли высоко мы взлетели, но все равно приказал себе продержаться еще несколько секунд. Демон должен был выровняться, иначе он рисковал убить меня до того, как мы доберемся до Чаши. Все на этом и строилось – на предположении, что ему не все равно, жив я или мертв.

Мы выровнялись. Я снова закрыл глаза и увидел детвору, играющую в соккер на ледяном поле. Я слышал, как они смеются и что-то кричат друг другу, пока мяч скачет и скользит по гладкому льду. Пора валить. Ради них..

– Отпускай, Кропп, – шепнул я себе. – Отпускай.

Так я и сделал.

*** * ***

Двадцать девять тысяч тридцать пять футов.

Я соскользнул со спины Пеймона. Падал я лицом вверх и спиной к облакам, а потому видел, как демон описал широкую дугу и пошел на снижение. Я вытащил из-за ремня черный меч. Обхватив его левой

рукой, я прижал ледяной клинок к груди, подвел острие под самый подбородок и стал ждать, когда демон настигнет меня.

«Святой Михаил, защити!»

Ветер с воем бросал меня из стороны в сторону и грозил пустить в штопор. Держаться на спине было так же трудно, как оставаться на плаву в шторм. Начни я кувыркаться в воздухе, то не увидел бы, как приближается эта тварь. А я должен был это увидеть. И Пеймон должен был догнать меня до того, как я врежусь в облака. Мне не удастся рассчитать следующий ход внутри грозового фронта.

Туловище чудовища было черным, как космос, и закрывало звезды, надвигаясь на меня.

Я ждал. Когда Пеймон приблизился настолько, что я различил его сверкающие злобой глаза, и протянул ко мне руку, я полоснул мечом. Острый клинок распорол мою левую ладонь, как ножны, и воющий ветер сразу отвел его в сторону.

В лицо ударила волна горячего воздуха. Демон был прямо надо мной, он склонился со спины своего летающего червя. Лучи от его короны обжигали глаза. Я протянул к нему левую руку, и он схватил меня за запястье.

Мое свободное падение остановилось.

Теперь я видел кольцо, сверкавшее на указательном пальце демона. Великая Печать Соломона была всего в одном футе от моего лица.

Наши взгляды встретились, и все, что я хранил внутри, вылилось из меня в глаза короля демонов, как свет – в черную пустоту дверей дьявола. Он заглянул в меня и узнал обо всем, что я собирался сделать.

«Святой Михаил! Защити!»

Я взмахнул мечом и ударил окровавленным клинком по его запястью.

Вспыхнул ослепительно-яркий белый свет, рука с Печатью отделилась от тела, и я снова полетел вниз.

* * *

Восемнадцать тысяч девятьсот восемьдесят футов.

Прижимая к себе руку демона, я вонзился в облака на скорости пятьсот миль в час, а рука острыми когтями пыталась разорвать вены у меня на запястье, потому что, как выразился Оп-девять, нельзя убить то, что никогда не жило.

Мне было не сорвать кольцо одной рукой, и я выпустил меч. Ветер хлестал меня со всех сторон и замедлял падение. Вокруг сверкали молнии. Каждый волосок, который еще оставался на моем теле, встал дыбом. Гремели раскаты грома, дико выл ветер, в ушах ревела кровь.

Я отпустил Пеймона, но его рука ползла по мне, как гигантский паук. Ледяные пальцы обхватили мое горло и начали сжиматься. Перед глазами замельтешили черные точки, кишки свело, и я судорожно задергался, пытаясь вдохнуть хоть глоток воздуха.

С трудом просунув два пальца между большим и указательным пальцем демона, я из последних сил рванул его руку вниз. Она разжалась, и я почувствовал, как когти оставили у меня на шее глубокие борозды.

Дрожащей от слабости правой рукой я схватился за кольцо, а левой ладонью на долю секунды прижал извивающуюся руку демона к животу. Доля секунды – это все, что мне было нужно, чтобы сорвать с его пальца кольцо.

Я отнял левую ладонь от живота, и рука демона устремилась вверх, в черные клубящиеся облака.

* * *

Девять тысяч четыреста пятьдесят футов.

Я оказался в самом сердце грозы. Восходящие потоки кружили и подкидывали меня, слегка замедляя падение, а дождь и град величиной с четвертак лупили со всех сторон.

Я надел кольцо на левый указательный палец и завыл.

Я постарался перекричать, хотя не знал, так ли важно, чтобы король демонов услышал меня.

– Заклинаю тебя, дух Пеймон, заклинаю всеми самыми…

И после этих слов у меня все вылетело из головы. Впрочем, я догадывался, что именно так все и будет. Я выхватил из кармана

страницу с заклинанием. Любой разумный человек растолкует вам, как это просто – читать, пока летишь сквозь грозу, когда тебя швыряет туда-сюда ураганный ветер, а непроглядную тьму постоянно разрывают ослепляющие вспышки молний. Но все это не имело значения, потому что ветер и град в считаные секунды изорвали страничку, я даже не успел ее расправить и поднести к носу.

Я влип. Мое тело на скорости пятьсот миль в час врежется в землю и разобьется, как упавший с небоскреба арбуз. Мои останки будут находить по всем штатам от Мэна до Айдахо. Пеймон завладеет кольцом, и война будет закончена. Мир погибнет, и все потому, что я поддался ненависти к Майку.

Я скрестил руки на груди и перевернулся лицом вниз. Потом, как парашютист, развел руки и ноги и слегка согнул колени. Мне почему-то показалось, что этим я замедлю падение. Не знаю, помогло ли это, потому что я даже не знал, зачем парашютисты падают именно так. Возможно, это не имеет никакого отношения к скорости. Может, им просто нравятся ощущения, которые возникают, когда ты несешься к земле на скорости двести пятьдесят футов в секунду.

«Святой Михаил! Святой Михаил, защити!»

Два широченных луча света пронзили потоки дождя и града. Я услышал демонов. Они с дикими воплями неслись за мной быстрее мысли, явно намереваясь разорвать меня на куски.

* * *

Пять тысяч сто тридцать четыре фута.

Я закрыл глаза. Весь страх ушел. Это было странно. Я совершенно не боялся. И мне уже не было холодно. И град меня больше не жалил – наверно, потому, что к этому моменту я успел пролететь сквозь толщу облаков. Я ощущал только тепло и пустоту. Это не больно. Вряд ли я что-то почувствую, когда врежусь в землю.

Я чувствовал затылком жар демонов.

– Заклинаю тебя… – прошептал я и снова сбился, потому что на сей раз не смог вспомнить даже имени демона.

Но все это уже не имело никакого значения.

Оп-девять сказал, что все было кончено в тот миг, когда Пеймон завладел кольцом. Но для меня все завершилось годы назад. И они знали об этом. Все кончилось в тот день, когда умерла мама. Вот почему Пеймон называл меня оболочкой. Что-то умерло во мне, когда ее не стало.

«Они видели твое подлинное лицо, которое ты прячешь от всех, даже от себя самого».

Вот каким оно было – мне двенадцать лет, мамы больше нет, и я безумно боюсь даже думать о том, что остался один на всем белом свете. Боюсь до смерти. Демоны увидели мой величайший страх и предъявили его мне. Лицо, которое я прячу, – это лицо гниющего трупа.

«Святой Михаил! Защити!»

* * *

Три тысячи семьсот восемьдесят девять футов.

Под сомкнутыми веками зажегся мягкий свет, и я почувствовал умиротворяющее присутствие знакомого существа. Такое я испытывал только во сне. И я услышал голос, который назвал меня «любимым». Внезапно страх и паника улетучились, и образовавшуюся пустоту заполнил свет настолько чистый и яркий, что я не мог различить лица, но почувствовал, как меня обхватили, и дальше мы падали вместе.

«Говори, любимый, я дам тебе слова».

Мой рот открылся, и все вокруг стихло – не гремел гром, не завывал ветер, не стало ни звука, и только мой голос загремел, как товарный поезд.

– Я заклинаю тебя, дух Пеймон, заклинаю именем величайшего, непостижимого и всемогущего Господа, Повелителя Сонмов, немедленно вернись…

Слова лились из меня легко, будто я произносил их ежедневно.

– Я заклинаю и подчиняю тебя, о дух Пеймон… именами семи великих, коими Соломон Мудрый поместил тебя и твоих воинов в Медную Чашу…

Руки отпустили меня. Свет потускнел. Я летел сквозь облака к пылающей земле. Демоны приближались, но я был спокоен, как

старичок, который теплым летним днем сидит на парковой скамейке и мирно кормит голубей.

– Если же ты не явишься и не исполнишь мою волю, я обреку тебя на вечные муки и брошу тебя в озеро из огня и серы…

Краем глаза я заметил, как засветилось кольцо.

* * *

Одна тысяча двадцать три фута.

Теперь я мог видеть землю, только земли внизу не было. Я обнаружил море огня, которое выстреливало в меня стофутовыми языками пламени. Смотреть на него было больно, как на солнце.

Я снова свел руки и ноги и перевернулся на спину. Все небо надо мной заполнили бесчисленные огненные шары, которые как метеоры мчались к земле, и во главе этих орд летел Пеймон с горящим мечом в правой руке. Тварь, им оседланная, разинула клыкастую пасть и мчалась быстрее, чем я падал. Адское пламя рвалось мне навстречу. Я выставил левый кулак, направил в их сторону кольцо и завершил заклинание:

– Приди, Пеймон! Ибо это не я, а сам Господь приказывает тебе!

* * *

Четыреста семьдесят шесть футов.

Тварь разинула пасть, и меня объял жуткий смрад.

– Спаси меня, – прошептал я, потому что слова кончились.

Чудовище подхватило меня всего в четырех футах от бушующего пламени и понесло в зубах, как собака носит своих щенят. Оно аккуратно опустило меня на выжженную, дымящуюся землю и снова взмыло в небо.

Я долго лежал и тупо смотрел, как кружащиеся под облаками фигуры сливаются в огненное кольцо. А потом пустоты и тепла не стало. Задыхаясь от кашля, я перевернулся на живот. Кольцо пульсировало чистым белым светом.

Я приподнял голову и увидел Пеймона. Все как в Сахаре, только теперь кольцо было у меня и это Пеймон стоял на коленях. Он преклонил их перед Альфредом Кроппом, возлюбленным архангела, который низверг его с небес.

В правой руке он держал меч, который я выронил во время падения, – тот самый, что потерял Последний рыцарь в другой битве с отчаянием и тьмой. И всемогущий Пеймон, король низвергнутых с небес, склонил голову и подал мне этот меч.

«Слушаю и повинуюсь».

Часть V
Возвращение домой

56

Коротышка с яйцеобразной головой смотрел на меня в приоткрытую дверь, а позади него, тщетно высматривая, кто пришел, виднелись жена и дети.

– Чем могу быть полезен?

– Хорас, – сказал я, – ты что, не узнаешь меня?

Я снял солнцезащитные очки. Хорас выпучил глаза и разинул рот.

– Альфред? – взвизгнул он. – А нам сказали, что ты умер!

Хорас распахнул дверь, и я, чтобы избавить себя от объятий, выставил руку.

– Теперь вот ожил. Где Кенни?

За спиной Хораса началась какая-то возня, и я услышал знакомый голос:

– Альфред! Альфред Кропп! Альфред Кропп! Альфред Кропп вернулся!

Кенни протиснулся мимо Хораса и уткнулся мне в грудь.

– Они пришли и забрали твой меч, Альфред! Я не давал им. Я не хотел отдавать, не хотел отдавать, не хотел…

– Все в порядке Кенни, – сказал я. – Он у меня.

– Ты вернулся, – прошептал он.

– Я же говорил, что вернусь. Помнишь, я обещал, что спасу тебя?

Я махнул рукой человеку, который все это время стоял за мной. Он шагнул вперед и откашлялся.

– Доброе утро, мистер Таттл, как поживаете? Я Ларри Фредерикс из Департамента охраны детства. У меня есть постановление суда об изъятии у вас этих сирот.

– Что-что у вас есть?! – взвился Хорас.

– Постановление суда, согласно которому…

Я услышал, как охнула Бетти:

– О боже!

– Это возмутительно! – завопил Хорас. – Я требую объяснений! Я настаиваю на слушании! Я имею право знать, кто за это отвечает!

– Я за это отвечаю, – сказал я.

– Ты? – Хорас задвигал губами, как рыба. – Ты, Альфред?

– Я.

Я обнял Кенни за плечи и отвел его к припаркованному на обочине серебристому «лексусу». Хорас продолжал орать, а к дому уже подъезжала патрульная машина с помощниками шерифа.

Я распахнул дверь, и Кенни спросил:

– Куда ты меня забираешь, Альфред Кропп?

– Какое-то время побудешь у мистера Нидлмайера, – сказал я и кивнул на сидевшего за рулем лысого человека с улыбчивым детским личиком. – А там будет видно.

Я оглянулся и посмотрел на маленький дом на Бродвее. Хорас набросил на голые, убитые холодом кусты азалии пару гирлянд со старомодными цветными лампочками и выставил во двор полинявшего Санту (только Санта больше не светился, потому что лампочка перегорела, а на новую Хорас тратиться не собирался).

До Рождества оставалось два дня. Было холодно, но солнечно, и низкорослый кизил у подъездной дорожки отбрасывал на тротуар четкую тень. Я снова надел очки «Oakley razrwires»[32]. С некоторых пор мои глаза стали очень чувствительны к яркому свету.

– Встретимся дома, – сказал я Нидлмайеру.

Кенни снова запаниковал:

– Ты со мной не поедешь?

– Увидимся после обеда, Кенни, – успокоил я его. – А сейчас я опаздываю на встречу.

И тут, как по сигналу, в ухо запел «Bluetooth», и я нажал на кнопку возле виска:

– Альфред Кропп слушает.

Я закрыл дверь со стороны Кенни и пошел к припаркованному за «лексусом» суперкару. Мистер Нидлмайер медленно выехал на дорогу. Я видел, как Кенни удивленно смотрит на меня в заднее стекло, хотя, возможно, я себе льстил и смотрел он вовсе не на меня, а на мою тачку. Помощники шерифа, мистер Фредерикс и Таттлы ушли в дом. Место осиротело, но, может быть, я ощутил это, потому что покидал его сам.

– Хорошо, – сказал я человеку на другом конце линии. – Передайте ей, что я буду там через пять минут.

Я забрался в суперкар и поехал к месту встречи. Свернув на север, я набрал скорость, проехал мимо автобусной остановки, «Миссии спасения»[33] и отеля «Пятая авеню», который был заколочен и

обклеен объявлениями о продаже. На скорости шестьдесят пять миль в час пролетел мимо патрульной машины под железнодорожными путями. Полицейский на перекрестке Бродвея и Саммит-Хилл помахал мне рукой. Он знал, кто я такой.

Я припарковался на холме и вошел в церковь. Она была старой, широкие деревянные половицы скрипели под ногами, но свечки были электрическими и зажигались обычным выключателем. Наверно, служители боялись пожара. Я направился сразу к алтарю с распятием. Она сидела в первом ряду. Я поклонился алтарю и присел рядом.

Мне показалось, что она молится, и я не стал ей мешать. Через пару секунд она, не глядя на меня, произнесла:

– Здравствуй, Альфред.

– Привет, Абигейл.

– Хорошо выглядишь, – сказала Абигейл Смит. – Намного лучше, чем я ожидала.

– Сбросил лишнее, – ответил я. Я действительно похудел почти на тридцать пять фунтов. – Называю это диетой Пеймона. Новой кожей и новыми зубами я тоже обязан ему. Но ем уже лучше, а иногда даже получается поспать три часа. Не подряд, в течение суток.

– А волосы?

Я пробежался пальцами по волосам. Они отросли густые и меньше вились, но в них появились седые, почти белые пряди.

– Наверно, так и оставлю, – ответил я, имея в виду седину. – В школе этот стиль называют стремным.

– Стремным?

– Крутым. Наверно, раньше они считали меня ссыклом[34].

– Да, это действительно стремно, – рассмеялась Абигейл.

Затем мы с минуту сидели молча.

– Это был Меривезер, – сказал я. – Насколько я понял, он решил, что АМПНА пора завладеть миром. Вот и притворился, будто уволил Майка, а Майк выкрал Печати, чтобы запугать мировых лидеров и заставить их действовать сообща… или что-нибудь еще в этом духе. Но он совершил ошибку, когда приказал Майку извлечь меня, и все пошло не по плану. Наверно, я единственный герой, который спасает мир тем, что вечно лажает.

Абигейл кивнула. Не знаю, с чем она согласилась – с тем, что Меривезер спятил, или с тем, что я вечно лажаю.

– Где Майк? – спросил я.

– Не знаю.

– Меривезер?

– Под арестом. Конечно, он все отрицает, но у нас есть его переписка и показания Оп-девять. Организовав с Майком эту операцию, он нарушил незыблемые положения нашего Устава.

– Сэмюэл, – поправил я Абигейл. – Ему больше не нравится, когда его называют Оп-девять.

Абигейл кивнула.

– Альфред, ты знаешь, зачем я здесь.

Я повертел на пальце кольцо. Да, я знал, зачем она пришла.

– Простите, Эбби. Я много об этом думал. А вдруг у вашего нового директора тоже возникнет идея использовать Печати в своих целях? Всем будет лучше, если мы будем хранить их в разных местах. Согласны?

– Альфред, я лично даю тебе гарантию, что это не повторится.

– Извините, но ваши гарантии ничего не значат. Особенно после всего случившегося. Вы, ребята, похитили меня и без спросу выкачивали из меня кровь. Почему не попросили?

– Это было решение Оп-девять. Мы надеялись только на то, что твою кровь можно использовать в качестве активного агента. А согласишься ты на это или нет, уже не имело значения.

– Вы делали то, что нужно, – подхватил я, и она снова кивнула. – Что ж, я тут подумал, что вам, ребята, надо пересмотреть некоторые правила, потому что добро – это добро, а зло – это зло, и пусть я пацан, вам следовало дать мне выбрать.

– Конечно, – согласилась Абигейл. – И если когда-нибудь нам придется снова…

– Будем надеяться, что не придется, – перебил ее я. – Никогда. И не нужны мне никакие гарантии.

– Но я теперь могу их дать, – возразила Абигейл. – Я – новый директор.

Сперва я даже не понял, как отреагировать. Она сообщила об этом без всякой гордости – скорее, с грустью, и я решил не поздравлять ее с повышением.

– Я подумаю.

– Печати пока в безопасности, – продолжила Абигейл. – Но в мире есть и другие предметы, обладающие страшной силой. Вступая в Агентство, я торжественно поклялась делать все от меня зависящее, чтобы сохранить их и защитить от сил зла.

– Сделать то, что должно. Это мне уже знакомо.

– Это все, что я могу тебе сказать, Альфред. На меня давят подписавшие стороны. Они требуют забрать кольцо силой. Я не хочу. Мне кажется, что у нас блестящее будущее, но для того, чтобы оно стало реальностью, мы должны строить наши отношения на взаимном доверии. Если ты отдашь нам Великую Печать, это будет первым шагом.

Я поразмыслил и сказал:

– Извините, Эбби, но я не могу. Вас не было там … вы не видели, на что способны эти демоны. Может быть, АМПНА лучше поверить, что я не потеряю кольцо, или пусть мне разрешат выбросить его в канаву или еще куда-нибудь.

Эбби хотела что-то сказать, но осеклась. Она не глядела на меня, она смотрела на позолоченное распятие над алтарем.

– Мне будет трудно это объяснить, – сказала она и рассмеялась.

Этого я ожидал меньше всего. У нее были потрясающие зубы. Момент был не лучший, да и место тоже, но я решил, что при первой возможности поговорю с ней о гигиене полости рта. Может, она использует отбеливающие полоски или поставила фарфоровые коронки.

– Ты и впрямь необычный юноша, – сказала она.

И тут директор Смит наклонилась и поцеловала меня в щеку:

– До новых встреч… Береги себя, Альфред Кропп.

Она оставила меня перед распятием. Ее шпильки громко зацокали по деревянным половицам.

А я еще посидел в одиночестве и помолился.

57

В подземном гараже «Сэмсон тауэрс» я занял зарезервированное место с табличкой, которая недвусмысленно предупреждала, что нарушитель будет отбуксирован с парковки за свой счет.

Потом я прошел через просторный атриум с журчащим в центре фонтаном. Охранник за стойкой почтительно мне кивнул, а я вспомнил дядю Фаррела, который работал на этом месте до того, как моя жизнь стала поистине необычной.

В пентхаус я поднялся на скоростном лифте.

Из старого офиса моего отца вышел озабоченный Сэмюэл.

– Вот и ты, – сказал он. – Я уже начал волноваться.

Он проводил меня в кабинет Бернарда Сэмсона и закрыл за нами дверь.

Я рассказал ему о встрече с Абигейл.

– Это очень плохие новости, Альфред, – сказал Сэмюэл, когда я закончил. – Как директор, она подвергнется сильнейшему давлению. От нее будут требовать Печать. Агентство, как ты и сам знаешь, способно действовать очень жестоко. По Уставу она должна назначить нового Оперативника номер девять. Мы оба с тобой понимаем, что это значит. Агент, не соблюдающий правил, не позволит, чтобы ее личное отношение к тебе повлияло на исход миссии по возвращению Печати Соломона.

– Бывает, что и герои творят зло, – сказал я.

И Сэмюэл кивнул:

– Что ж, я по-прежнему не готов согласиться с таким аргументом.

Я сел за отцовский стол в большое кожаное кресло. Сэмюэл, откровенно встревоженный, расположился напротив.

– Наверно, мне не следовало уходить из Агентства.

– Но иначе у меня бы сейчас не было опекуна. Впрочем, он был бы – скорее всего, Хорас Таттл, а он мне сильно не нравится.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить тебя, Альфред. – Сэмюэл стал серьезен, как мало кто может. – Я никогда не брошу и не предам тебя, пусть даже придется схватиться со всей преисподней.

– Не говорите так, – рассмеялся я. – Мы это проходили.

Сэмюэл кивнул и помрачнел.

– В любом случае, – поспешно добавил я, – вам уже сказано – забудьте. Я знаю, почему вы не пошли со мной к Пеймону. Там, у двери дьявола, были не вы.

– О, это страшно, Альфред, и я буду жить с этим, пока дышу, но там был я, и я много часов убеждал себя в обратном. Мы слишком часто виним само искушение, а не себя за то, что ему поддались.

– Пожалуйста, не надо про искушение, – поморщился я.

Я встал из-за стола, подошел к окну и посмотрел вниз на улицу.

После падения со спины демона прошло больше месяца, но воспоминания были живы, как будто все это случилось вчера.

Я приказал Пеймону восстановить все разрушенное его легионами. И пока демоны наводили порядок на земле, он вознес меня в небеса.

Там он простер руку и произнес:

– Смотри, мой господин, как может быть.

Нет, у моих ног не лежал весь мир, и я не был его повелителем. Я сидел развалившись в школьной столовой. Меня, Альфреда Кроппа, окружил цвет школы. На мне была куртка, какую дают за особые достижения в учебе и спорте. Я был загорелым и накачанным, с полным ртом белоснежных зубов. Я находился в центре всеобщего внимания. По обе стороны от меня сидели девчонки-чирлидерши, блондинка и рыженькая, которые ловили каждое мое слово.

– Нет, – ответил я королю демонов.

Мне больше не хотелось стать звездой кампуса.

Тогда он снова простер руку, и я увидел белый дом с голубыми ставнями и тенистыми деревьями во дворе. Осень. Сумерки. Дети катаются на велосипедах в лучах заходящего солнца. Я сижу на кухне с какими-то людьми. Я их не знал, но понял, что это моя новая семья. Спокойный и добрый мужчина во главе стола – мой новый отец, а симпатичная разговорчивая женщина – новая мать.

И они любят меня. Это предложение демона не сулило никаких авантюр, никакого опасного геройства ради спасения мира, очутившегося на грани исчезновения. Самая обычная жизнь: девочки, танцы, футбол по пятницам и романтические походы в кино.

«Они узнают обо всем, что ты любишь, и обо всем, чего ты боишься», – говорил мне Сэмюэл. И я увидел сразу то и другое.

На этот раз отказаться было труднее. Намного труднее.

«Не возвращай нас в Чашу, и все это будет твоим».

И он показал третье.

Я увидел Эшли и замок на берегу моря. Бриз ласкал ее светлые волосы. Мы сидели под синим небом на утесе с видом на океан. В ее ярко-голубых глазах были тысячи ответов на тысячи вопросов, которые я мог и не задавать. Я обнял ее за талию. Она положила голову мне на плечо.

«Позволь нам остаться и служить тебе, господин».

Я посмотрел ему в глаза. Теперь это было не страшно, потому что мы, так сказать, поменялись ролями.

Короче говоря, я посмотрел ему в глаза и с трудом, будто проталкивал слова в узкую щель, прошептал:

– Нет. Нет. Нет.

Если подумать, то я уже давно смотрел в глаза демона – с той самой ночи в Сахаре.

Впрочем, нет. Дольше. Годами.

И в день, когда я приказал демонам вернуться в Святую Чашу, я впервые после маминой смерти отвернулся от этой бездны.

---

notes

Примечания

1

Перевод А. А. Штейнберга.

2

Satcom – серия космических спутников связи.

3

Медиаконтроль.

4

Веджи (to give smb. a wedgie) – схватить кого-либо за брюки или трусы сзади и резким движением подтянуть их вверх так, чтобы они врезались между ягодицами.

5

Поль Баньян – вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора. Часто Поль Баньян изображен на картинках с гигантским синим быком по имени Бейб.

6

Мажоретки, или *маржоретки* (*фр.* majorette – помощницы тамбурмажора, главного барабанщика) – девушки в военной или подобной форме, участницы парадов.

7

Национальный парк Грейт-Смоки-Маунтинс – заповедник США, который является самым популярным и крупным парком в восточной части государства.

8

Панхандл – неофициальное название цепочки городов на северо-западе Флориды, территория Панхандла примерно 320 км в длину и от 80 до 60 км в ширину.

9

Тип гражданских судов на подводных крыльях, созданных «Боингом», получил название «джетфойл».

10

Нексус (*лат.* nexus – связь, сцепление) – имеет множество значений в разных областях, но в общем случае обозначает центральную часть какой-либо сущности, центр сцепления каких-нибудь связей.

11

Том Клэнси – американский писатель, работал в жанре технотриллера и описывал альтернативную историю.

12

Точка «Т» – тактическая точка для воздушного сброса груза и десанта.

13

Сэндфойл (англ. Sandfoil) – песчаное крыло.

14

Господи, услышь молитву мою. И вопль мой да придет к Тебе. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь *(лат.)*.

15

«Сатком» – серия космических спутников связи.

16

Нижний уровень.

17

DEFense readiness CONdition – готовность обороны – шкала готовности вооруженных сил Соединенных Штатов Америки. Уровень DEFCON 2 предшествует максимальной боевой готовности.

18

Шерпы – чиновники и советники, готовящие материалы для международных конференций.

19

Митлоф – мясной хлеб.

20

Дуфус (dufus – doofus) – тупица.

21

Даффер (duffer – deafstupid) – глупец, дурак, а также плохой игрок в гольф.

22

«*S*» (*англ.* surface) – поверхность.

23

Раппорт – термин в психологии, имеющий несколько смежных значений; подразумевает установление специфического контакта, включающего определенную меру доверия или взаимопонимания с человеком или группой людей, а также само состояние такого контакта.

24

Скорость распространения звука в воздушной среде равна 330 м/сек, то есть за один час звук проходит 1200 км. Таким образом, один Мах (М=1) соответствует скорости звука. Число М=2 равнозначно 2400 км/час. При такой скорости самолет опережает звук своего двигателя и создает звуковую волну.

25

Гуфи (*англ.* Goofy) – мультипликационный персонаж, герой мультфильмов Уолта Диснея, высокий антропоморфный пес, один из лучших друзей Микки-Мауса и Дональда Дака.

26

«Украденное письмо» – рассказ Эдгара Аллана По.

27

RandD, НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

28

Applepie a la Mode – яблочный пирог с мороженым; яблочный пирог «алямод».

29

Российский аналог – «Цена удачи».

30

Пи-би-си (Public Broadcasting Service) – Служба общественного вещания.

31

Геологический парк штата. Дэвилс Миллхоппер представляет собой каверну в форме бутылки глубиной 35 м, в которой растет миниатюрный тропический лес.

32

«*Oakley razrwires*» – солнцезащитные очки со встроенными в дужку наушниками и USB.

33

«Миссия спасения» – религиозная организация, занимающаяся перевоспитанием и трудоустройством опустившихся людей.

34

Непереводимая игра слов. «Raw» не только «крутой», но и «сырой». Дальше Альфред предполагает, что его волосы считали «well-done» – «сильно прожаренными».